

Михаил Погарский

ПЕТЛЯ МЁБЛУСА

*философский детектив
мистификация пространства
копирайт приключений
геометрия мифа*

Посвящается Мишель Легран

**опера non omnia
том 8
том-міf**

Красногорск 2005

Три пред-и-словия

Михаил Погарский коллекционирует мифологемы. Эпиграфы. Архетипические фигуры речи. Борхесианские (они же мёбиусоидальные) образы. Символы символов, зеркала зеркал. Отражения отражений: потому если детектив, так уж про рекламу. Он, возможно, уверен, что мир можно спрятать в метафоре. Больше того: что его можно потом «обратно» из этой метафоры развернуть. Цитаты, символы и мифологемы можно положить в коробочку и звучно трясти ими, можно засыпать в калейдоскоп и подглядывать сквозь радужную щель за прихотливым соположением отчищенных до блеска парадоксов и вывернутых наизнанку трюизмов.

Погарский имеет право на такую — на мой вкус, несколько начётническую — деятельность — потому, что не ограничивается ментальными операциями. Он овеществляет метафоры и мифы в рукотворном продукте ошарашивающего качества и удивляющей скрупулезности. Можно оспорить архетип, если он подмигивает из глубин подсознания, но как его оспоришь, если он явлен как уникальная плотская вещь?

Погарский — один из немногих настоящих игроков в бисер. Потому что бисер — это не интеллектуальная спекуляция, а красивая живая реальность.

Вячеслав Курицын

нетривиальное- Треугольное со-знание

Если кто-то, прочита-ф слово «детектив», надеется погрузиться в стремительное и беззаботное чтение, то пусть лучше сразу отложит эту книгу... Здесь читателю придётся постоянно спотыкаться, возвращаться, пытаться понять, куда же заворачивается петля сюжета. Он будет вынужден выслушивать странные обсуждения какого-нибудь довольного слабого стихотворения, читать длиннющие таблицы, состоящие из потерь героя, внимать размышлениям о длине хвоста леопардов, размышлять вместе с героями о смысле и бессмыслии бытия или погружаться в утренний бред псевдоисторических событий... Казалось, бы, ради чего всё это? Кому всё это может быть интересно?

Но вдруг, читая, в какой-то миг понимаешь, что ты оказываешься погружён в совсем иную реальность. Ты понимаешь, что мир и миф — едины. Ты вместе с героями сам создаёшь этот мир-миф и сам становишься мифом. Верх и низ меняются местами, герой превращается в автора, автор становится читателем, а читатель трансформируется в героя. Бесконечное движение, которое только и может осуществлять бытие. Стоит кому-нибудь остановиться, стоит всего-навсего не поверить, и миф разрушится, а вместе с мифом разрушится мир.

Мифотворчество Погарского настолько тесно переплетено с реальностью, он сам оброс таким количеством легенд и мифов, что порой задумываешься, да полно, да возможно ли это, чтобы один человек и вдруг в таких совершенно разных проявлениях и ипостасях ... Одно только перечисление всех его свершений займёт, наверное, не один десяток страниц...

Как сказал бы нём Владимир Ленин: «это же какая глыба! Какой матёрый человечище!»

А «Петля Мёбиуса» — похоже, ещё один виток, который ещё на чуть-чуть уводит нас в сторону от тривиального к треугольному миру. Миру, в котором треугольные колёса существуют в форме изящных журналов, а обычные журналы становятся рабочим материалом, из которого мастер воссоздаёт новый мир.

Владимир Эсинский

Забыл куда идёт

Знаменитый просветленный давних времен, японский мастер дзен Энцу по прозвищу «Порожнее облако» был чрезвычайно забывчивым. Он забывал куда идёт, поэтому стучался в каждую дверь и спрашивал у выходящих к нему людей:

— Не в этом ли доме ждут Энцу?

Однажды некий богослов попросил его написать предисловие к своей книге. Энцу долго писал и сочинил гениальное предисловие. Но никто не разобрал его каракули, в том числе и сам Энцу.

Тогда он отдал это сочинение своему ученику, который и по сей день размышляет над смыслом предисловия Энцу.

Так писатель Марина Москвина передала мне своё предисловие для книги Михаила Погарского и попросила объяснить смысл ею написанного. Как можно это сделать, когда сама книга Михаила — это наволочка Велемира, полноводная река, несущая бесчисленное множество предметов, то самое зеркало, которое ставил у дороги Стендаль, чтобы все люди, случайно проходящие по ней, отражались в нём. А он отслаивал изображения и их превращал в страницы своих будущих книг.

Это предисловие так и не было расшифровано и было отправлено в корзину, в мусорную корзину для алмазной сутры, а мной написано новое, которое сейчас перед вами, дорогие читатели.

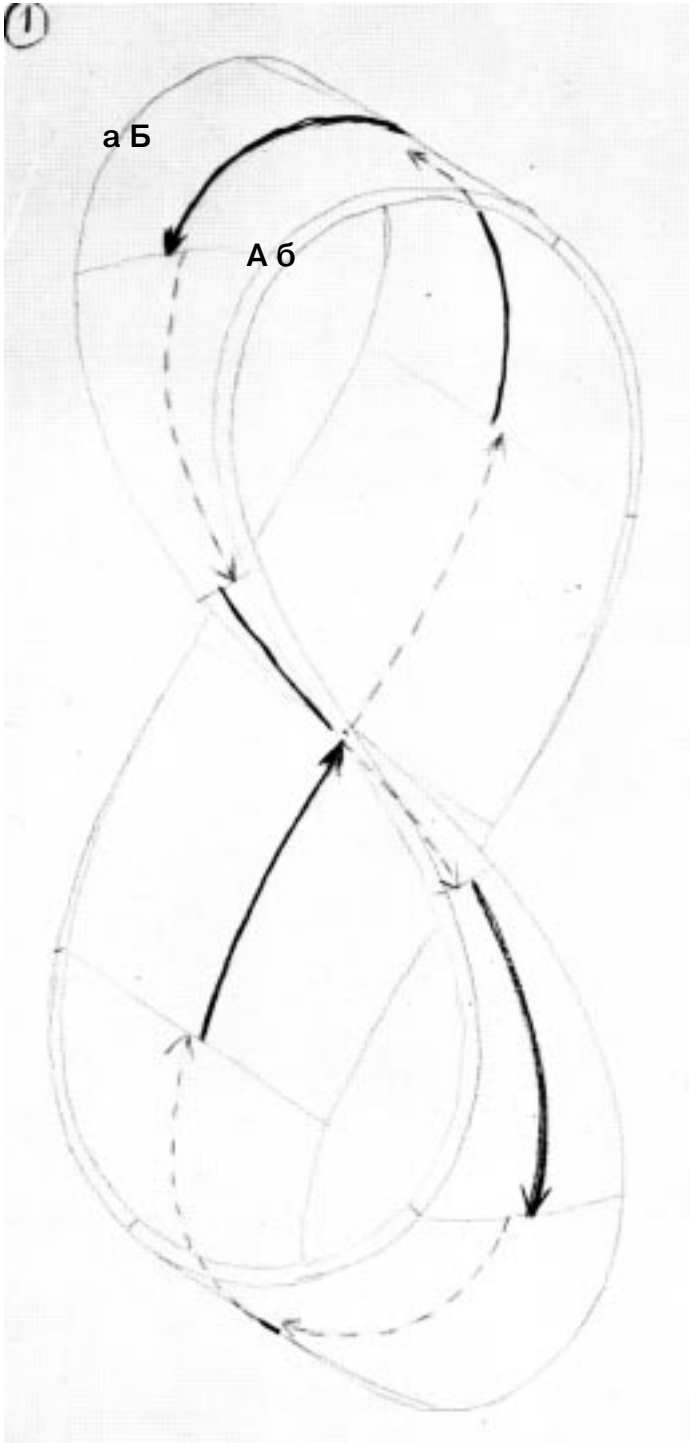
И ещё перед вами новая книга писателя и художника, странника и поэта, непостижимого Михаила Погарского.

Не в этом ли доме ждут Михаила?

Леонид Тишков

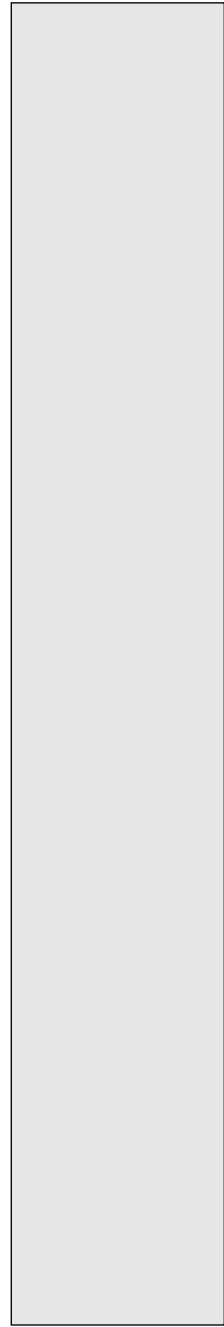

①

②

A Б

a

б

Лист Мёбиуса — простейшая односторонняя поверхность, рассмотренная немецким математиком Августом Фердинандом Мёбиусом. Получается при склеивании двух противоположных сторон АВ и аb прямоугольника АБба (рис. 2) так, что точки А и Б совмещаются соответственно с б и а (рис. 1).

(Определение)

А и **Б** сидели на листе

А слилось с **б**

а слилось с **Б**

Съелась поверхность на странном листе.

Подражание Новалису: «die Aufgabe in einem Buche das Universum zu finden» (Задача — в одной книге найти Вселенную).

(Петер Корнель. Пути к раю)

Нужно быть очень плохим идеалистом, чтобы отрывать миф от самой гущи исторического процесса и проповедовать либеральный дуализм: реальная жизнь — сама по себе, а миф — сам по себе...

...надо стать на точку зрения самой мифологии, стать самому мифическим субъектом. Надо вообразить, что мир, в котором мы живем и существуют все вещи, есть мир мифический, что вообще на свете только и существуют мифы...

...миф есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни, далёкая от всякой случайности и произвола.

(Алексей Лосев. Диалектика мифа)

Все пространства — это единое пространство, как и мысли — это единая мысль. Но моё сознание дробит пространство на мелкие и ещё более мелкие пространства, а мысли — на мелкие и ещё более мелкие мысли. Получается как многоквартирный дом...

Я действительно верен пустым пространствам, хотя как художник я создаю много ненужного.

Пустое пространство никогда не пропадает зря.

Зря пропадает любое пространство, где есть искусство.

(Энди Уорхол. Философия Энди Уорхола)

Миф — это нагромождение аналогий, раз за разом, до бесконечности. Они заполняют вагоны поезда сознания. Миф — это состав коллективного сознания взаимодействующего человечества. Всего. Без остатка.

Не чувствовать себя частью единого целого, считать, что человек может принимать или отвергать миф по своему усмотрению, — значит не понимать, что такое миф...

Выйти за пределы мифа, значит, сойти с ума...

(Роберт Пирсинг. Дзен и искусство ухода за мотоциклом)

Теперь пора в полной мере осмыслить и понятие героя: глубинным образом оно вытекает из самого существования мифических ситуаций. Герой по определению есть тот, кто находит какое-то разрешение этих ситуаций, какой-то удачный или неудачный выход из них. Дело в том, что индивид страдает, прежде всего, от невозможности вырваться из раздирающего конфликта. Любое, пусть даже насильственное и опасное решение кажется ему желанным; однако социальный запрет делает для него это решение невозможным психологически ещё более чем материально. Поэтому он ставит на своё место героя — то есть герой по природе своей нарушитель запретов.

(Роже Кайуа. Миф и человек)

Надо научиться задавать себе простой, но драматический вопрос: кто я? Только приведя себя в движение, мы дойдём до вечного источника наших «временных» трудностей. Не поставив себя под вопрос, принимая себя за очевидную данность, мы не сможем двинуться ни в прошлое, которое жаждем понять, ни в будущее, которое стремимся создать...

(Мераб Мамардашвили)

Книга, равная жизни, не должна охватывать всё мироздание, но лишь проявлять наиболее характерные его черты. Это скорее книга вопросов, а не ответов...

... и естественно нарушение стилей...

... любой монизм подобному производству противопоказан...

...каждый в ней должен обретать свой собственный мир: кому-то будут любопытны вкраплённые по всей канве анекдоты, кого-то захватит сама интрига повествования, кто-то услышит в ней озвучание собственных мыслей, кого-то она должна подтолкнуть к размышлениям, а кто-то просто окупётся в неиссякаемую поэзию текста...

... разумеется, эклектична, как и сама жизнь...

...нить повествования должна, то нестись стремительным горным потоком, то теряться в омуте непостижимых измышлений, то застревать на воротнике у героя, то просто обрываться...

(Ван дер Вайн. Книга, равная жизни)

Глава первая. КРОЛИК ВЫХОДИТ НА ТРОПУ ВОИНА

Для подлинности первого лица необходимо ещё и третье рождение — акт заброшенности в мир. Если нет во мне шпиона, то нет и меня.

Поэтому картезианская экспликация самодостоверности — cogito, ergo sum — принципиально предназначена для других, она не может быть внутренним рефреном.

(Александр Секацкий. Шпион и разведчик: инструменты философии)

1.1 ПРО БУЖДЕНИЕ

Сон был до того мерзким, что хотелось немедленно выпрыгнуть из него, скатиться на пол с кровати, прижаться разгорячённым лбом к прохладной полировке серванта и отдаться сладостному потоку безмыслия. Успокаивало только одно — сон. А раз сон, то он непременно скоро закончится, и утреннее пробуждение сторицей воздаст за все ночные кошмары. А снилась Семёну Кроликову полная и гнусная абракадабра, а точнее снилась ему 40-я симфония Моцарта, которую какой-то сволочной музыкантишка выстукивал электронным молоточком прямо по мозгам заказного литератора Кроликова. И когда Семён, безжалостно расстреляв этого противного электронщика своим решительным пробуждением, уткнулся полураскрытым взглядом в невесть откуда взявшийся мобильник, то получалось, что кошмар ещё не закончился. Получалось, наоборот. Получалось, что ирреальный лабух трансформировался во вполне настоящую, звенящую и гремящую 40-й симфонией финскую трубку, по экрану которой носился мультяшный кролик и стрелял по морковкам из автомата Калашникова.

Ошарашенный Семён взял трясущимися руками вибрирующий серебристый брусочек и с третьей попытки унял бушующих в нём бесов.

— Опаздываем, Семён Аркадьевич, опаздываем. На первый раз это может быть простительно-с, но в дальнейшем попрошу Вас быть предельно пунктуальным. Точность в нашем деле решает всё. Мы ведь с Вами как на минном поле: секунда влево, секунда вправо и аут — взрыв-с, и полетели клочочки по заулочкам, — донёлся из трубки приятный дикторский тенор.

— С кем имею честь, извините, — просипел вконец изумлённый Кроликов.

— Ай-я-яй-яй! Нехорошо-с, дражайший господин Кроликов! Нехорошо-с. Как говаривал-с незабвенный доктор из Вальпургиевой ночи: «Пить вам вредно, Лев Исакыч...»

— Семён Аркадьевич, если угодно.

— Нечто я не понимаю? Но говорить мне это сейчас — всё равно, положим, что сказать венецианскому мавру, только что потрясённому содеянным, — что сдавление дыхательного горла и трахеи может вызвать паралич дыхательного центра вследствие асфиксии.

— Гуревич! Мать твою! Ты вообще, что ли, блин! Ты, знаешь, сколько времени, гад! Нормальные люди ещё только третий сон видят, блин! А ты, мать твою! А откуда ты мобилу-то взял, морда твоя протокольная, — радостно ругался начинающий что-то понимать Кроликов.

— Отвечаю, по пунктам, любезный Семён Аркадьевич. Гуревича вы опознали совершенно верно. (Венедикт Ерофеев «Вальпургиева ночь или шаги командора», акт первый). Времени сейчас, если быть точным, 9 часов 47 минут. И у многих людей, коих вы считаете ненормальными, уже давным-давно начался рабочий день. А мобила эта, как вы изволили-с выразиться, со вчерашнего дня принадлежит вам, почтенный Семён Аркадьевич.

— А-а... Э-э... А-а, Я, э-э.. простите... — заблеял (или что там у кроликов?) вконец ошарашенный Семён.

— Понимаю, Семён Аркадьевич, понимаю. Понимаю и напоминаю, простите за невольный каламбур, что в 9–30 у нас с вами была назначена встреча в ресторане «Аб ово». И судя по всему, вы на эту встречу немилосердно опаздываете. Но отменять её, поверьте мне, нет никакой возможности. 20 минут вам на приведение себя в порядок, это будет, стало быть, 10–10, 15 минут на дорогу, 5 ещё туда-сюда. Итак, в 10–30 мы ждём вас, болезный вы наш Семён Аркадьевич.

— А-а... А где...

— Новояичная 1, дробь 1... Впрочем, вас доставят, Семён Аркадьевич. Машина уже полчаса как у вашего подъезда. Время-не-ждёт, как говаривал 100 лет назад американец Джон Гриффит, позаимствовавший впоследствии фамилию у столицы Англии.

Кролик с экрана телефона прицелился и бабахнул прямо в Семёна. Наш герой тупо смотрел на хитрого кролика и пытался хоть как-то привести свои мысли в порядок. «Вчера они с Митькой Гуревичем обмывали его аванс за контракт на книгу, про аборигенов острова Борнео. Они выпили стаканчика по три в «Прасковее», причём эрудированный Митька постоянно травил какие-то борнерийские байки. Про то, как американские лётчики прилетали на этот остров, предварительно размечая дорожку сигнальными огнями. И как наивные даяки приняли их за богов, и как после этого они ежедневно зажигали эти сигнальные огни, призывая богов вернуться и привезти ещё немного огненной воды, но боги, несмотря на все их усилия, не возвращались. А ещё Митька уверял, что даяков назвали так пришедшие колонисты, за их обычай предоставлять гостю лучшую жену в качестве десерта, а живших на побережье назвали ибанами, поскольку только ибанутые люди могли поселиться в цунамиопасной зоне... Потом они отправились перекусить в «Домбай», где взяли сначала 200 гнусного коньяка под *лоббио*, потом 300 под *люля*, а потом ещё кажется по 50 — просто так. Потом Митька потащил его куда-то ещё... И дальше следовал полный провал... Дальше уже была 40-я симфония... Впрочем, Митька ещё, кажется, рассказывал про то, что борнерийские шаманы именно похмелье почитают состоянием прозрения. Что они якобы надираются до состояния мокрого песка, а утром, находясь в божественном отупении тела и -трофии сознания, могут зреть будущее... Он ещё поинтересовался у Митьки — какой-такой трофии? А Митька сказал, что то ли «гипер», то ли «а», и что мол это, по большому счёту, одно и то же, и ввернул что-то про Гениальность и Умопомешательство Чезаре Ломброзо...

Уж не знаю, как там борнерийские шаманы, а он не только не видел будущего, но и очень смутно помнил прошедшее. Сознание и память его

определённо трофировались и скорее «а», чем «гипер»... Откуда, чёрт возьми, взялась эта мобила? Что это за дядька с дореволюционными манерами ему только что звонил? Что ещё, на хрен, за встреча в такую рань? Может быть, Митькин дурацкий розыгрыш? *Ab ovo?* *Ab ovo* — это, кажется, «от яйца» в переводе с латинского, т.е. с самого начала. От большого взрыва. Из вселенского нуля. Впрочем, сейчас рестораны и прочее как только не называют, кто, например, помнит, что Комус — это древнегреческий бог кутежа, а не канцелярская фирма... Что шангрила — это иное название шамбалы, а не казино... Но... Новояичная улица... неспроста, неспроста тут что-то, ох, неспроста...» Все эти высокие (или невысокие) мысли копошились в голове Семёна, в то время как руки автоматически чистили зубы и пытались хоть как-то привести в порядок разлохматившиеся вихры. «20 минут.. За 20 минут сложно прийти в порядок, если тем более пива нет под руками... какой же тут, на хрен, порядок, без пива-то? Без пива, наоборот, один сплошной беспорядок! А впрочем, а точно ли нет? Мы, блин, и правда, как на минном поле: не попадёшь куда надо — взорвёшься...» Взгляд его ошалело уткнулся в ряд пивных бутылок, оккупировавших обычно пустой холодильник. Бутылки стояли подобно бравым солдатам и жаждали употребления, а подле них возлежала (и никак иначе) на нижней полочке бутылка Мартини бьянко бок о бок с джином Биффитнер и пакетом апельсинового сока. «Если это положим, розыгрыш, то не такой-то уж он и плохой, — ласково подумал Семён, налив себе полстакана джина и разбавив его для пущей важности порцией мартини (бутылка, надо заметить, была со специальной порционной пробкой), — молодец Митька. Вот только на чьи это, интересно знать, денежки этот прохвост резвится? Уж не на остатки ли его ещё не отработанного аванса?» — и, допив с этой тёмной и печальной мыслью только что сооружённый коктейль, он обшарил карманы своей потёртой ветровки. В карманах, кроме жалкой горстки монеток, обнаружился недоеденный пакетик фисташек, шёлковая женская перчатка, проездной в метро на десять поездок и рекламный пакетик шампуня. Борнерийским авансом там даже и не пахло, а если когда-то и пахло, то весь запах давно уже выветрился... И тут взгляд Семёна уткнулся в пачку зелёных бумажек с портретом изобретателя громоотвода, небрежно брошенную на журнальный столик. «Может быть, даже и не розыгрыш... может быть он вчера по-пьяни вляпался в историю, куда как покруче, чем островная литература. Может быть, и в самом деле его ждут на какой-то встрече. Может быть, тот серебристый лимузин под окнами как раз его-то и ждёт».

Оказалось — его. Шофёр, только что сошедший с обложки глянцевого журнала, предупредительно распахнул дверцу. И на вопрос Семёна можно ли в салоне курить, откинул крышку мини-бара с вмонтированной туда пепельницей. Из глубины обитого бархатом шкафчика на Семёна уставились бутылочки с какими-то ликёрами, коньяками, висками и ещё чёрт его знает чем. И хотя перед этой непонятной встречей не следовало перебарщивать с алкоголем, но и победить искуc — выпить в этой шикарной машине, поданной специально для него, — было никак невозможно... Он накапал себе в серебряный стаканчик грамм двадцать коньяку и, закулив тонкую гаванскую сигару, погрузился в свои перепутанные размышления:

«Кто это там из древних вещал про *tabula rasa*? Локк, не иначе. Мол, нету у нас никаких врождённых идей. И явились мы в этот безумный мир с сознанием чистым, как белый кафель, и что, мол, господин опыт черкает там красным маркером, когда мы разбиваем лоб о непонятности, и ставит там серые чёрточки наша рефлексия, когда даём мы себе труд задуматься о месте своём и предназначении. Ну и ладно. Ну и пусть никаких вчерашних идей. Ну и начнём с этого самого ab ovo. С сырого яйца, разбитого на стерильно-чистую доску. С глотка виноградной крови, восстанавливающей внутреннее солнце... Сегодняшний опыт уверяет нас, что мир-то устроен не так уж и глупо. Что в мире существуют заказчики и посолоннее Этнографического общества. И что Сенька Кроликов ещё ого-го-го. Что Сенька ещё вам покажет».

*Дорога вилась серой петлей, сливаясь с петлями жизни.
И плыли сами по себе лишь облака. Внутреннее солнце просыпалось.*

1.2 АБ ОВО

В ресторане, который начинал работать с 12-ти, в небольшой нише, уютно укрывавшей от постороннего мира, был предусмотрительно сервирован столик. Ничего лишнего на нём, пожалуй, не было: икра двух цветов, крупные маслины с косточкой, дымящийся омлет с ветчиной, жареная рыба непонятной масти, овощи, соки, минералка, джин, тоник, мартини. Накрыто было на одного... Семён в замешательстве уселся, не зная как быть: его пригласили на встречу, накрыто на одного, жрать после двух аперитивов хотелось по полной, и естественно возникает второй вопрос русской интеллигенции: *что делать?*

Ситуацию спасла трубка, взорвавшаяся опротивевшей с утра 40-й симфонией:

— Завтракайте, Семён Аркадьевич, завтракайте, мы скоро будем.

Семён не заставил себя упрашивать. Плеснул себе рюмку чистого джина, зачерпнул столовую ложку чёрной икры, лихо выпил и не менее лихо закусил, после чего мгновенно уничтожил омлет, выпил ещё рюмку и уже не спеша начал поглощать рыбу с овощами. Минут через 20 завтрак аристократа подходил к победному концу, в голове привычно шумел алкоголь, требуя немедленной добавки, но Семён, памятуя о непонятной встрече, сграбастал себя в ежовые рукавицы и налил себе апельсинового сока. Откуда-то из-под земли вынырнул официант, молча убрал остатки провизии и буквально через минуту принёс три чашки дымящегося кофе. И вместе с кофе появились они. Прямо из девятнадцатого века, минуя двадцатый, в лето 2004 года. Отутюженные фраки, тросточки, бородки клинышками (у одного чёрная у другого русая) — ну, полные копии тех придурков, что рекламируют пиво «Золотая бочка». Семён в своём выдавшем виды джемперочке почувствовал, как вспотели его худые ладони, и вытянулось и без того-то длинное лицо.

— Итак, Семён Аркадьевич, давайте обговорим-с детали нашего маленького дельца, — начал русобородый, отхлёбывая кофе.

— Д-давайте, — выдавил из себя Семён, надеясь, что детали прояснят ему основную суть.

Осколки позабытой жизни...
Как найти в них затерянный ветер?
И звезду, что ушла в никуда...

— Вот фотографии интересующего нас объекта. Адреса, извините, нет, и не потому, что, извините, это трудно узнать, а потому что адреса в настоящее время у него нет как такового — ночует человек, где придётся. Часто бывает, как это у них говорят, на сквоте, расположенном вот по этим координатам. А это фотографии его ближайшего окружения — тоже, возможно, будут Вам полезны.

Семён ошалело смотрел на фотографии бородатого темноволосого мужчины лет тридцати пяти и пытался хоть что-то вытащить из памяти вчерашнего вечера. Но память его была тверда, как Зоя Космодемьянская на допросах фашистских оккупантов. Делать было нечего, и как бы это было ни стыдно, Семён решил покаяться в грехах своей памяти.

— Простите великодушно, господа, но я... я, видите ли, довольно смутно помню, о чём мы с вами вчера договаривались, и если это как-то связано с криминалом, то я...

— Помилуйте, Семён Аркадьевич, какой криминал?! — недоумённо вскинул бровь чернобородый, — будь нам нужен киллер, ну неужели бы мы стали обращаться к вам?! Нам нужна информация, Семён Аркадьевич! Вы должны войти в доверие к этому человеку. Причём сделать это нужно быстро. Можно сказать молниеносно. Если мы не получим нужную нам информацию в течение пяти дней, то считайте всё, считайте, что Вы с заданием не справились, и придётся Вам, дражайший Семён Аркадьевич, отработать потраченные на Вас деньги каким-то другим способом-с.

— Ну, хотя бы и тем же киллерством, — захохотал русобородый.

— Ну, я думаю, до этого не дойдёт, — усмехнулся его компаньон.

— А, простите, то есть, ну, это, а какого это рода я должен выяснить информацию? — залепетал насмерть перепуганный Семён.

— Это Вы скоро узнаете. На сегодняшний день Вам лишние сведения только повредят. Не волнуйтесь, это не государственная тайна, обычный экономический шпионаж. Сейчас Ваша задача войти в доверие к объекту. И запомните: время не умеет течь вспять и даже в сторону.

На этом выходцы из позапрошлого века дружно встали и, чинно откланявшись, удалились.

Не умеет течь в сторону, блин! Ещё как умеет, в неё-то оно сейчас как раз и течёт! Где это видано, чтобы при прямом течении времени из кролика сделали экономического шпиона. Да он же, редиска, при первом шухере расколется и всех выдаст. Выдаст. Выдаст? Бог не выдаст — свинья не съест. Что за идиотская идиома, блин! Однако, кого он, чёрт возьми, может выдать? Он ведь не знает о них ничего, ну просто-напросто ничегошеньки. Семён накапал себе рюмочку джина, безвкусно выпил, поморщился, отхлебнул минералки из горлышка. И вдруг его осенило! А не позвонить ли ему прямо сейчас Митьке Гуревичу? Благо эти супостаты снабдили его мобильником-то!

На пятнадцатом сигнале в трубке раздался сонный Митькин голос.

— Какого чёрта в эдакую рань, охренел что ли совсем, крольчатина ушастая?

— Митя, Митенька, ты только трубку не кидай, ладно? Дело, понимаешь серьёзное, — зачистил Семён, — ты только скажи мне, скажи мне — чем вчера дело кончилось, и аллес. Это важно, Митенька, я, понимаешь, ничего не помню.

— Чего там важного-то? С конца, что ли, капает? — загоготал просыпающийся Митька, — да ничего вроде и не было такого-то уж. Ты с какого места не помнишь-то?

— С «Домбая», Митенька. «Домбай» помню, а потом уже всё, как бритвой резануло.

— Ну, потом мы в «Мажор» пошли. Взяли 300 водки и огурцов малосольных. Ты там каких-то своих друзей встретил. Странные какие-то на англичан похожи, правда, по-русски шпарят получше нашего.

— Один с русой бородкой, а другой с чёрной?

— Во-во, они самые и есть.

— А откуда они взялись, Митёк, откуда?!!

— Да хрен их знает? Я в сортир ходил. Прихожу. Они сидят. Водка новая на столе, жратва. Ты промышал что-то, типа, мол, это твои друзья, и что вам уже скоро пора. Ну, мы выпили с ними за знакомство, и вы отчалили. А мне-то чо? Полный стол выпивки, жратвы. Я девчонок молоденьких подогнал нахаляву пожрать, ну, и это, вон они, дуры, дрыхнут ещё. Ты, если хочешь, приезжай. Их двое, и ничего так, хорошенькие.

Семён молча отключился. Ничего нового. Всё начинается с самого нуля. Аб ово, как говорили римские мудрецы.

Взгляд упал на солнечный луч, пробивающийся сквозь штору. Впрочем, взгляд просто упал.

1.3 АДРЕС ЗАКОЛОЧЕННОГО ДОМА

Семён Кроликов, в мгновение ока превратившийся из заказного литератора в экономического шпиона, тащился сквозь мелкий морозящий дождь в сторону 5-го Старорублёвского переулка, где, по полученным сведениям, обитал его загадочный респондент, обладающий таинственной информацией.

Дождик приятно освежал разгорячённое сознание. Семён медленно, но верно отходил от утреннего испуга. «Подумаешь, шпион! Что тут такого феноменального? И Сомерсет Моэм был шпионом, и Гёте был шпионом. А Секацкий Александр вон вообще утверждает, что все мы как один шпионы! Мы должны выведать все сокровенные тайны этого мира и доложить о них Господу Богу или хотя бы самому себе. Нас забросили в этот мир в бессознательном возрасте, и вдруг в какой-то момент мы начинаем осознавать, что находимся в стане врагов, что верить нельзя никому, даже себе (Мюллеру, естественно, можно)... И вот мы начинаем маскироваться под добропорядочных граждан, изо всех сил стараясь делать вид, что мы такие же, как все... Мы подстраиваемся под законы чужого мира, втайне надеясь, что когда наша миссия здесь закончится, мы наконец-то соединимся со своим истинным я, и наконец-то сможем делать то, что захотим... Правда, кажется, существуют в нашем мире и совсем плохие шпионы, существуют всякие отморозки, которым глубоко плевать на всякую маскировку. Они каким-то странным образом умудряются избежать разоблачения и уже здесь, на Земле, делают то, что хотят...»

И тут Семён уткнулся в обозначенный на бумажке адрес. Перед ним стоял дом, напоминающий дореволюционный банк, на дверях которого висел огромный замок. Выбитые окна были намертво зарешечены, и попасть внутрь не представлялось Семёну возможным. Он обследовал боковые подходы, забрался на какую-то свалку с задней стороны, методично подёргал все решётки на окнах — всё было безрезультатно. Адрес был намертво заколочен.

Целительное воздействие утреннего алкоголя выветривалось из Семёна вместе с дождём и неудачей. Он утомлённо привалился к каменной стене и, закури́в сигарету, мысленно начал напевать саму собой придумавшуюся песенку:

*Нам дали адрес заколоченного дома,
И не добраться нам до истины никак,
И наши гуси не боятся больше грома,
А я боюсь его, как истинный муда́к!
А я боюсь его, как истинный муда́к!*

И вот она! Вот она, удача разведчика! Из подворотни вывалился человек из окружения объекта! Человек поднял воротничок своего плаща и потихоньку засеменял в сторону центра.

Кроликов, вспоминая все приёмы слежки, виденные в шпионских фильмах, двинулся за ним следом.

Дождик дождил, как ему и положено. И вот уж действительно, как говаривал Богомил Райнов: «Что может быть лучше плохой погоды?»

Глава вторая. КОТ В МЕШКЕ

Такую возможность допускает даже Вассер, который говорит: «По-видимому, ещё не решено, скрываются ли под пышной фантастической одеждой великие и истинные, хотя и неразвитые идеи, или же сама основополагающая мысль проникнута глубокой, всеохватывающей иронией».

(Петер Корнель. Пути к раю)

2.1 ПЕТЛЯ МЁБИУСА

В петле в тот вечер господствовал только один, седьмой падеж (ласкательный). Слово, склоняемое в седьмом падеже, обрастало окончанием «бля» и могло отвечать на любые вопросы.

Что это? — водка-бля.
Хочу чего? — водка-бля.
Добавить к чему? — к водка-бля.
Вижу что? — водка-бля.
Запиваю чем? — водка-бля.
Думаю о чём? — о водка-бля.

Когда я зашёл в Петлю в тот вечер, там, как обычно, сидели: Бек-бля, Лика-бля, Хром-бля и Шарик-бля. Шарик — это отнюдь не собака, а маленький круглый заикающийся очкарик, который всё время читает и перечитывает своего любимого Ван-дер-Вайна. Шарик может выуживать из этого полукорсиканца и полусирийца совершенно потрясающие и противоположные по смыслу цитаты. Вот и сейчас он встретил меня с сияющим блеском в глазах.

— П-послушай, М-миф, к-как это т-точно у В-вайна с-сказано: «С-счастье и д-довольство от-тупляет. В р-раю н-не может быть т-творчества. В-все ангелы — к-круглые д-дебилы и ид-диоты. В-всемогущество п-приводит ко скуке. С-скука — к б-безделию. Б-безделие — к отуплению. П-поэтому мир не м-мог быть создан в-всемогущим. Эт-то с-скорее всего эк-ксперимент и, в-возможно, н-не совсем удачный». К-каково, а?

— Сильно сказано, Шар, — ответил я и закурил.

С хорошей цитаты начинался этот вечер. Вечер нулевого отсчёта. У листа Мёбиуса нет ни конца ни начала. Поэтому любую точку можно принять за точку отсчёта. Или за точку сборки. Пусть этой точкой станет тот вечер. И безразлично, в какую сторону от неё следует двигаться, а точнее петлять...

— А что Миф-бля, не испить ли нам водки-бля? — вмешался в разговор тихо покуривающий Хром.

— Можно, — сказал я и вытащил из сумки поллитру дешёвой водки.

Я был новичком в петле и поэтому старался не приходить туда, не затарившись предварительно водкой или портвейном. Удивительное дело, но Хром, каким-то своим восьмым чувством всегда угадывал, что я в этот день принёс — портвейн или водку.

Мы разлили по белым пластиковым стаканчикам поллитру и молча выпили. Все закурили, за исключением Шарика, не отрывавшегося от книги.

— В-вот д-даёт В-вайн: «Несчастье и н-нужда от-тупляют. В ад-ду не может быть творчества. В-все д-дьяволы — ид-диоты и д-дебилы. З-злость и боль от-тупляют. Н-несчастное с-существо н-не может ни о чём д-думать, к-как т-только о с-своей з-злобе или о с-своей б-боли».

— Послушай, Шарик-бля, что это твоего Вайна-бля всё отупляет? Счастье отупляет, бля! И несчастье, бля, тоже отупляет. Нет ли тут пртиворечия, бля? Что же, по-твоему мнению, не отупляет? — беззлбно спросил Бек.

— К-как ч-что? К-как ч-что? Ж-жизнь — к-конечно.

Предположение жизни, а тем более мысли — безусловно безумно!

2.2 ПРЕДЛОЖЕНИЕ

— Слышь, Миф, может мы, это, бля, за добавкой сгоняем? — неожиданно предложил Бек.

И мы пошли.

— Мне, вообще-то говоря, на добавку начхать, — сказал Бек, как только мы вышли из петли, — Мне поговорить с тобой надо. Тет-а-тет, так сказать. Тут, короче, такое дело, Миф. Шарик, болтал, что-то такое, что ты раньше в рекламе работал. Это правда?

— Ну, вроде того.

— А чо счас не работаешь?

— Выперли.

— Профнепригодность?

— Да, не-е. Скорее наоборот.

— То есть?

— Помнишь рекламупельменей Бюл-Бюл?

— «Макни Бюл-Бюл»?

— Ну да. Это моя придумка. И название, и макни, и тарелка с соусом.

— Ну, чо, хорошая такая реклама.

— Хорошая-то она хорошая. Но дело в том, что у меня была тогда девушка Бинка. И я ей через эту рекламу в любви объяснился. Если *Макни Бюл-бюл*. Задом наперёд прочитать, то получится. *Люблю Бинка. М.*

Ну объяснился бы, да и фиг бы с ним, но я тут по-пьяни похвастался, докатилось до начальства, а начальство у нас с юмором в разных плоскостях находятся. Ну и уволили, козлы.

— Хм, а чо, лихо, ты!.. Послушай, Миф, а мог бы ты мне помочь в одной рекламной кампании?

— ???

— Понимаешь, один мой приятель, Вонг, даёт весьма неплохую денежку за рекламу его товара.

— А что за товар?

— Понимаешь, в том-то и дело, что Вонг пока и сам не знает. Там идёт длинная цепочка взаимозачётов. И вот он завтра улетает в Стамбул, где ему дадут партию какого-то товара. Через месяц товар будет у него на складе, и Вонг хочет как можно быстрее его продать, потому что и сам должен очень серьёзным людям.

— То есть рекламировать нужно кота в мешке?

— В десятку.

— Бюджет?

— Бюджет сказочный!!! Вонгу в массмедиа кто только не должен: и газеты разные, и журналы, и ТиВи и радио всякие. Ну, и нам он для поддержания штанов баксов по пятьсот отсыплет. А если после его приезда за неделю весь товар разойдётся, то получим пять процентов с продажи.

— Годится.

И в эту минуту у Мифа прохудился карман, и из него сквозь брючину на мокрый асфальт упала жёлтая монетка.

2.3 ЛЮДИ-ЧЕЛОВЕКИ

Я лежал на балконе у Бека и читал под настольной лампой одолженного у Шарика Ван-дер-Вайна. «Человек не сводится к сумме биологий и разности психологий. Неразумные, с точки зрения биологии и психологии, поступки — одно из основополагающих свойств человека. Газета „Вечерняя Москва” сообщает, что Иванопуло Михаил Михайлович в состоянии сильного алкогольного опьянения забрался по водосточной трубе на мэрию города Красноармейска и помочился оттуда на головы иностранной делегации. На следующее утро Иванопуло дать вразумительное объяснение своему поступку не сумел. „Ретивое взыграло”. Ретивое! И мы бы даже сказали человеческое взыграло у Михаила Михайловича».

Дальше Ван дер Вайн распространяется в том смысле, что все человеки люди, но не все люди человеки. Мол, просыпаться в семь утра, завтракать, пилить на работу, восемь часов вкалывать за хлеб насущный, а потом ужинать, смотреть телевизор и спать — этого всего, мол, мало, для того чтобы быть человеком, это, по мнению Вайна, технологически организованная животная жизнь. И человечество, мол, в основной массе своей тяготеет именно к животной жизни. Потому как человеческая жизнь со всевозможными безрассудствами и сумасбродствами более опасна и проигрышна по сравнению с жизнью животной. И люди-животные потихоньку-полегоньку выживают людей-человеков. «Справедливости ради, надо сказать, — замечает Вайн, — что большинство людей-животных очень тепло относятся ко многим людям-человекам и даже подкармливают их, при условии, что человеки эти не сильно шумят и буянят».

Интересно, откуда Ван-дер-Вайн добывает себе «Вечернюю Москву»? Пожалуй, во всём этом тексте, именно «Вечерняя Москва», вызывает недоумение. А впрочем, если это умничанье переводил какой-нибудь продвинутый чувак, то он мог заменить ею какой-нибудь «Вечерний Мадрид»...

В эту точку мысли на балкон вывалился Бек с двумя африканскими тамтамами.
— Надо Луну спасать. Совсем проклятые облака ей светить мешают.

И мы долго выстукивали африканские ритмы под завывание ветра и возмущение соседней.

Облака удалось разогнать.

Бек безусловно — человек.

2.4 РЕКЛАМА КОТА В МЕШКЕ

На следующее утро мы с Бекком устроили мозговой штурм по разработке рекламной линии Вонговского товара.

Я был генератором идей, а Бек критиком.

— Трудно себе представить, как вы до сих пор обходились без этой вещи!

— Не пойдёт, — восклицал Бек, — где уверенность, что это будет вещь? А вдруг с Вонгом расплатятся партией африканских проституток? Надо мыслить шире, Миф.

— Хорошо. Трудно себе представить, как вы до сих пор обходились без ЭТОГО. Ведущие психологи мира утверждают, что всего двадцать минут созерцания ЭТОГО снимают усталость, успокаивают, настраивают мысли на умиротворённый лад, позволяют взглянуть на свою жизнь со стороны и принять новые, поистине программные решения!

— Слушай, а не слишком мы это? А вдруг с Вонгом расплатятся какой-нибудь зубной пастой?

— Ерунда! Созерцать можно всё, даже зубную пасту. Рисуешь зубной пастой на зеркале иероглиф «гармония» и созерцаешь себе на здоровье.

— Ну, а если это будут куриные кубики?

— О чём ты говоришь, Бек! Ещё китайские мудрецы утверждали, что созерцание кипящего Бульона — лучшее средство для постижения бренности жизни... А вот что пишет по этому поводу любимый Шариком Ван-дер-Вайн: «Взгляни на кипящий бульон. Не так ли и мы, подобно крупинкам мяса, толкаемся локтями, пробираясь наверх. Расталкиваем в стороны соседей, хватаемся за ноги тех, кто уже поднялся повыше, встаём на головы нижестоящих. И вот, о миг блаженный, мы на самом верху! Далее уже ничего. Далее другая среда. Можно, конечно подняться и выше, но для этого нужно стать паром, отказавшись от бренного мяса. Или же попасть в Божественную ложку, дабы насытить очередной порцией райское чрево...»

Ты, Бек, зря волнуешься. Созерцать можно всё что угодно, весь вопрос об оптимизации и зрелищности процесса. Когда Вонг привезёт товар, мы устроим демонстрацию рекламируемых достоинств.

— Ладно, уболтал черт языкастый, погнались дальше, — сказал умиротворённый Бек, наливая себе и мне пива из холодильника.

Вообще-то я не очень люблю пиво, но при мозговом штурме оно незаменимо: пьянит в меру и расслабляет нормально.

— Слушай, если мы везде будем употреблять ЭТО, ЭТОГО, об ЭТОМ, то вскоре слишком приесться. Давай назовём его, например, «Товар ИКС». По-моему, то, что лекарь прописал: немного загадочно и не сильно затаскано.

— Можно. Мне, по крайней мере, нравится.

— Итак: Стоит товару ИКС появиться у вас в доме, и вы сразу почувствуете, как изменилась атмосфера вашего жилища! Зло, осевшее в углах, оставшееся от обитателей прежней квартиры, размолвки с близкими, пустые ссоры — всё растворится под чудодейственным влиянием товара ИКС!!!

— Мне кажется, ты перебарщиваешь! А если это мужские носки, какое они могут иметь отношение к злу, скопившемуся в доме?

— Если это мужские носки, значит они не простые, а заговорённые. Надеваешь такой носок на палочку, держишь в руке (рука, заметь, обязана подрагивать, это нормально) и куда там носок отклонится, там-то зло и зарыто. Тогда уж бери веник и гони его из дома поганой метлой! Пойми, Бек, любой товар совсем не обязательно использовать по прямому назначению!

Мы придумали с Бексом такой ролик. В комнате по углам клубится желтоватый дымок, который символизирует зло. Мрачный муж в чёрном фраке мрачно читает мрачную газету. Мрачный сын, сидя на полу, мрачно и сосредоточенно грызёт ноготь. Мрачная бабушка мрачно штопает чёрный носок. И тут влетает счастливая мама-жена-дочка. И кричит: «Посмотрите, что я купила!» В центре комнаты повисает золотистая буква ИКС, и, естественно, всё расцветивается в радужные краски, а жёлтый дым в панике улетает в окно.

Вскоре товар ИКС превратился у нас в настоящую волшебную палочку. Он излечивал чуть ли не от всех болезней, возвращал домой любимых, повышал аппетит, способствовал пищеварению, повышал жизненный тонус и приносил успех в бизнесе. Когда мы допивали восьмую бутылку пива, я выдал поистине грандиозный слоган: «Мы не ценим, то что постоянно находится рядом: Вода, Воздух, Товар ИКС». На этом Бек решил поставить точку, опасаясь как бы ИКС не стал национальной святыней. Всюду мы указывали адрес Вонговского склада и время начала продажи товара ИКС.

Вскоре охранники этого склада проклинали нас, как могли, ибо стали объектом паломничества любопытных, возжелавших услышать истину.

Истина неуловимым мстителем отвоёвывала пядь за пядью чужих сознаний. И была та истина — мифом (то есть не была — становилась).

2.5 В КОМПАНИИ С ВАН-ДЕР-ВАЙНОМ

Бек носился по различным масс-медиа, а я обживал его балкон, потягивая красное вино с орешками и почитывая Ван-дер-Вайна. По рассказам Шарика, Ван-дер-Вайн был в молодости отчаянным авантюристом: ездил нелегально в Сибирь на заброшенные золотые прииски, искал алмазы на Берегу Слоновой Кости, постоянно рыскал по дну морскому в поисках утонувших сокровищ. В конце концов он сколотил себе приличное состояние, купил островок в Атлантическом океане, где и поселился со своей молодой женой. Там он живёт до сих пор, занимается рыбной ловлей и пишет философские опусы в стиле Монтеня, то есть высказывает свою точку зрения на те или иные

вещи, начиная от рецепта приготовления грога с выжатыми кальмарами и кончая «с чего есть пошла молодая вселенная». Иногда он пишет небольшие рассказы, иногда стихи. Шарик уверяет, что в Испании о нём вообще ни черта не знают, а в России его переводит один чувак, с которым он познакомился в Сибири и запускает эти вещи в Интернет, откуда он (Шарик) их благополучно и скачивает. На моё предположение, что этот переводчик Ван-дер-Вайна и выдумал, Шарик божился, что видел по телевизору репортаж о Вайне, в котором тот палил из ружья по приближающимся судам с журналистами. Впрочем, мне не было особого дела до истинного положения вещей, но тексты этого Вайна или псевдо-Вайна показались весьма интересными.

«Любая вещь может быть использована для любого. Ограничивают нас лишь наши знания и умения. На эту мысль мой здравомыслящий садовник предложил мне сделать вино из морского песка. Я сказал, что видел, как дети лепили из песка пироги, и не вижу причин, почему бы мне не нагнать из него вина. Разговоры про понарошку и взаправду, по-моему, не стоят выеденного яйца. Ведь вопрос воздействия — это только вопрос подготовки. Пьянят не градусы, заключённые в алкоголе, но воспоминания об этих градусах, кочующие из поколения в поколение. Сын видел, что отец от вина становился пьяным и в последствии последовал его примеру. Человек, полностью овладевший своим организмом, способен трезветь от спирта и пьянеть от песочного вина».

Прекрасная мысль, которую я применил на практике, рекламируя товар ИКС.

Два воробья на соседнем балконе с удовольствием клевали засохшую булку. Тень от облака скользила по их взъерошенным загривкам. Ветер шелестел листьями с текстами Ван-дер-Вайна. Вино было терпким и слегка отдавало земляникой. Я лежал на балконе 14-го этажа и был счастлив.

Мой балкон — не хуже острова Ван-дер-Вайна. Любая вещь может быть использована для любого.

2.6 ПОТЕРИ И УТРАТЫ

В половине восьмого появился Бек и заявил, что нужно срочно, а ещё лучше немедленно обмыть успешный запуск рекламной кампании.

— Давай-ка, Миф, натягивай, что у тебя там поприличнее, оттянемся, как следует, в «Улице».

— Говорят не «в улице», а «на улице». А зачем на улицу поприличнее?

— Темь ты и есть темь. Есть ресторанчик такой, «Улица ОГИ» называется. Туда и пойдём.

— Понимаешь, Бек, а нету у меня ничего поприличнее-то, у меня там в сумке пара книжек, плейер да десяток кассет, а рубашка у меня одна.

— Как, то есть, одна? Погодь-погодь, это что же вот эта сумочка и есть всё твоё имущество?

— Оно и есть.

Изменение пространства
Не равно измененью границы....
Ломкость линий уводит вовне...
И внезапно приходит обратно.

— Постой, постой, а перед тем как у меня запарковаться, ты ведь где-то жил?

— Ну, пока работал. Мы вместе с Бинкой жили. Потом поссорились, я и ушёл. Да сейчас лето, тепло, где угодно спать можно, а на зиму я в Крым собираюсь рвануть. Поселюсь где-нибудь на Мангупе, в пещерном городе, там травки в округе, что у нас крапивы, на хлеб и вино завсегда поменять можно.

— А до Бинки?

— Что до Бинки?

— До Бинки этой ты где жил?

— Там же и жил. Мне от родителей квартира осталась.

— Стоп машина. То есть ты свою единственную квартиру оставил какой-то Бинке, а сам собираешься жить в пещере?

— Бинка не какая-то, Бек!.. Я... люблю её... любил... понимаешь? А она меня нет... И не хочу я её мучить собой, понимаешь? Знаешь, в какой-то момент я вдруг понял, что отдавать гораздо приятнее, чем брать, тут уж ничего не поделаешь, таким глупым образом я устроен... Да ладно тебе, не хмурься! Плюнь и разотри, моя жизнь — это моя жизнь.

— Ну, ты даёшь, брат! — у Бека (как это часто пишут в романах) отвисла челюсть (и вот что странно, я, всегда почитавший отвисшую челюсть литературным штампом и плоской метафорой, а тут вот впервые в жизни увидевший её в натуральном виде, просто обомлел и, похоже, глядя на его отвисшую, отвисал своею челюстью также).

— А ты не думаешь, Миф, что ты поступаешь или очень плохо, или же очень глупо!

— Это почему же?

— Ну, если она нормальная баба, ради которой стоит делать такие поступки, то её должна просто-напросто совесть замучить, и ты своим благородством обрекаешь бедную девушку на адовы муки; если же у неё в душе ничего не шелохнётся после твоих подвигов, то достойна ли она того, что ты делаешь для неё?

— Это ты, конечно, правильно излагаешь, Бек, но ведь и я не такой олух, каким представляюсь. Я же всё-таки профессиональный копирайтер и весьма неплохой актёр.

— А это-то тут при чём?

— Ну, понимаешь, любую ситуацию можно преподнести по-разному. И это тебе я преподнёс её как акт доброй воли и неземного благородства, а для Бинки я сделал её совсем иной, и это она сияла в ней святостью и непорочностью, а я становился чуть ли не негодяем...

— П-подожди, как это можно отдать девушке всё, что у тебя есть, выкатиться с пустой сумкой на улицу и выглядеть при этом негодяем?

— Ну, ты прямо как ребёнок, Бек, ну, это ты знаешь, что я ушёл на улицу, а для Бинки у меня есть богатая-пребогатая любовница, ради которой я её, бедненькую, и бросил.

— Н-да-а, похоже, это неизлечимо, — задумчиво протянул Бек, вытаскивая из шифоньера яркий галстук, — На вот, примерь. Галстук-то умеешь вязать?

Пытаясь вспомнить, как завязывается диагональный узел, я размышлял

о странной негармоничности человеческих привязанностей. Почему-то женщины редко любят тех, кто любит их. Подмечено ещё Евгением Онегиным «Чем меньше женщину мы любим...» Да это и понятно. Женщины любят героев, а герои, как известно, любят только себя и свой героизм. Когда я был сильным и зарабатывал приличные деньги — Бинка любила меня. А когда меня уволили — разлюбила. Не в деньгах дело. Дело в том, что мне надоело быть сильным. Я устал быть победителем. Устал толкаться у всевозможных кормушек под названием: *слава, успех, престиж, специалист высшей категории* и т.д. и т.п.

В то время я по утрам долго сидел в своей уютной комнатке, не спеша пил кофе, никуда не торопясь, писал мне одному лишь нужные рассказы, обедал яичницей и пивом в стекляшке на холме, медленно бродил по парку, курил у пруда, выпивал рюмку коньяка в баре, покупал свежей рыбы, грибов и белого вина и со вкусом начинал готовить ужин. Потом тщательно сервировал стол, зажигал свечи и в тишине наступающего вечера дожидался Бинку. Она приходила усталая, вымотанная и выгрызенная московским столпотворением и с наслаждением погружалась в домашний уют.

Но прошёл месяц, и мои ужины перестали ей доставлять прежнее удовольствие. Бинку раздражало то, что здоровый и талантливый мужик, как она выражалась, валяет дурака и мало того что не ищет работу, но и не собирается её искать. Повторюсь, дело было не в деньгах. Я заработал их в своё время достаточно, чтобы год-другой жить спокойно, особо не роскошествуя, но и не перебиваясь. «Ты теряешь все свои контакты, все наработанные связи, ты теряешь свою квалификацию в конце-то концов! Ну сколько ты ещё собираешься сидеть без работы?! Вот сегодня Юрик из Медиа-Корпорэйшен спрашивал о тебе, им нужен хороший копирайтер. А что такое работа в Медиа-Корпорэйшен не мне тебе объяснять!»

Ну как мне было растолковать ей, что я уже почти до самого донышка выработал своё мужское начало? У меня был успех, была и локальная слава, я достиг почти всех поставленных целей. Тысячи детей изучали по моим стишкам буквы и цифры, учились определять время и постигать мир. Пускай среди взрослых я не пользовался такой популярностью, но зато какие были у меня читатели! Иной мой читатель стоил тысячи поклонников какого-нибудь Вушкова или даже Марусиной. Я не ставил своё творчество на заработок, а лишь продавал свой талант, мне платили по сотне баксов за слово, если компания принимала мой слоган и по тридцатке, если не принимала. Ну чего ещё я мог достичь? Удариться в бизнес? Стать каким-нибудь медиа-магнатом? Обрести не только деньги, но и власть? Но это было настолько не моё, настолько чужое... и самое смешное, именно поэтому я мог бы довольно легко всего этого добиться... Не знаю, но иногда я очень чётко чувствую, на что способен, а что мне, как ни прыгай, не по силам.

«Есть что-то не доигранное в детстве, чего не купишь в городской текучке».

Я сполна в своей жизни выразился как мужчина, теперь уже пора реализоваться и моему женскому началу, пора и восполнить пробелы из детства. Я понимал Бинку. Она любила во мне как раз то, что в какой-то

момент иссякло. Мне было очень хорошо с ней, но и в моей любви случился перелом. Любовь постепенно переплавлялась в нежность. Я перестал быть ей мужем-героем-защитником, а превратился в заботливую и любящую мать. Но Бинке не нужна была мать, ей был нужен герой. А я ведь и героем-то, по большому счёту, был только в её воображении. Не моё надрывное стремление к успеху поднимало меня вверх, но лишь счастливые стечения обстоятельств, да ещё моё инстинктивное умение схватить удачу за хвост.

И тогда я ушёл. Оставил Бинке квартиру, машину, всю обстановку. Взял лишь кредитку, пару любимых книжек да десяток кассет и ушёл.

Так я впервые потерял дом.

В своей жизни я много всего терял и утрачивал. Как-то раз я даже составил такие списки потерь и утрат. Вот как выглядел список потерь:

Предмет потери	средняя частота утраты предмета	Дополнительное назначение утраченного предмета
Зажигалки (по преимуществу прозрачные, вследствие своей многофункциональности)	1 раз в неделю	1) Смотреть через неё на солнце (синие дают наибольший эффект); 2) наблюдать за перетеканием газа из одного отделения в другое; 3) размахивать огонёчком на рок-концерте; 4) открывать пивные бутылки.
Шариковые ручки	часто	1) Исписанной ручкой очень удобно делать биговку (полосочку для сгиба, кто не знает); 2) исписанный стержень сворачивается в замечательное колечко; 3) Отрезанный кусочек от стержня можно нацепить на ножницы, на иглу козьей ножки, на шило и другие колющие предметы, крайне необходимые в дороге.
Блёсны (а также мормышки, грузила крючки)	От 0 за полгода до 10 в день (сезонно)	1) Использовать в качестве значка; 2) делать из них якоря для игрушечных кораблей, дирижаблей и других предметов искусства; 3) подкладывать на стул нехорошим людям (шутка конечно).
Спиннинги и удочки	1–2 за сезон	Из бамбуковых удочек можно соорудить всё: от шторы до арт-объекта.

Теннисные мячи	от 30 штук за лето до 2–3 вне лета	1) Кидать в стенку и ловить; 2) жонглировать; 3) играть с собакой; 4) разрезанный пополам и набитый поролоном, может использоваться в качестве налокотников.
Деньги а) купюры	Процесс слабоконтролируем, вследствие полного незнания конкретного наличия	1) Положить на ладонь и наблюдать, как под действием биополей загибаются уголки; 2) свернуть в трубочку и плевать бумажными катышками; 3) измерять (российская купюра 150x65 мм, американская — 156x66 мм).
Деньги б) монетки	Ещё менее контролируемый процесс	1) Узнавать судьбу; 2) делать фрактаж (т.е. переносить на бумагу изображение монетки, лучше всего делается обратной стороной карандаша); 3) коллекционировать; 4) бросать в реки, моря и фонтаны; 5) играть в настольный теннис (монетка прижимается пальцем и запускается на сторону противника, подобно волчку, противник пытается сдуть монетку на твою сторону, а ты на его. На чьей стороне упало, тот и проиграл очко).
Мобильные телефоны	Когда были, то терялись примерно раз в 3 месяца	1) Узнавать время и число; 2) посылать СМС; 3) играть в Snake, Space impact, Pairs, Bumper, Vantumi и др.; 4) использовать как будильник. Всё остальное от лукавого.
Перчатки	2 раза за сезон	1) Бросать в лицо (к сожалению устаревшее); 2) использовать в арт-объектах; 3) если набить ватой, а в дырочки от щетинок наткать зубочисток, то можно получить очень хорошего ёжика.
Шапки	Когда носил, 1–2 раза в сезон	1) Кидать бумажки для жребия; 2) просить милостыню; 3) пускать по кругу; 4) бросать вверх выражая высшую степень восторга; 5) на охоте при отсутствии уток может служить хорошей мишенью.

Шарфы	1 раз в два сезона	1) Служить флагом; 2) при надлежащем искусстве его можно завязать в любую зверушку от удава до кролика.
Сумки	Раза четыре за всё время	Очень удобно съезжать на ней с ледяной горки.
Часы	Раза четыре	1) Разобрать их на шестерёночки, а шестерёночки запускать как волчки; 2) слушать, как они тикают.
Фото-аппараты	Четыре раза	Можно просто смотреть в объектив.
Документы	2 раза	Можно посылать по почте в качестве мэйл-арт объекта (к сожалению, редко приходят).
Ключи от квартиры	2 раза	1) Можно открыть любую бутылку; 2) можно разрезать что хочешь: верёвку, бумажку, тряпку; 3) в некоторые ключи можно свистеть.
Велосипед	2 раза	1) Если перевернуть, раскрутить педали и прикоснуться к спицам железной трубочкой, то получится замечательная трещотка.
Байдарка	1 раз в жизни	Может служить крышей над головой.
Обручальное кольцо	1 раз в жизни	Слабое подобие монетки.
Дом	1 раз в жизни	Многофункциональная вещь.

Потом я составил список утрат. *Получилось следующее:*

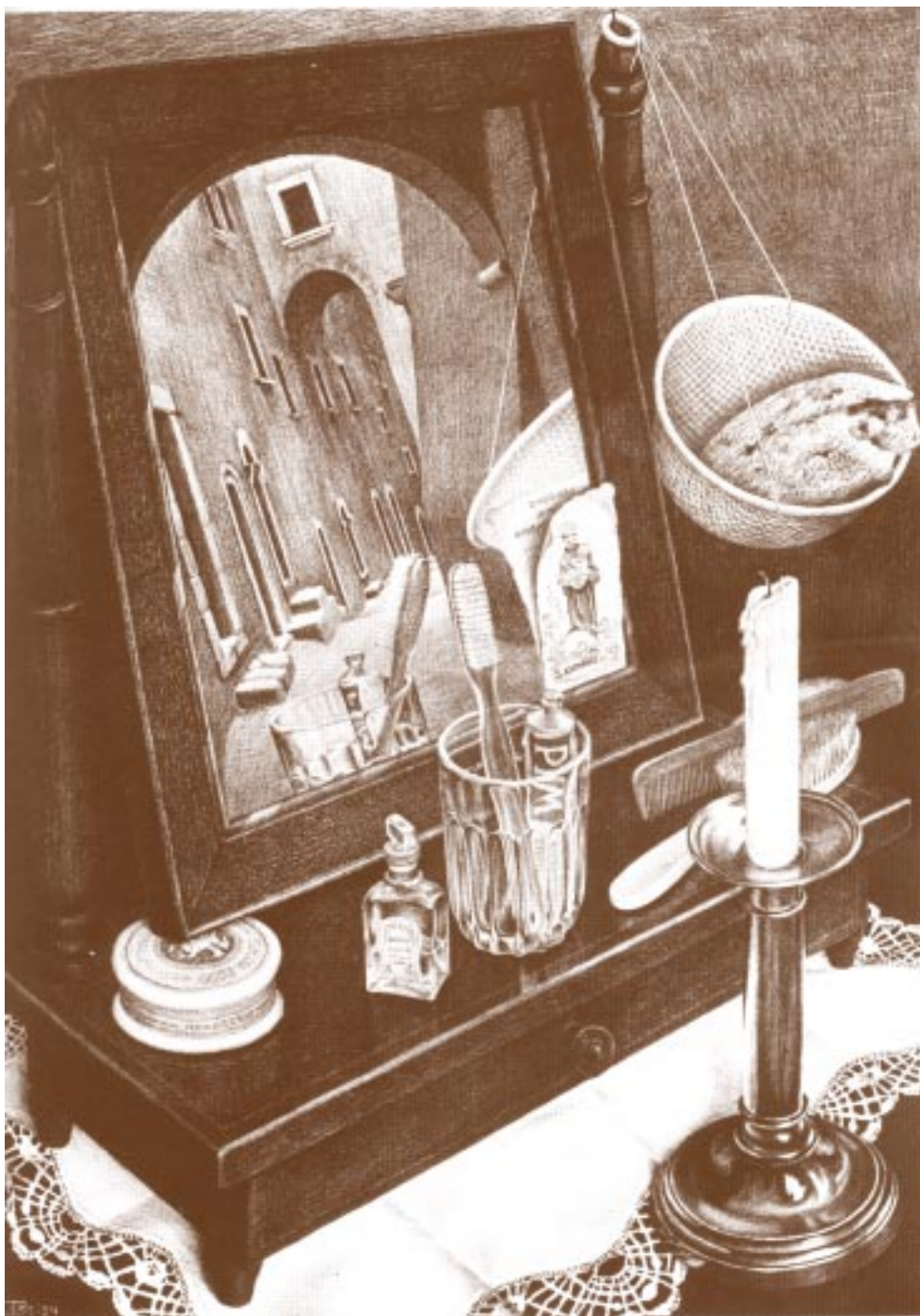
1. Любимые женщины	4. Знакомые	7. Хомяк
2. Родные	5. Собаки	8. Попугай
3. Друзья	6. Кошки	9. Паук

Выходило так, что терял я чаще всего наименее ценное и дорогое для меня, а утрачивал, наоборот, прежде всего самое дорогое. Нельзя, конечно, сказать, что я не грустил о своём пауке.

Этот был совершенно замечательный парень. У него было всего семь ног, и поэтому я окрестил его Сенькой. Я научил его пить водку из пробочки и в порыве рабочего опьянения он плёл невероятно огромные, но совершенно дырявые сети. Зимой я выводил для него мух из опарышей, которых покупал в Зоомагазине. А весной он ушёл. Говорят, что после весенней любви, которой пауки отдают все свои силы, они умирают. И всё-таки его уход был в согласии с природой. Я грустил о нём, как грущу сейчас об уходящем лете, но в эту грусть примешивается радостное ожидание осени.

Паутинки воспоминаний уносятся в ветре событий...

*Зеркало памяти, отражение снов...
Пространство перепутанных событий...*

2.7 УЛИЦА. УЖИН. ФОНАРЬ.

Диагональный узел явно не получался, а виндзоры, полувиндзоры и прочую нечисть я завязывать и в былые-то годы умел очень слабо (т.е. только по картинке и только с пятого раза).

— А ну его к бису, Бек, сейчас в ресторан галстук не обязательно. Ну что ты думаешь, Шарик и Хром в галстуках что ли притащатся?

— Эт-та вряд ли, — несколько недовольно буркнул Бек и отбросил в сторону свой галстук.

Я понял, что определённым образом испортил Беку праздник. Для него выход в ресторан был чем-то фантастическим, некой картинкой из другой, ненастоящей жизни, где все ходят в чёрных смокингах, курят дорогие сигары, говорят высокопарно и целуют дамам ручки. Но назад ходу не было, тем более, что и цвет галстуков оставлял желать много лучшего (подозреваю, что они живут у Бека ещё со школьного выпускного). По большому счёту мне на одежду глубоко плевать, однако чем свободнее, тем всё-таки лучше.

Около Улицы, куда мы, как и положено, подкатили на такси, переминался с ноги на ногу Шарик. Хрома и Лики пока не было. Мне нравился Шарик, тонкий, интеллигентный, читавший, кажется, всё на свете. Он таскался в Петлю Мёбиуса исключительно ради Лики, которую нежно и трогательно любил, чуть ли не с первого класса...

Но девушки не любят тех, кто любит их. Девушки любят героев. И Лика, конечно же, не была исключением. Лика любила грубого и сильного Хрома, которого волновали, лишь выпивка, секс и бильярд. Бильярдистом Хром был отменным (этим, собственно, он и кормился). Вообще-то я ничего не имею против бильярда. Можно играть в бильярд, в боулинг, в покер, в домино, в веришь не веришь, в настольный футбол и в большой теннис и при этом оставаться, как говаривал Пушкин, дельным человеком. Вопрос не в том, во что играть, а вопрос в том, как играть. Есть два способа игры, не вызывающие у меня отторжения: детский и дзеновский. Первый носит характер подготовки к жизни и её имитации. Это — тренировка борцовских качеств, закалка хладнокровия, наука побед и поражений (даже и не знаю, чего бы ещё такого пафосного сказать?). Это радость — как таковая. Это игра, ставшая жизнью. Вот. Второй — это искусство постижения предметов. Это слияние с бильярдным кием или с шаром, выбивающим кегли. Это проникновение в самую суть игры. Это стирание всех возможных иерархий и приравнивание игры — жизни. И есть два способа игры, вызывающие у меня неприязнь: праздный и профессиональный. Первый предполагает скуку и рассматривает игру как способ убить излишки (вы только представьте себе ИЗЛИШКИ) времени. Второй — превращает игру в способ заработка. Он направлен не на искусство игры, но на выигрыш как таковой. Вот Хром-то как раз и относился к последней категории и слыл профессионалом весьма высокого класса.

Так вот, этот высококлассный бильярдист и Лика догнали нас на входе в «Улицу». С ними притащился какой-то их друг — Сарк. Маленький и невзрачный.

Мы устроились на некоем подобии балкончика, куда вела снизу металлическая лестница. Заказали, как настоящие, бутылку французского вина, форели с картошкой, мясное ассорти и фаршированные помидоры (заказ был моветонный, конечно, но этого, пожалуй, никто не понимал).

Бутылка, разумеется, кончилась после первого же розлива. Хром сердито проворчал что-то по поводу компота и предложил кончать выпендриваться и взять нормальной столичной водки. Я понимал, что Бековские миражи фатально продолжают ломаться, но и поить всех Шато Марго тоже не имело особого смысла. Этого «компота» одному Хрому целый ящик нужно.

После водки атмосфера несколько разрядилась. Шарик, не будучи оригинальным, вытащил своего драгоценного Ван-дер-Вайна. А мы блаженно закурили купленные специально по этому случаю гаванские сигары.

— Вот п-послушайте, п-послушайте, что он пишет: «Для человека, в первую очередь, важна не биологическая, а психологическая ценность продукта. Устрицы так вкусны не потому, что каким-то особенным образом раздражают вкусовые рецепторы, а потому, что овеваны ореолом изысканности и пиршества. Столетний коньяк из подвалов одноимённой провинции пьянит не своими градусами, а вековым налётом времени...»

— Ерунда, — буркнул Хром, — хрена с два бы он опьянел без градуса-то.

— Ну, это ты зря, Хром, — вмешался я, — знаешь, америкосы сделали такой опыт: приговорённого к смерти посадили на электрический стул, соблюли все формальности и пустили очень слабый разряд тока, который не то что убить, который и почувствовать-то было весьма сложно. И что ж ты думаешь? Приговорённый моментально скончался.

— Это он со страху. Мне батя рассказывал, что они так в Сибири на медведей охотились. Найдут берлогу, подкрадутся прямо к уху да как крикнут! У медведя, понятное дело, разрыв сердечной мышцы. Грузи его на сани, пока тёпленький, и в деревню. Самое главное, и шкура цела.

— Ну, хорошо, может быть, и от страха, но вот тебе рассказик из жизни одного голливудского комика Марти Ингельса. В возрасте двадцати двух лет этот парень оказался в Голливуде и сразу стал сниматься в телесериалах... Естественно, молодость, успех, вечеринки и т.д. В какой-то момент Марти обнаружил, что не может идти на работу — да что там, просто не в силах подняться с постели, — не выпив сначала рюмку, потом несколько рюмок, а потом и целый термос водки с апельсиновым соком, который он носил с собой до вечера. Так вот, один день запомнился ему по полной программе...

Снимались главные эпизоды с его участием. Утром, с изрядного будуна, он зарядил свой термос-выручалочку водкой с апельсиновым соком. В течении дня работа становилась всё напряжённее, всё ответственнее, а глотки из термоса — всё больше и чаще. Когда вместительная посуда опустела, он, в дымину пьяный, доигрывал самую важную сцену с помощью невиданной дозы заёмного мужества, как он сам выразился.

Наконец день закончился... Пошатываясь, он вернулся домой и, обращаясь к изумлённой жене, стал со слезами и стонами проклинать свою несчастную долю «первого в Америке еврея-пьяницы». Но жена

не проявляла к нему никакого участия, а лишь только посмеивалась.

— Над чем ты, чёрт возьми, смеёшься? — гневно прервал он свои жалобы.

— Так, пустяки, — сказала она. — Продолжай. Ты говорил, что только водка помогла тебе прожить этот день.

— Ты права, будь я проклят! В первый раз я выпил термос водки с апельсиновым соком до последней капли — и только взгляни на меня: я совершенно разбит и вусмерть пьян, я конченный человек.

— Ты совершенно разбит и вусмерть пьян? — спросила она

— Совершенно.

— Ты в этом уверен?

— Да, чёрт меня побери! Уверен.

— А может быть, нет?

— На что ты намекаешь?

Тут она улыбнулась. И выдала ему вот что:

— Видишь ли, сегодня утром, когда ты брился, я вылила твою жуткую смесь и налила в термос чистого сока...

Что ты на это скажешь, а, Хром?

— Это бывает, — поддержал меня Бек, — меня как-то друзья безалкогольным пивом накачали, так что я был не лыка жоуху.

— Ну, я не знаю, — проворчал Хром, решительно разливая остатки водки, — а по мне градус — он и в Африке градус.

И тут я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Не знаю, как это описать. Первый раз со мной такое случилось. Просто чувствую: кто-то пялится на меня и всё тут. Оборачиваюсь, — на соседнем балкончике мужик какой-то патлатый сидит. Увидел, что я обернулся, тут же задёргался, водки стал себе наливать, в тарелочке своей ковыряться. Что за напасть, думаю? Может голубой какой-нибудь, которому я приглянулся?

— Л-лика, п-почитай что-нибудь новенькое, — услышал я сквозь пелену своих мыслей просьбу уже изрядно осоловевшего Шарика.

— Давай, сестрёнка, облагородь вечер, — поддержал Шарика Бек.

Лика, никогда особо не ломалась, если её просили почитать свои стихи. Вот и сейчас она откинула свою золотистую прядку и негромко стала читать:

В этом мире закатов я встречаю рассвет.

И хоть хочется плакать, говорю себе: «Нет»!

Я пришла лягушонком, а уйду стрекозой.

Убегала девчонкой, а вернулась грозой.

Вот и можно поплакать, наконец-то, — дождём.

В этом мире закатов мы рассвет подождём.

— З-здорово, п-просто з-здорово! — восторженно сказал Шарик.

— Ничего, ничего, — скуп похвалил Бек, — только рифмы уж больно затасканные, грозой-стрекозой, дождём-подождём. Да и вообще, сен-ти-ментально...

— Ты ничего не понимаешь, — сразу же загорячился Шарик, — поэт не д-должен бояться установившихся рифм. Он должен писать так,

как будто до него не существовало ни одного друг-ого п-поэта. Нет и не может быть никаких ограничений. Главное не форма, а эмоциональный порыв, п-понимаешь? А так все рифмы ведь когда-нибудь кончатся, что же — поэзии ум-мирать?

— Не поэзии, а рифме, Шар! Что, собственно, и происходит, потихоньку. Все нормальные поэты давным-давно уже на верлибры перешли, — ощетинился Бек.

— Н-на в-в-верлибры, а в-вот эт-то видел, — не на шутку разгорячился Шарик, показывая Беку свою маленькую детскую фигу, — а В-ван-дер-В-Вайн!? В-вот п-послушай.

*Слушаю голос своего острова.
Вдыхаю запах Земли.
А в вышине, под носом у Господа,
Скользят в никуда поднебесные корабли.
Жизнь моя выпита, жизнь моя прожита.
Стою у неё на краю.
И перед ликом лунного коржика
Прощальную песню пою.*

— Ну, твой Ван-дер-Вайн, дядька, конечно, изрядный, и мыслит, прямо скажем, в нужном направлении, но стихи у него, мягко говоря, слабоватенькие. Один лунный коржик чего стоит, — не сдавался Бек.

— А мне нравится коржик, — вступилась Лика, — я вообще, Бек, не очень понимаю, что такое слабые стихи, что такое сильные. Кончилось то время, когда нужно глаголом жечь сердца людей, их сегодня не жечь нужно, а поить, и так, вон, ходим все опалённые. Мне нравится, когда у поэта немножко детское восприятие мира, и когда он не стесняется своей сентиментальности.

— Да ну, сопли всё это, — неожиданно вмешался Хром, — во как надо писать:

*Шла собака — видит кака!
Только это поняла — тут же каку сожрала!*

Вот это по мне! Увидел говно — дай пинка, или сожри — не побрезгуй, а то коржика-моржика — сопли-вопли. Тьфу! Давай, Бек, лучше ещё водки закажем, а то чо мы сюда — стихи, что ли, пришли читать?

— И стихи тоже, — сказал разомлевший Бек, но водки всё же заказал.

А мне всё не давал покоя патлатый. Нервный он был какой-то. И явно за мной наблюдал.

— Ты, кстати, Б-бек, не забывай, что это лишь перевод, может, у В-вайна и н-небыло никакого к-коржика?, — заступался за любимого писателя Шарик, — п-послушай что он, кстати, пишет о литературе и п-поэзии, в частности:

«Литература может быть всего лишь двух видов — описательная и словотворящая. Первая стремится описать события, которые уже

произошли, вторая описывает события, которые могут произойти и в конечном итоге происходят. И если первая — абсолютно безобидна и доступна практически каждому, то со второй необходимо быть предельно осторожным. Не будите беса. Не творите кошмара. Катастрофические теракты в Нью-Йорке 11 сентября явно спровоцированы, многолетним обсасыванием Голливудом подобных тем. Слово и образ порождают действия и события. Особняком в литературе стоит поэзия. Будучи старше прозы и уходя корнями в ведические гимны, она является неким холостым выбросом души. Это письмо небу, послание в никуда, открытка неизвестного направления».

— Чо-то я не понял про холостой выброс души? — прогудел Хром.

— Ну к-как же. В-вайн х-хочет сказать, что поэзия — безобидна. Что это всего лишь игра. Р-разрядка. Ос-свобождение от обуявших тебя образов. М-максим Горький, между прочим, каждое утро для разминки с-стихи п-писал. Н-напишет на б-бумажке, с-скомкает, положит в п-пелюшку и п-подожжёт. А п-потом н-начинает свои т-толстые книжки с-с-строчить.

— Слушай, Шарик, а почему поэзия старше прозы? — спросила Лика.

— Н-ну, к-конечно, с-старше. Вся древняя литература была изначально стихотворна. Это с-связано с тем, что л-литература появилась раньше письменности, а священные книги нужно было передавать из уст в уста, поэтому все они писались стихами, чтобы лучше было запомнить. В Индии существовали даже специальные методики запоминания. Носитель знания впадал в некий транс и запоминал наизусть целые тома, а поэзия при этом была неким ключиком, неким поводырём по лабиринтам его сознания.

— Ну, у нас, сегодня прямо день поэзии какой-то, — проскрипел Хром, — а ты-то, Миф, чо молчаливый такой? Ты у нас как — за говно или за сопли?

Пришлось отрываться от забот о патлатом и включаться в этот дурацкий разговор, на котором пора было ставить точку.

— Не знаю. В поэзии каждый находит что-то своё. Лично меня она в чистом виде довольно редко затрагивала.

— Что значит в чистом виде? — переспросила Лика.

— Ну, там, как отдельное и незыблемое стихотворение, эдакое кантовское априорное стихотворение. Мне нравятся какие-то стихи, но всегда почему-то больше атмосфера вокруг. Вот ты сейчас читала, и я слушал не просто Стихотворение, а Твоё стихотворение, понимаешь? Чего стоили бы последние стихи Франсуа Вийона, если бы они не были написаны кровью на стене тюремной камеры?

— А что за стихи?

— Ну, в переводе оно как-то так звучит:

*Я Франсуа, чему не рад!
Увы, ждёт смерть злодея!
И сколько весит это зад —
Узнает завтра шея...*

— Лихой парень! — ухмыльнулся Хром.

— На следующий день его повесили... Или вот был такой малоизвестный поэт-бард Пётр Остров-Кольский. Так вот, сохранилась

после него пара небольших песен, а вернее даже куплетов. Первый звучит так:

*Сколько несёт грядущее
Дней мне или веков?
Жду как самое лучшее —
Десяток новых стихов...*

А второй, а точнее десятый (остальные восемь утеряны) так:

*Я расставил шахматы в проигрышном порядке,
Через несколько ходов мне объявят мат!
И горит последний стих в тоненькой тетрадке...
И все десять стихов вслед за ним горят...*

Ну, казалось бы, ничего особенного, сентиментальные сопли, как говорит Хром. Но дело в том, что это и в самом деле был последний стих Кольского. Написав его, он поджёг свою тоненькую тетрадку, прикурил последнюю сигарету и скончался от сердечного приступа... И вот здесь-то как раз начинается понимание или скорее непонимание его поэзии. Что, чёрт возьми, случилось? Что это? Предчувствие своей собственной смерти и её поэтическое обрамление или мистическая сила поэзии, убивающая своего создателя?! И в том и в другом случае эти стихи приобретают совсем иное звучание, так ведь?

— Погоди, погоди, — заинтересовался Бек, — а откуда же обо всём этом известно, если тетрадка сгорела?

— Тетрадка-то как раз не сгорела. То есть сгорела, но не вся. Иногда рукописи и в самом деле не горят! Жена прибежала в кабинет на стук упавшего тела и успела потушить. Из десяти сохранились вот эти два.

— Не хотел бы я такой смерти, — проворчал Хром, — грустно как-то от сопливых стихов загибаться. Уж лучше как Вийон, поплёвывая смерти прямо в пустые глазницы.

— Я так думаю, Хром, что сопли могут быть, как говном, так и отрадой, а для кого-то, наоборот, говно и есть сопли! Здесь вопрос лишь внутренней готовности. Кстати, с биологической точки зрения, и то и другое всего лишь очищение организма!

— Ну, не скажи! Говно — это естественный продукт, а сопли — болезненное состояние!

— В этом смысле, Хром, поэзия, конечно, сопли! Это — конечно же, продукт болезненного состояния души! Поэзия не может и не должна быть естественной!

— В-вайн ут-тверждает, что для ч-человека естес-ственно б-быть н-неестественным.

— Слушайте, а не хватит ли вам уже гнать из голого в голимое? Пойдём-ка лучше в Петлю, чипсов по дороге прикупим, портвешку, а? — предложил, явно недовольный текущей беседой Хром.

— Хорошую мысль главное вовремя подобрать и воплотить! — согласно кивнул Бек.

Стоило нам засоби́раться, как тут же засоби́рался и патлатый. Пятерым, да ещё с подвыпившей девицей соби́раться, конечно же, не в пример дольше. Поэтому когда мы вышли, то патлатый стоял у фонаря и курил сигарету.
Тень от него напоминала какую-то зловещую птицу.

*Выпуклость второго, внутреннего зрения
Открывает тебе поворотные изгибы души...*

Глава третья. ЗАЯЦ В ПЕТЛЕ

От Кима пришёл длиннющий факс. Не меньше чем тридцати метров длиной. В нём много раз повторяется одно и то же: «Be not afraid». (Не бойтесь!)

(Эрленд Лу. Наивно. Супер)

3.1 ЗНАК-ОМСТВО

Птица дёрнула перебитым крылом (патлатый выбросил сигарету) и выскользнула из обруча света (патлатый неуверенно двинулся в нашу сторону).

— Простите великодушно, был невольным слушателем вашей увлекательной беседы, со многим, очень со многим согласен, — затараторил патлатый нервно, постреливая глазами. — Заяц, — представился он, — Саша Заяц, литератор. Я с Вами, молодой человек, полностью э-э, полностью согласен, не знаю Вашего имени отчества, простите...

— Миф, — буркнул я, пожав узкую и дряблую ручку литератора.

Не люблю такие рукопожатия. Протягивают руку, как дохлую рыбку, и не поймёшь, к кому они пренебрежение выказывают — к самому себе или, наоборот, — к тебе? Не люблю и того, когда жмут со всей своей дурацкой силы, пытаюсь показать: вон у меня сколько её, силищи-то — раздавлю-ю-ю! Не люблю и когда со всей показной сердечностью обхватят тебя обеими руками и долго трясут, не отпуская, да ещё и при этом в глаза заглядывая — как, мол, твоё драгоценное ничего. Рукопожатие должно быть в меру коротким, крепким и сердечным, примерно так, как держишь любимую теннисную ракетку во время удара.

— Да-да, говно, которым так долго гордились наши постмодернисты, постепенно превращается в сопли! В сопли и в коровью жвачку. Одно и то же, простите, одно и то же! Да и всё искусство современное — что там? Собачий лай да кал в прилюдном месте. Нам бы в икону кирпичом запустить, нам бы в Эрмитаже насрать. Смысл искусства заключается в разрушении искусства! Что за бред, простите! Вы извините, что я так горячусь, но у меня накипело! Накипело жить среди этих надутых чурбанов.

— Дык, и не живи, кто заставляет-то? — проворчал Хром.

— К-как к-кто? К-как к-кто, Х-хром, ж-жизнь з-заставляет! Н-не может же человек не обращать внимание на с-своих с-собратьев по ц-цеху. А и об-бидно ему, что им за их г-говно ещё и слава и деньги, а ему з-за т-труд праведный — ф-фигу в кармане и д-дырку в к-кошельке, — вступился за литератора Шарик.

— Спасибо Вам, молодой человек, Вы прекрасно, просто прекрасно сказали. Кстати, господа, а не выпить ли нам чего-нибудь за знакомство?! Я сегодня аванс за книжку получил, так что готов проставиться!

— Вот это дельная мысль, — одобрил Хром.

И мы с нашим новым знакомым отправились в Петлю, на продолжение банкета.

Шаги звучали как лёгкий стук в совсем иные миры.

3.2 ПРОДОЛЖЕНИЕ БАНКЕТА

Вход в Петлю был делом не простым. Необходимо было в соседнем дворе спуститься в канализационный люк, пройти метров шестьдесят по подземному туннелю и уже оттуда по узкому лазу пробраться в подвал бывшего банка, ныне находящегося в муниципальной собственности и ждущего своего раздела. Петлём Мёбиуса окрестил это место, естественно, Шарик. Дом, по его объяснению, подобно листу Мёбиуса, имел для них только одну сторону. Внешняя сторона была ему чужеродна, она относилась к внешнему миру, а здесь они скрыты от всего мира и защищены от его пагубного влияния. И подобно тому, как муравей может бесконечно ползти по петле Мёбиуса, так и они могут здесь встретить вечность, не выбираясь наружу. Объяснения были путанными и туманными, но название прижилось, впрочем, прижилась, по большому счёту, только первая его часть — Петля.

Они сидели на полу второго этажа, на старом ватном одеяле тёмно-изумрудного цвета. На газетке лежали чипсы, орешки, кружок Краковской колбасы, хлеб и две бутылки крымского портвейна. Бек утомлённо курил сигарету. Лика, положив голову на колени Хрома, тоже курила. Литератор Зайцев резал колбасу, а Шарик просвещал нового знакомого насчёт рождения молодых вселенных и о природе чёрных дыр.

— Маэстро Хокинг доказал, что чёрные дыры не совсем чёрные, оказывается, они испаряются вследствие квантовых эффектов, — доносился до меня откуда-то издали голос Шарика, мозг окутался какой-то ватной пеленой, этот странный литератор не давал мне покоя. Хорошо бы, если он просто голубой, а вдруг нет? Чего ему от нас надо? Может, и правда просто тошно одному стало? Но лезть вот так вот, по собственной воле, в петлю! В незнакомой компании! От ить люди! Ничего не боятся. Может он мазохист? Любитель получить приключения на свою жопу! Не хватает человеку адреналина — вот и лезет он куда ни попадя... — чёрная дыра может быть совсем маленькой, не исключено, что она может висеть где-нибудь в соседней комнате, — шелестел где-то на периферии сознания Шарик. Но рукопожатие... Такое дряблое и противное... Нет, что-то не ладно с этим Зайцевым, и взгляд этот бегающий, — астрофизики предполагают, что ближайшая чёрная дыра расположена недалеко от орбиты Плутона. Вот уж действительно было бы символично, если бы бог подземного царства носил в качестве медальона чёрную дыру!

— Давай, наливай уже, — вмешался в лекцию Хром, — а то мы тут так до утра будем сказки слушать!

— А тебе бы только и выпить, — наехала на Хрома Лика, — нет бы рассказал что-нибудь умное, а то только пьёшь да на бильярде своём дурачком играешь.

— Не надо ссориться, друзья мои, — умиротворял Зайцев, протягивая стаканы с портвейном, *(ну, чистый Санта Клаус)*.

— А никто и не ссёритца, — миролюбиво сказал Хром, стряхивая Лике с коленей и одним глотком выпивая портвейн. — А тебя, сучка, если что-то во мне не устраивает, так катись колбаской к своему умному Шарик.

Он тебя сказочками с утра до вечера будет потчевать.

— Дурак, — только и сказала Лика, держась за ушибленную голову.

— Да... т-ты. Д-да к-как т-твой п-поганный язык, — закипел вдруг от возмущения Шарик.

— Ну-ну, щенок! Давай-давай, может быть, морду мне хочешь набить?

— Хватит тебе, Хром, — попытался вмешаться Бек.

— И н-набыю. Т-ты д-думаешь, т-ты с-сильный, д-да? Т-ты с-слабак Х-хром. У т-тебя д-душа с-слабая. Т-ты т-трус Х-хром.

— Уж не тебя ли я испугался, сопля? — начинал уже по-настоящему закипать Хром.

Я понял, что ещё миг и придётся вмешиваться, поскольку от Шарика может остаться только пустое место.

— Т-ты, Х-хром, — говорил Шарик, надвигаясь на Хрома всем своим крошечным ростом, — б-боишься ок-казаться смешным. Т-ты д-должен быть героем. Т-тебя раздражает, когда кто-то б-берёт над тобой верх, п-пускай д-даже в духовном п-плане. А п-по большому с-счёту т-ты н-ноль. П-пустое м-место. И если бы н-не Л-лика, я бы с т-тобой, Х-хром, и с-срать бы р-рядом не сел.

Я так и не успел вмешаться (эта вечная моя медлительность в выборе решений). Всё кончилось молниеносно. Хром крутанул своим кулачищем словно молотом, вкладывая в удар всю свою стокилограммовую массу. Ещё секунда и от Шарика должно было остаться только мокрое место. Но тут произошло какое-то чудо. С проворством медвежонка Шарик отклонился в сторону и слегка подтолкнул пролетающую мимо него спину гиганта. Хром всей своей машиной грохнулся на пол. Как-то судорожно дёрнулся и затих, видимо, потеряв сознание. Все как будто окаменели. Один Шарик хладнокровно шагнул к поверженному врагу. И, перевернув его на спину, стал щупать пульс на шее.

— Ж-живой. Л-лика, д-дай, п-пожалуйста, портвейна.

— Хром, Хромушка, что с тобой, что ты с ним сделал!!!? Изверг!!!

— Я н-ничего, эт-то он с-сам оступился. Д-дай п-портвейна, рану п-промыть нужно. Л-лучше бы спирту, к-конечно, или х-хотя бы водки.

— У меня есть виски, — засуетился литератор Зайцев, протягивая Шарiku пижонскую клетчатую фляжечку.

— С-спасибо. С-самое то.

Картина была, конечно, фантазмагорическая. Громадный, лежащий без сознания Хром с разбитым лицом, невозмутимо протирающий раны Шарик, кудахающая, как наседка, Лика, суеющийся Зайцев, молчаливо и удивлённо взирающий на всё Бек и ещё более невозмутимый Сарк.

Я налил себе полстакана и молча выпил. Вот так Шарик! Вот уж удивил так удивил. Как я понял, этот колобок в совершенстве владеет борьбой айкидо! Самой гуманной борьбой мира. Борьбой, не знающей нападения. Только защита. Только вынужденная защита. Нападение может быть лишь обманном, лишь вызывающим на удар. Удар, который возвращается к самому же тебе, и ты гибнешь от собственного удара, подобно скорпиону.

Вскоре Хром пришёл в себя. Видимо виски сделал своё светлое дело.

— Хром, Хромчик, Хромушка, ты жив? Что с тобой? Что с тобой, — кудахтала Лика.

— Отвянь, курица, — прохрипел Хром, усаживаясь и ошалело крутя головой.

— Я п-попросил бы т-тебя в-выбирать в-выражения.

— Всё-всё-всё, мистер Шварцнегер, больше не буду, простите великодушно, я был не прав, — кривляясь, бормотал Хром, — никогда больше не только не дотронусь до вашей драгоценной дамы, но и глядеть буду с опаской. Однако же ловко ты меня, — сказал он уже серьёзнее, — не ожидал. Не дооценил, прости, Шар, прости.

— Д-да л-ладно тебе.

Условное примирение вроде бы состоялось, но вечер был явно испорчен. Мы молча допили вторую бутылку и засобирались на выход.

Трещины терзали штукатурку. Паучки и мусоринки пытались их залепить.

3.3 НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Когда мы выбрались из петли, то Хром, небрежно всем кивнув, быстро зашагал в сторону своего дома.

— Хром, — неуверенно позвала Лика, — а как же я?

— А у тебя, милая, более надёжный защитник есть. Не бойсь — проводит. Он парень что надо. Ариведерчи.

Шарик, естественно, бросился к Лике, но получил решительный отказ. И так уж как-то получилось, что провожать Лику пришлось мне.

На небе сиял обгрызенный лунный коржик. Уже пахло осенью.

Наступила пора звездопада. Маленькие странницы срывались с насиженных мест и озаряли небо короткими росчерками. Я пытался было загадывать желания, но желаний у меня как таковых не оказалось, т.е. были какие-то мелкие желаньица, но вот такого, заветного, на которого звезду потратить не жалко, такого желания почему-то не было. В общем был тот самый вечер про который уже сто раз писали во всяких лиричных книжках Тургеневы, Бунины, Диккенсы и прочие литературные корифеи.

— Ты знаешь, Миф, — негромко сказала Лика, — Хром, он хороший. Он только кажется таким грубым и неотёсанным. На самом деле это всего лишь маска. Это защита его тонкой и очень непростой души.

— Охотно верю, только видишь ли какая штука... Воннегут-младший как-то сказал такую вещь: «Мы именно те, кем хотим казаться». И я, знаешь ли, с ним полностью согласен. Возможно, не прячься Хром за свою маску, то он и стал бы таким, как ты говоришь, но сейчас он такой, какой есть.

— Это для тебя он, такой, а для меня он совсем другой.

— Любовь зла...

— Не пошли, Миф, тебе это не идёт.

— Да не, чо уж там, я понимаю, какой Хром замечательный. Ещё секунда — и он размозжил бы маленькому беспомощному Шарику всю башку, и заметь, никто, в том числе и я, ему не воспрепятствовал! Душа у него, может быть, нежная, да рука тяжёлая!

— Да вышло-то ведь всё наоборот! Не он Шарик, а Шарик ему голову размозжил!

— Шарик, заметь, всего лишь защищался. Он даже и не ударил Хрома, но лишь обратил его же собственный удар наизнанку.

— И всё-таки напал Шарик, пусть не физически. Словом, Миф, можно иногда ещё сильнее ударить, а Хром не умеет словом, вот и пустил в ход кулаки. Да ещё и пьяный был. Он иногда бывает дурной пьяный. Как будто бы это и не он вовсе, а кто-то другой поселился в его теле.

— Видишь ли, в алкоголе заключена великая сила, но он лишь проявляет сокрытое внутри нас. Наружу под воздействием спирта может выходить как хорошее, так и плохое, чаще плохое, так как люди в большинстве своём оставляют желать лучшего, смысл поговорки «*In vino veritas*» как раз и состоит в том, что вино проявляет истинную сущность человека.

— И всё-таки иногда алкоголь может быть проводником для чего-то инородного. Мне трудно это объяснить тебе. Но иногда, когда я здорово переберу, то буквально чувствую, как душа моя засыпает и на опустевшее место забираются какие-то временные квартиранты... Знаешь, я ведь очень рано осталась одна. А из детства я помню ярче всего один день. Мне было около пяти лет. Стояла зима. Снегу было много. Очень много. Мы пробираемся с отцом по заснеженному провинциальному городу. Он держит меня на руках. Отец большой и сильный. Ему не страшны никакие сугробы. И вот мы заходим погреться в буфет в городской бане. Отец покупает мне бутылку лимонада и коржик за восемь копеек, а себе берёт бутылку розового. Знаешь, какой музыкой звучали для меня эти слова: «бутылку розового вина». Мне казалось в них что-то таинственное и волшебное, как будто маленькие гномики собрали тысячи лепестков роз и наварили из них божественного напитка. Я думала, что стоить лишь сделать глоток этого розового вина, и тут же унесёшься в сказку, в другой, неведомый мир... А вечером того дня отец повесился. Повесился на моей детской скакалке. До сих пор я не знаю, почему... Но с тех пор я ненавижу скакалки и розовое вино...

Знаешь, когда я познакомилась с Хромом, то был сильнейший снегопад. А так получилось, что я возвращалась из гостей и была не в сапогах, а в коротких осенних ботинках. Снег заваливался за края ботинок, и было ужасно холодно и мокро. Я поминутно останавливалась и выковыривала набившийся снег... И тут появился Хром. Что-то такое пробурчал про непогоду, подхватил меня на руки и понёс... Подхватил не как невесту, а как ребёнка... Меня с пятилетнего возраста больше никто так не носил... И так мне стало уютно, так хорошо, как будто наконец-то нашёлся тот, за кем я буду как за каменной стеной... Понимаешь, Хром, он как бы стесняется показаться хорошим. Ну, знаешь, как иногда неудобно бывает уступить место в метро: ты уступишь, а тебя начнут хвалить, вот, мол, какой воспитанный, и почему-то от смущения хочется сквозь землю провалиться... Я поэтому в метро и автобусах вообще стараюсь не садиться.

Некоторое время мы шли молча.

— Грустная история... Конечно, тебе сейчас тяжело, я понимаю... Тебе жалко Хрома...

— Понимаешь, то, что он морду разбил — это ерунда, на нём всё заживает как на собаке, но ведь Шарик его по самой душе хлестнул. Его — ХРОМА — мордой об пол! И кто? Какой-то мелкий толстенький коротышка!

— А ты не думаешь, что это поражение может быть полезным для Хрома? Что, возможно, он задумается о том, что и за самой невзрачной внешностью иногда скрывается недюжинная сила и мощь. Гордыня ведь один из самых тяжких грехов. Так, может быть, Хром несколько поумерит после этого урока свою гордыню... Знаешь, кстати, чем гордость отличается от гордыни? Гордый человек ни на кого не обижается, горделивый — обижается на всех...

И ещё они тебя оба любят, и Шарик и Хром. Но любовь у них разная, вот в чём дело. Любовь, Лица, при всём множестве оттенков и нюансов, по большому счёту, делится на два полюса. Один любит себя в тебе, и этим ты ему дорога, ты хорошее отражение его замечательных достоинств и именно так любит тебя Хром. А другой любит тебя в себе, он при помощи этой любви возвышается над бренным нашим миром, он убивает в себе свой природный эгоизм, у него появляется в жизни что-то дороже собственного я. Так чаще любят женщины, но именно так любит тебя Шарик. Тебе повезло. У тебя два таких замечательных и таких разных поклонника. Так что не грусти, малыш, всё ещё только начинается...

— Спасибо, Миф, ты умеешь утешить. И вообще ты славный. Ты немного не такой, как все мы. Возможно, потому что ты старше. А, может быть, потому, что всё умеешь понять...

— Да ладно тебе, — засмутился я, — ну вот, кажется, мы и пришли. Давай, малыш, отсыпайся, утро вечера мудренее.

— Может, зайдёшь? Кофе выпьем...

— Не, малыш, пора мне, меня там старина Ван-дер-Вайн заждался, как-нибудь в другой раз...

— Ну, пока.

— Пока... Пока...

3.4 НОВОСТИ НОЧИ

Стоило мне только отойти от Ликиного дома, как вдруг на тротуар с двух сторон вырулили два огромных джипа. Я почувствовал, что реальность подо мной начинает расползаться по швам. Что я нахожусь не на тихой московской улочке, а на подмостках Голливуда, и что сейчас из двух машин выскочит дюжина гангстеров и перестреляет друг друга, и меня тоже замочат — просто так — до кучи. Говорят, перед смертью успевает промелькнуть вся жизнь. Не знаю, у меня вертелась всего лишь одна мысль: «Ну почему? Почему так глупо? За что? Чего, собственно, ради?» В отличие от героев боевиков, я не пытался броситься на крышу приближающихся машин или хотя бы перемахнуть через невысокий заборчик по правую руку. Я лишь прижался к нему и нервно пытался прикурить, ломая спички. Джипы остановились в двух метрах друг от друга. Дверца одного из них распахнулась. Из-под неё показалась нога в коричневом лакированном ботинке и ослепительно белом носке,

потом выглянула ореховая трость, и изысканно одетый мужчина медленно направился в мою сторону.

— Господин Погарский, если не ошибаюсь, — обратился ко мне незнакомец.

— Не ошибаетесь... А в чём, собственно, дело, — спросил я, нервно затягиваясь наконец-то прикуренной сигаретой.

— Вам просили передать вот это, — сказал незнакомец и протянул мне аккуратный бумажный свёрток, — только, пожалуйста, не разворачивайте на улице. Посмотрите дома, *если у Вас есть дом...* (последние слова он, начитавшись, не иначе, Кундеры, явно выделил курсивом).

После чего любезный незнакомец вежливо откланялся и вернулся в машину. Джипы разъехались задним ходом, как в прокрученной назад киноплёнке. Я ошарашенно вертел в руках непонятный свёрток, пытаюсь хоть как-то объяснить происходящее.

Что-то слишком много для одного дня на меня свалилось. Литератор Зайцев. Драка Шарика с Хромом. Откровения Лики. А теперь вот ещё этот свёрток, мать его раздери! Что в нём такое? По весу вроде не очень тяжёлый. По крайней мере, вряд ли это бомба... Впрочем, не так важно, что там, важно понять, от кого он? Что это? Глупый розыгрыш? Или, может быть, какое-то предложение? Но для чего его обставлять таким дешёвым и в то же время весьма затратным антуражем?

Так, ломая голову над загадочным свёртком, я приближался к обителицу Бека. Вообще была у меня мысль отправиться спать в Петлю, но все видели, что я пошёл провожать Лику, и Бек моё отсутствие мог истолковать превратно. (Не закрыть врата превратно, трам-па-па-па-па-па-па... Что ещё за глупая цитата такая? Или само придумалось?)

И вот, когда до Бековского дома оставалось не более тридцати метров, из подворотни вынырнула толпа подвыпивших юнцов. *(кошмар какой-то! Что за события! Каким дурацким языком приходится писать! Ещё немного и Кровавая заря начнёт заниматься над городом! или Тьма накроет ненавидимый прокуратором город. Но жизнь, увы, предельно литературна! Причём проза жизни тяготеет либо к бульварному чтиву, либо к классическому роману. Похоже на то, что создатель не приветствует авангардной и экспериментальной литературы!.. Читатель, возможно, думает, что автор лукавит, пытаясь оправдать слабости своей стилистики некими странными реверансами в область потустороннего творчества и вынужденности фраз. Это отчасти верно, но и не совсем. Дело в том, что автор присутствует здесь в двух ипостасях, как собственно автор и как герой, то есть — Миф. И иногда я, честное литературное, не понимаю в чьей голове пронеслась та или иная ремарка, в геройской? В авторской? Или, может, в читательской? Плюс ко всему выбивающее из колеи раздвоение личности... Ведь тот Миф, который жил тогда, не знал о том Мифе, который его будет описывать сегодня, а этот уже не совсем помнит того, а когда добавляется ещё и третье время, то, в котором обитает читатель...)*

Но, несмотря на все ремарки, сюжет пробивается в книгу и завоёвывает её литера, как говорится, за литерой:

— Привет, дядя, закурить не найдётся? — поинтересовался стриженный наголо подросток, с наглой, как танк, физиономией.

Я молча протянул ему сигарету. Страху не было. Видно, за этот вечер, я уже выпустил из себя все флюиды боязни. Мысль работала чётко и ясно. Их больше. Сила на их стороне. Они возбуждены и хотят выпустить адреналин. Нужно либо обмануть их, либо напугать.

— Нас много, дядя, одной сигареты на всех не хватит, а что это за свёрточек у тебя, а дядя? Слушай, поделись, а? И он протянул свою наглую короткопалую руку к моему странному свёртку.

— А ну всем СТОЯ-ЯТЬ!!!! — гаркнул я с такой неимоверной силой, что как пить дать разбудил полквартала, — Я ска-за-ал СТОЯТЬ!!!!

Действие оказалось неожиданным и сработало магическим образом. Огорошенные подростки попятились, переглядываясь друг с другом.

— Ты это, дядя, чего? Чего кричишь-то? Мы ведь, это...

Вдруг сзади ребят что-то бабахнуло. Потом бабахнуло ещё раз. И раздался не менее истошный крик:

— Ложись, СУ-У-КИ!!!!

Какое ложись — толпа юнцов бросилась врассыпную. Кто-то споткнулся и растянулся на мостовой. Кто-то отчаянно продирался через кусты, кто-то убежал в подворотню. Победа была полной и окончательной. Я с удивлением взглянул на своего спасителя. Передо мной с бледным перекошенным улыбкой лицом стоял Бек.

Дымок от спасительных взрывов — стелился.

3.5 ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ЧАЙ

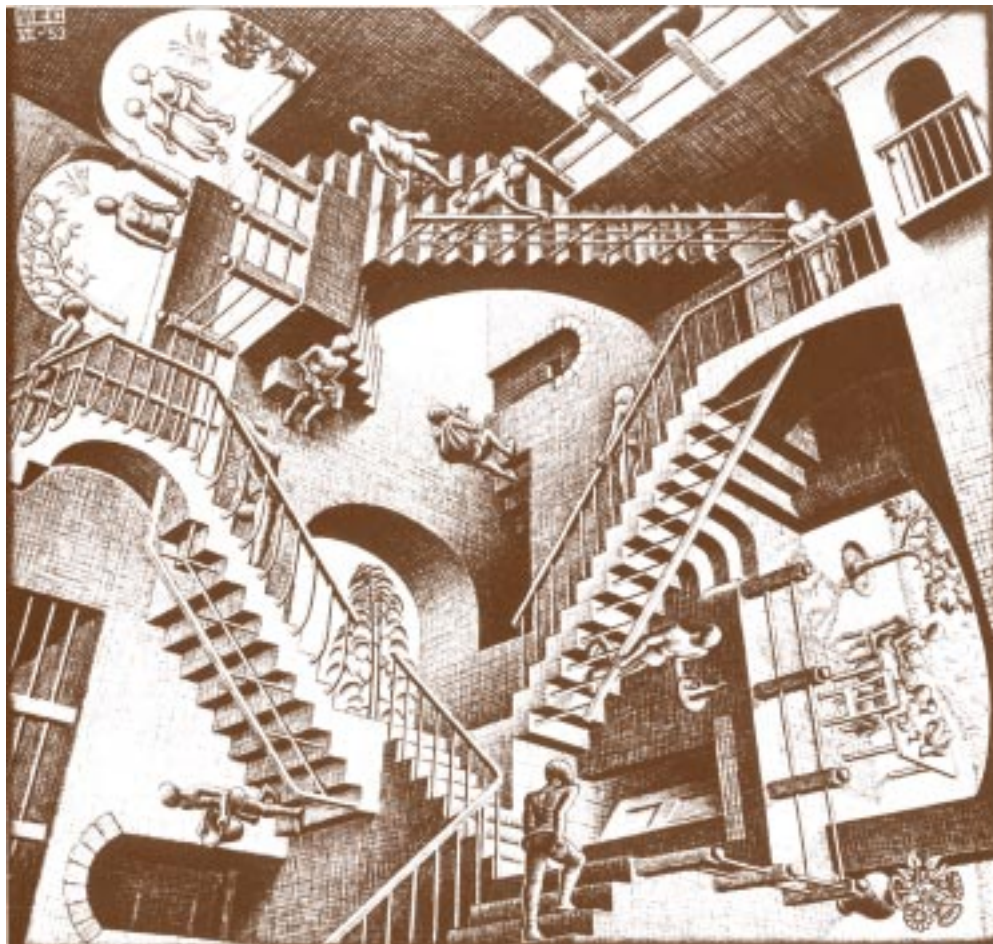
Мы сидели с Бекком на балконе и, не спеша, пили зелёный чай. Занималась заря (вполне не кровавая, а наоборот нежная, и, да простит меня взыскательный критик, по-детски розовая). На небо густыми мазками были набросаны: персиковый, сливовый, коралловый, лиловый, бледно-серый, бирюзовый, нежно-оранжевый со множеством подтёков и оттенков. О чём-то свистели птицы. Покой и умиротворение протекали в моё тело и душу. Всё произошедшее ночью казалось чем-то нереальным, каким-то выхлопом в чужую, выдуманную жизнь.

Бек рассказал мне, что, выйдя на балкон покурить, он вдруг услышал мой *нечеловеческий* крик и, быстро поняв в чём дело, бросился мне на выручку, пара хороших петард и лужёная глотка оказались вполне надёжным оружием в борьбе с созревающим поколением.

Я поведал Беку о своих приключениях. Мы молча пялились на загадочный свёрток, долго не решаясь его открыть. Потом аккуратно разрезав макетным ножом скрепляющий свёрток скотч, вытащили на свет небольшую деревянную коробочку.

В коробке лежала чёрная карнавальная маска.

Какие-то чужие манекены
В мой дом приходят по ночам...
Светает мысль. Безумие бушует...
И перепутаны в сознании верх и низ...

Глава четвёртая. ДВО-ЮРОДНЫЙ БРАТ

*Тучи пролегли
Между друзьями. Гуси
Простились в небе.
(Мацуо Басё)*

4.1 ЗНАКИ

Я лежал на балконе, закутанный в приятную полудрёму. И наблюдал за каким-то мистическим передвижением облаков. Не спалось. Видимо, сознание за вчерашний день настолько перевозбудилось, что просто вот так — взять и отключиться — было не в состоянии. Почему-то вспомнилось детство. Мой знаменитый дед Маргелан, закладывая в нос очередную понюшку табаку, словно живой произносит очередную философскую сентенцию.

«Судьба щедра на подарки. Вот только не каждый рискует их брать». «Только для пустомель и густобрёхов наша жизнь — театр. А для тех, кто хоть что-нибудь вообще понимает, жизнь — книга! Книга рождения Земли и Неба. Книга рождения человека! Ты, Мишка, изучай грамматику судеб, а то так и останешься у разбитой бутылки».

Имя Маргелан досталось деду в бурные 20-е годы. Годы революций, бурь, катастроф и поэзии. Первые составляющие, как нетрудно догадаться, были сокращения экономиста Маркса и капиталиста Энгельса, на которых настоял мой прадед Георгий (красный комиссар и кавалерист). А окончание досталось деду от последнего царскосельского лебедя Иннокентия Анненского, которого глубоко почитала моя прабабушка Елизавета (дочка профессора Фроловского). Трудно сказать, оправдал ли Маргелан своё многозначительное имя в глазах родителей или нет? Кажется, они прочили ему какое-то фантастическое будущее с поэтико-политическим уклоном, но дед упрямо подвизался по торгово-снабженческой части и никогда не лез ни в какие героические передраги. Оканчивал он свой трудовой век в пункте приёма стеклотары, где в основном и проходили наши с ним задушевные беседы.

Дед закрывал свою палатку ровно в пять, и никакие уговоры отстоявших длинную очередь неудачников не могли поколебать этого правила.

О, этот чудесный запах прокисшего пива, осевшего на донышках бутылок, аромат мятного нюхательного табака, лабиринты ящиков, тусклый свет обсиженной лампочки и дед, восседающий на перевёрнутом ящике, похожий на странную нахохленную птицу в синем халате.

— Знаки! Ты думаешь чтение знаков — это удел следопытов, козопасов и шифровальщиков? Отнюдь. Каждый, кто не затушил в себе интуицию, способен научиться читать. Вот помню, проснулся я как-то утром, и надо было мне на шибко ответственную встречу идти по поводу продвижения, ну, и вообще. А в душе трубы поют, погодка весенняя шепчет, как говорится, займи, но выпей!

— Дедушка, а наш квартирант, дядя Вася, обычно говорит: «трубы горят».

— Много ты понимаешь! Горят — это с похмелья, это когда человека корёжит, и в выпивке он лекарство видит и ею, родимой, от тоски спасается, а поют — это от переполнения жизни, это когда человек летит, словно ангел, и в глотке вина получает эликсир бессмертия.

— Как это, деда, бессмертия?

— Не перебивай. Знаешь такой стишок: «И бессмертным становится тот, кто одним лишь мгновеньем живёт!» Так-то вот. Ну, и это, стою я перед зеркалом, галстук двойным узлом завязываю, и вдруг слышу СТУК. Гулко так кулаком кто-то во входную дверь бухает. Ну, мыслю себе, не иначе Судьба стучится! И что ж ты думаешь! Оказалось, это Сашка, сосед притащился. Весь из себя весёлый, радость через края так и брызжет. «Георгиныч, — кричит, — гуляем! Мне из Воркуты от отца перевод пришёл!» Хотел я его послать было куда подальше, у меня же, сам понимаешь, — встреча. Да только тут зайчик солнечный на бутылку коньяка в Сашкиных руках упал. И знай себе в янтаре виноградном играет. И та-ак у меня, знаешь, под ложечкой засосало-о... Ну, думаю, — **ЗНАК...**

Крепко мы тогда с Сашкой наподдали. Помню, идём по какой-то окраине — заблудились. Места незнакомые. Вижу знак дорожный «поворот направо запрещён», только ить русскому человеку, куда нельзя туда и надо — поворачиваем. Подходим к оврагу. Слышу — будто бы стонет кто. Спускаюсь по тропиночке, мартовской распутицей перемолотой, за кусточки придерживаюсь. И вот, глядишь ты, девчушка молодая лежит. Бежала домой через овраг, поскользнулась, ногу подвернула. Дрожит бедолага от холода и от страха. Насилу мы её с Сашком до дома донесли. Март не март, а ещё бы чуть-чуть и заолодела бы девица. Вот так вот, Мишка, я с твоей бабушкой и познакомился. А теперь скажи, сидел бы ты сейчас вот на этом самом ящичке если бы я в тот день знаков своих не послушался и на ту шибко важную встречу пошёл, а?

Потом вдруг вспомнился Шурик. Шурик, мой двоюродный брат, был самый отпетый шалопай на всю округу, и не было у него никаких авторитетов, поскольку без отца рос. Но деда уважал и часто вместе со мной сиживал в бутылочной палатке, внимая нескончаемым историям о путеводных подсказках.

Больше всего на свете Шурик хотел мотоцикл или на худой конец машину. При каждом удобном случае он забирался в колымагу нашего квартиранта дяди Васи и от души крутил огромную КРАЗовскую баранку.

Однажды, Шурик, забравшись в кабину, обнаружил, что торопившийся поддать дядя Вася забыл выдернуть из зажигания ключи. Разумеется, Шурик посчитал это событие добрым знаком и тут же поймал свою удачу за хвост! Удача сопутствовала. Машина завелась. Шурик, едва дотягиваясь ногами до сцепления, включил первую скорость и тронулся. Дорога шла прямо и под горку. Шурик переключился на нейтралку и покатился вперёд, набирая обороты. Удача, видно, не успевала за столь стремительным развитием событий, и вскоре Шурик сильно погнул телеграфный столб, бампер и свою правую ногу.

А впрочем, благодаря этой истории Шурик попал в больницу для починки ноги, где и познакомился с учителем литературы Иннокентием

Павловичем Кукушкиным. Встреча оказалась для Шурика поворотной. Тринадцатилетний сорванец вдруг узнал, что стихи можно любить и учить наизусть просто так, за ради, как говорится, удовольствия.

Не прошло и двух дней, как Шурик написал первое в своей жизни стихотворение:

*Сорока каркает, и травка зеленеет!
Передохну у жизни на краю...*

Иннокентий Павлович, похвалив в меру, подверг двестишьё разрушительной критике:

— Поймите, Александр, каркает не сорока, а ворона! Сорока, Александр, стрекочет. О том, что травка зеленеет, после Фета писать просто не принято. Это, Александр, называется «литературный штамп». А слово «передохну» вообще лучше не употреблять в письменной речи, поскольку ни один наборщик не расщедрится на лишнее ударение, и читатели прочтут совсем другое слово...

На что наглый, как танк Т-34, Шурик, ничтоже сумняшеся, отвечал:

— Сорока, она если захочет, и каркать может. Сороки подражать умеют. У меня вот скворец жил, так тот вообще квакать умел и даже чуть-чуть кукарекал. А что касается травки, про которую Фет, так лучше и не скажешь. Можно, конечно, ляпнуть что-нибудь типа: «травка огринела», но ведь, согласитесь, хуже будет. А «передохну» только полный идиот прочитает с другим ударением — это ж стихи, Иннокентий Палыч, а не хухры-мухры!

Иннокентий Палыч грустно качал своей пепельной головой и с удивлением смотрел на Сашку.

— Далеко пойдёшь, Сашка, если на чужих машинах кататься не будешь.

И пророчество старого литератора оказалось не пустым звуком.

Но самая знаменитая, пожалуй, история была про войну с нашим соседом.

Сосед, дядя Павлуша, был в округе человек уважаемый и не в меру серьёзный. Он, наверное, был единственный у нас в районе, кто выращивал в огороде клубнику. Конечно же, его клубничные грядки пользовались большой популярностью у воробьёв и у местных мальчишек. От воробьёв дядя Павлуша ставил чучело с ведром вместо головы, а от мальчишек имелся добродушный лохматый пёс Полкан, готовый за куриную косточку продать всё хозяйское имущество.

Из взрослых, пожалуй, только дед недолюбливал дядю Павлушу. «Такой и нищему слепому в шапку окурков бросит», — часто говаривал он. Все мальчишки были солидарны с дедом и по мере сил вели с дядей Павлушей партизанскую войну. А Сашка, почитающий себя с некоторых пор поэтом, повесил на чучело дощечку с такими стихами:

*Я храбрый Павлуша —
Воробьиный бьюша!*

Но главная месть и беспощадный удар были нанесены в один тёплый августовский вечер.

Наша соседка тётя Тоня работала на хлебопекарне. И это, надо сказать, было хлебное место! Потому как у тёти Тони был неограниченный доступ к дрожжам. А дрожжи в те далёкие времена ценились на вес сахара, соединённые с коим, создавали основу для популярного в ту пору самогона. Так-таки вот. У тёти Тони мы и позаимствовали две килограммовые пачки дрожжей для военно-полевых действий. Ближе к вечеру дрожжевые гранаты были заброшены в дядипавлушин сортир, в глубину имеющий не меньше двух метров и не чищенный столько же лет..

Проснувшись с первыми лучами солнца, храбрые партизаны любовались победной картиной. Хлипкая сосновая будочка, свалившись на бок, лежала в куче бурлящего и расплзающегося по всему огороду дерьма. Дядя Павлуша стоял с отвисшей челюстью, пытаясь постигнуть суть таинственного извержения. Полкан недоумённо и дружелюбно потягивал.

К чести собравшихся на консилиум взрослых, причина вскоре была установлена, и мы с Сашкой каким-то странным образом были вычислены. Вернее вычислили почему-то Сашку. И он геройски молчал о своём соучастнике (в умненькой голове которого, собственно, и созрела столь гениальная идея). А соучастник, то бишь я, смалодушничав, не сознался.

И трусливо-оправдательная речь, обращённая к моей совести, была следующей: «И кому будет лучше, если я сознаюсь? Сашке? Да не-е. Сейчас он герой и страдает за себя и за друга. А так героем буду я, но тот же Сашка обзовёт меня дураком и подсознательно на меня разозлится за то, что лишил я его героических лавров. А так, ну, обзовёт он меня трусом, ну, будет ходить с важным видом, подумаешь! Бог с ним, пускай порадуетя». И Сашку, надо сказать, порадовали по полной программе.

И только один дед оглушительно смеялся над нашими подвигами, ободряя отлупцованного Сашку: «Ничего, Санёк, раны заживут, а история — она останется».

Вот и вспомнилась зачем-то эта история. Станным образом устроена наша память, одно цепляется за другое, щупальца расплзаются в разные стороны, и если дать памяти полную свободу, то ещё неизвестно, в какие дебри она тебя уведёт..

Где-то на периферии памяти шумел доисторический лес.

4.2 СМЫСЛ ПОЭЗИИ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Шурик действительно далеко пошёл. В середине восьмидесятых он был признанным лидером авангардной поэзии. Мне его стихи никогда не нравились, но одно из них почему-то запомнилось.

*Крошится бутылка в руке
Я аортой бью по зубам
Сердце как стеклянный арбуз
Истекает кровью к ногам.*

Чушь, конечно, несусветная, но почему-то запомнилось.

А ещё помню, как мы сидели с Сашкой в какой-то зачуханной кафешке и рассуждали о смысле поэзии, об успехе, о будущем.

— Пойми, старина, твои вирши — это прошлый век, — учил меня уму-разуму Сашка, — сейчас в моде что-нибудь необычное, экстраординарное, с капелькой безумия и философского бреда, а у тебя? Один сплошной сентиментализм и романтика! И потом, не увлекайся ты так рифмой! Ты же не рифмоплёт! Ты поэт! Пренебрегай размером, нарушай штампы, вываливайся, выпадай из стиха. Шокируй своего читателя. Выбивай из-под него подпорки сознания. Вот тогда ты добьёшься успеха. Вот послушай:

*Хомяки бредут по улице —
То ли знаки мне, то ли бред.
Я смотрю, что и на твоём лице
Отражается глубина...*

Казалось бы, в конце просится в рифму какой-нибудь свет или след, но согласишься, что глубина лучше.

— Не знаю, Саша. Я не очень понимаю, о чём ты вообще пишешь?

— Да брось. Для успеха не важно, о чём ты пишешь, важно как. Нет, темы, конечно, тоже важны, но чем они бредовее, тем лучше.

— Но мне не нужен успех, Саша. Для меня поэзия и творчество вообще — это инструмент познания. Я начинаю писать и не знаю, какой будет следующая строчка. Я расту с каждым новым текстом и взрослею с каждым новым стихом. Не только я влияю на стих, но и стих на меня!

— Да что там познавать в этом сраном мире? Мир, Мишель, донельзя примитивен. Нужно просто бороться за своё существование и уметь отрывать жирные кусочки от вселенского пирога.

— Ну, а если я не хочу просто существовать? Если меня тошнит от борьбы за лишний кусочек? Если меня влечёт тайна распускающегося цветка, загадочная улыбка женщины, удивительная регулярность закатов и восходов, непредсказуемый полёт стрижа в синем небе?

— Цветок, распускается, чтобы его опылила пчёлка, и он мог продолжить свой род! Женщина улыбается, чтобы её полюбил мужчина, и она могла продолжить свой род! Закаты сменяют рассветы, потому что вертится Земля! А стриж летает там, где есть комары, которых он

с удовольствием лопают! Нету здесь никаких тайн и загадок. Жизнь, Мишель, как учил нас дед Маргелан, — это открытая книга, только вот не каждый умеет её читать. Ты, я смотрю, так и не научился.

— Книгу можно читать по-разному, Саша. Каждое слово и каждый знак могут иметь десятки значений, и каждый выбирает то, что ему по душе. Я слышал, что стриж четыре года проводит в полёте без сна и без отдыха, а потом бросается в объятия своей возлюбленной и после короткой, но яркой любви умирает. Возможно, это всего лишь красивая легенда, но мне хочется в неё верить и не хочется думать, что стриж летает для того, чтобы есть комаров.

— Не-е, Мишель, ты конченный человек. С такой философией ты никогда не добьёшься успеха.

— Да не хочу я никакого успеха. По крайней мере, я не хочу успеха ради успеха. Я пишу, потому что пишу. Потому что мне нравится. Потому что это моё. А принесёт мне это успех или не принесёт — дело абсолютно десятое.

— Ну хоть сам себя-то не обманывай, да! Честолюбие, одна из основных черт человеческого характера, особенно сильна в юношеском возрасте. Все восемнадцатилетние хотят стать Наполеонами, Пушкинами и т.д. Неужели у тебя психологическое отклонение от нормы?

— Да, Саша, наверное, я эстетически-моральный урод.

4.3 БИЗНЕС-МЭН

Шурик издал несколько сборников своих авангардных виршей и заработал на этом неплохие деньги. Потом ударился у издательский бизнес. Открыл своё дело. И постепенно в мутное время становления экономики выбился в очень приличные бизнесмены. Прикупил себе коттеджик под Москвой, домик на Кипре, роскошный автомобиль, яхту и прочий мусор, так необходимый богатому человеку. Совсем недавно, когда я, уволившись, вёл наше с Бинкой домашнее хозяйство, он навестил меня. Одетый с иголочки, только что не в белых перчатках он говорил выверенным языком, не допускающим возражений.

— Значит так, — такие, как ты, мне позарез нужны, — делать будешь всё то же самое только исключительно для меня. Оклад на первое время три штуки зелёных.

— Понимаешь, Саш...

— Мало? Ну, можно четыре.

— Са-ша!

— Ну послушай не пять же тебе платить? У меня столько и финансовый директор не получает. Я понимаю, что твой талант того стоит. И понимаю, что заработаю благодаря тебе много больше, но и ты пойми. Никто тебе такого оклада не даст. У нас умных бизнесменов раз два и обчёлся. А я не могу столько дать, потому что на меня коситься будут. Мол, родственничка пригрел и всё такое. Мне, по большому счёту, конечно плевать, но нездоровая атмосфера мешает нормальной работе. Тебе же, Мишель, и будут первому палки в колёса пихать.

— Да не в деньгах дело, Санёк, ты понимаешь, я просто НЕ ХОЧУ больше работать. НАДОЕЛО!

— Что значит надоело? А на что жить будешь? Ну, протянешь ещё пару месяцев на свои сбережения, а дальше-то как? Милостыню пойдёшь просить?

— Во-первых, у меня не такие уж большие запросы и сбережений мне хватит не на пару месяцев, а на пару лет. А во-вторых, неужели ты считаешь, что без денег жить невозможно? Ну, то есть, без тех денег, к которым ты привык. Пенсионеры же вон живут на сорок долларов в месяц и ничего. А сорок долларов можно и дворником заработать: поработал час и весь день свободен.

— Человек должен идти по жизни легко и ловить на себе восхищённые взгляды окружающих, а не склонять свой взгляд долу, держа метлу в руках.

— Да каких окружающих, Саша? Тех, у кого машина дешевле? Да у кого дача меньше? О чём ты говоришь со своим восхищённым окружением? О ценах на нефть? О том, какой марки часы носит наш президент? Ты когда, я уж не говорю писал, ты когда в последний раз читал стихи, Саша?

— Стихи многому не научат, а вот тенденцию изменения роста цен на нефть знать, между прочим, очень полезно.

— Для чего? Для чего полезно-то, Саша? Чтобы ещё больше денег заработать? Чтобы ещё дороже машину себе купить? И кроме Кипра ещё и где-нибудь на Канарах прикупить домишко?

— Пойми, деньги дают не только материальные возможности. Они дают мне власть! Они управляют миром. И я при помощи денег могу реальным образом изменять мировые соотношения сил. Я могу вмешиваться в перемещение цивилизаций, не больше не меньше. Пока у меня не очень много сил и я способен лишь на небольшие возмущения ноосферы, но пройдёт ещё лет десять-пятнадцать и я смогу очень серьёзно менять человеческий климат..

— Вот ты, Саша, собираешься при помощи денег изменять движения цивилизаций, а сейчас ты не способен при помощи этих самых волшебных бумажек изменить движение жизни всего одного человека. Меня. Тебя это не пугает?

— Меня пугаешь ты. Только полный балбес и кретин может отказываться от *таких* предложений. Я ведь, заметь, даю тебе не только очень хорошее место, но и перспективу. А в перспективе, Мишель, я вижу тебя во главе крупнейшей ПиАр-империи. И тогда уже ты будешь диктовать всему миру свои условия игры.

— А я уже и сейчас, Саша, играю по своим условиям.

И ты, к сожалению, со своим предложением в них ну никак не проходишь. Наверное, Саша, я моральный урод, и тебе не стоит на меня ориентироваться...

Знаешь, в одном французском фильме отец говорит сыну:

«В тридцать три нужно или жить как человек, или умереть как бог». Я хочу жить, как человек, Саша, а человек в моём понимании — звучит вольно...

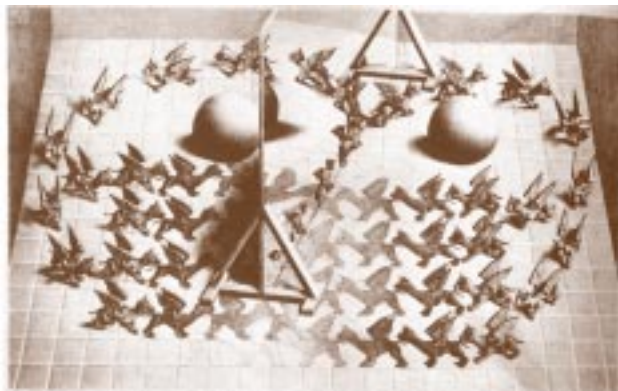

4.4 УТРО

Двор постепенно просыпался. Шаркали об асфальт мётлы дворников. Радостно тявкали вырвавшиеся на волю собаки. Пыхтели ранние одиночные автомобили. Утренняя всеобщая тишина ещё держалась, и тем отчётливее был каждый отдельный звук. Звенела эдакая литературная идиллия из какого-нибудь городского романса.

Мне не давала покоя полученная сегодняшней ночью карнавальная маска. Кто её мог послать и зачем? Мог, например, послать тот же Шурик. Для чего? А ни для чего. Просто так, из внутреннего позёрства. Ему не даёт покоя моя независимая позиция. Он никак не может понять, что есть люди, не желающие играть по его гнусным правилам. И он как-то хочет доказать мне, что способен сделать со мной всё что угодно. Я вполне допускаю, что Шурик мог нанять себе кучу психоаналитиков, с простой задачей: вот вам чувак, нужно, чтобы он работал на меня. И там включается целая разработанная программа, вывод человека из внутреннего равновесия, приманка в виде любимой работы... Стоп-стоп-стоп... А откуда взялся этот загадочный Вонг, которому нужно рекламировать кота в мешке?! Уж не подсунули ли его Беку под нос? Или, может быть, и нет никакого Вонга?! А просто Беку дали определённые установки? Ведь я же точно, на сто десять процентов не взялся бы ни за какую рекламную кампанию, кроме этого дурацкого кота! Уж не хитрый ли это просчёт всё тех же самых психоаналитиков? И теперь карнавальная маска! А кто у нас носил маску? Правильно — мистер ИКС !!! Вот тебе и реклама товара ИКС, вот тебе, бабушка, и Юркин день. То есть, получается, что хитрожопый Сашка втянул меня в дурацкую рекламную кампанию только для того, чтобы каким-то сложнейшим маневром затянуть в свои сети. Так-так-так. И каким же, интересно знать, будет следующий шаг?

*Просторные небеса ожидали своего дождя, и ветра,
и капельмейстера...*

Глава пятая. Секретное задание

Попробуем взглядеться в наше собственное нутро и уяснить себе — без гордыни, но и не считая себя заранее злыми грешниками, — что бы мы хотели сделать со своим ближним, вызывающим у нас наивысшую степень агрессивности.

(Конрад Лоренц. Так называемое зло)

5.1 УТРО

Экономический шпион Кролик сидел на балконе потягивая прохладное пиво и затягиваясь тонкой и сладкой сигариллой «Капитан Блэк». Утренние мысли Кролика были путаны и туманны, но скорее безоблачны, чем пасмурны: как ни крути, а с первым своим заданием он справился отменно. Единственное, что было непонятно — на кой ляд сдался столь серьёзным людям этот странный Миф? Что он вообще за птица такая? Вчера почти весь вечер помалкивал. В споры и пререкания не лез. Ушёл провожать эту прибабахнутую Лику. Что он может знать уж прям вот ТАКОГО? Почему его новые знакомые грохают на разработку этого типа столько денег? Во-просы-ы...

Семён только-только открыл вторую бутылку пива, как его трубка разорвалась позывными 40-й симфонии:

— Прекрасно, Семён Аркадьевич! Поздравляю! С первым заданием Вы справились просто блестяще. Ждём Вас через полчаса на старом месте. Там Вы получите новые инструкции.

— А-а... но...

— Лимузин уже подан, Семён Аркадьевич, так что поторопитесь! И действительно у подъезда стоял вчерашний лимузин.

Семён быстренько ополоснул лицо, тщательно почистил зубы. Допил одним махом открытое пиво и быстро спустился вниз.

Утреннее солнце переливалось на серебристой крыше иноземной машины, сверкая в отражённых облаках.

«Неплохая тема для рассказа, — подумал Кроликов, — «ОБЛАКА НА МАШИНАХ». Развить там что-нибудь такое про девушку, фотографирующую отражения облаков в машинах, про беспокоящихся хозяев и дворников (NB: дворник-человек и дворник-механизм). Потом какой-нибудь лихой поворот: девушка фотографирует, машину на следующее утро воруют, на неё падает подозрение, она конечно, красива, ну, там любовь-капуста, выставка, всемирный успех...»

5.2 ЗАДАНИЕ

На этот раз загадочные работодатели уже ждали его, о чём-то ожесточённо споря. До Семёна долетели лишь обрывки фраз и остатки разговора. «Главное не спугнуть. Ты его не знаешь. Он не продаётся. Можно переиграть». Увидев Семёна, русобородый и чёрнобородый тут же замолчали и кивком предложили садиться.

Перед Кроликом дымилась чашка с ароматным кофе. На столе: коньяк, печенье и шоколад. Завтрака, на который так рассчитывал Семён, не было.

— Итак, дражайший Семён Аркадьевич, с первой частью задания Вы справились великолепно. Контакт с объектом состоялся, и никаких подозрений, кажется, не возникло. Теперь Вам предстоит основная работа, ради которой, собственно, всё и затеялось. Вы должны не позднее чем через четыре дня получить от объекта необходимую нам информацию.

— Я весь внимание, простите, не знаю Вашего имени-отчества.

— Можете называть меня Викентий Павлович, — представился русобородый, но скорее всего это было не настоящее имя, — Видите ли, любезный мой Семён Аркадьевич, интересующий нас объект в настоящее время занимается разработкой рекламной кампании товара под названием ИКС.

— Вон оно что! — чуть ли не присвистнул Кроликов.

— Именно, Семён Аркадьевич, именно. Как раз это нас и интересует — ЧТО? Что скрывается за этой неизвестной? Простое психологическое уравнение всего лишь с одной переменной. И будь хранителем информации обычный человек, то всего лишь несколько тысяч долларов моментально решили бы эту проблему. Но всё дело в том, что господин Погарский, не просто необычный, но, как бы это выразиться, не совсем от мира сего. И к нему нужен тонкий, очень тонкий подход. Ни в коем случае нельзя его спугнуть. Эту тайну нужно выведать исподволь, не навлекая на себя абсолютно никаких подозрений. Я понятно выражаюсь?

— Ну, понятно, ну, то есть не совсем, то есть не ясно, а каких, собственно, подозрений?

— А, собственно, что, ЭТО ЗНАНИЕ Вам зачем-нибудь нужно? Если он почувствует, что за Вами кто-то стоит, то информации Вам не видать, как тех денег, которые у Вас пока что есть и которые Вы, Семён Аркадьевич, обязались отработать.

— Я... я постараюсь, — растерянно промямлил Семён и механически налил себе рюмку коньяку (а почему бы, чёрт возьми, и нет, раз уж он тут стоит?).

— Уж Вы *постарайтесь*, Семён Аркадьевич, постарайтесь. Это Вам на текущие расходы, — с этими словами Викентий Павлович положил на стол не такую уж и худенькую пачку разноцветных еврашек, и, откланявшись, странные работодатели удалились.

Семён, запихав эту радующую глаз радуку в карман пиджака, выпил подряд две рюмки коньяку и закурил. «Так вот в чём весь фокус-покус! Пресловутый товар ИКС. Всё население России мучается сейчас в бесплодных попытках разгадки.

Под эту сурдинку можно нашему доверчивому покупателю впарить всё что угодно, хоть говно африканских страусов, хоть корешки растения иланг-иланг. А придумал всю эту махинацию, оказывается, никто иной, как его новый знакомец — Миф! Ай да-да! Вот тебе и тихоня! Да за такую информацию и в самом деле никаких денег не жалко! Ну-ну, так он со мною — первым встречным — и поделился. Но как-то странно всё это? Как-то не те они люди! Не того пошиба. Или это маска такая? Камуфляж? Ладно, поживём, увидим. Четыре дня не три часа, авось, да и вывезет госпожа Кривая!»

Кривое зеркало искусства. Тень отражения. Мастер маскировки. Набор никуда не ведущих слов.

Глава шестая. ПРО-РОЧЕСТВА

Вы спрашиваете у меня дорогу? Честию клянусь, мне она неведома, но думаю всё же, что с нынешней вашей стези вам следует свернуть, ибо путь на Канарские острова через дом умалишённых — вовсе не самый короткий.

(Сирано де Бержерак. Против читателя романов)

6.1 ПРИОБРЕТЕНИЯ И НАХОДКИ

Я проснулся около 11. Бек уже умотал по нашим рекламным делам, и второе утро обещало быть спокойным и тихим. Я заварил себе кофе покрепче и погрузился в приятную истому ничегонеделания. Все ночные страхи и проблемы скатились в самый краешек моего сознания. Я прихлёбывал кофе и думал о том, что жизнь поразительно щедра на подарки. После моих списков потерь и утрат, само собой разумеется, я решил составить списки находок и приобретений. Но по ряду причин ограничился лишь первым. Вот что у меня вышло:

Находка	Время и место	Судьба находки
Перочинный ножичек	1966, остров на реке Ушна, Владимирской обл.	Описан в книге «Излишняя жизнь»
Спичечные коробки	1968–69, г. Муром	Стали коллекцией спичечных этикеток
Несколько бутылок водки	1972, г. Муром (была ограблена машина ликёро-водочного завода. Грабители забрались в кузов и бросали бутылки в снег, потом выкинули пару ящиков. Ящики подобрали, а бутылки собирали как грибы окрестные жители, в том числе и я)	Выпиты отцом
Жетончики с надписью «Желаем удачи»	1991, г. Москва 1993, г. Красногорск	Описаны в романе «ВВ»
Муляж книги	1997, г. Красногорск, помойка	Стал арт-объектом «Закрытая книга»
Обломки стула	1998, г. Красногорск, помойка	Стал книгой-объектом, а также героем поэмы «Жизнь и смерть одинокого стула»
Палка, напоминающая китайского дракона, козерога и собачку	2000, Соловки, Большой Заяцкий остров	Живёт в моей сумке

Список приобретений я составить так и не смог. Каждый день мне дарил что-то новое. Капли дождя, повисшие на голых осенних ветках, гроздь рябины, покрытые первым снегом, луч солнца, преломившийся в мартовской сосульке, запах скошенной травы, движение облаков, звёзды, ветер, река...

А сколько было встреч с самыми удивительными людьми! А сколько было находок среди книг, фильмов, спектаклей... Да взять хоть того же Ван-дер-Вайна, у него ведь что ни страница, то новое открытие. Вот к примеру:

«Человек, стал человеком лишь с осознанием смерти. Животные не знают, что они умрут, инстинктивно они защищают свою жизнь, но не понимают, что же есть смерть. Так же и дети. Ребёнок становится человеком, лишь отказавшись от идеи бессмертия. Первое серьёзное человеческое переживание — это страх смерти... И лишь преодолев этот страх или привыкнув к нему, человек начинает выстраивать свою жизнь...»

В то время, когда только-только стал безработным, я много думал о соотношениях: жизни и смерти, реальности и потусторонности, вечности и бессмертия. Я бросил работать не только потому, что мне надоело (работа-то ведь нравилась, по большому-то счёту). Я хотел разобраться в самом себе. Я хотел понять, что же, в конце концов, я есть такое? Где кончается моё Я и начинается Я, привязанное к внешним условиям? Возможно ли обособленное и независимое от внешних условий существование Я?

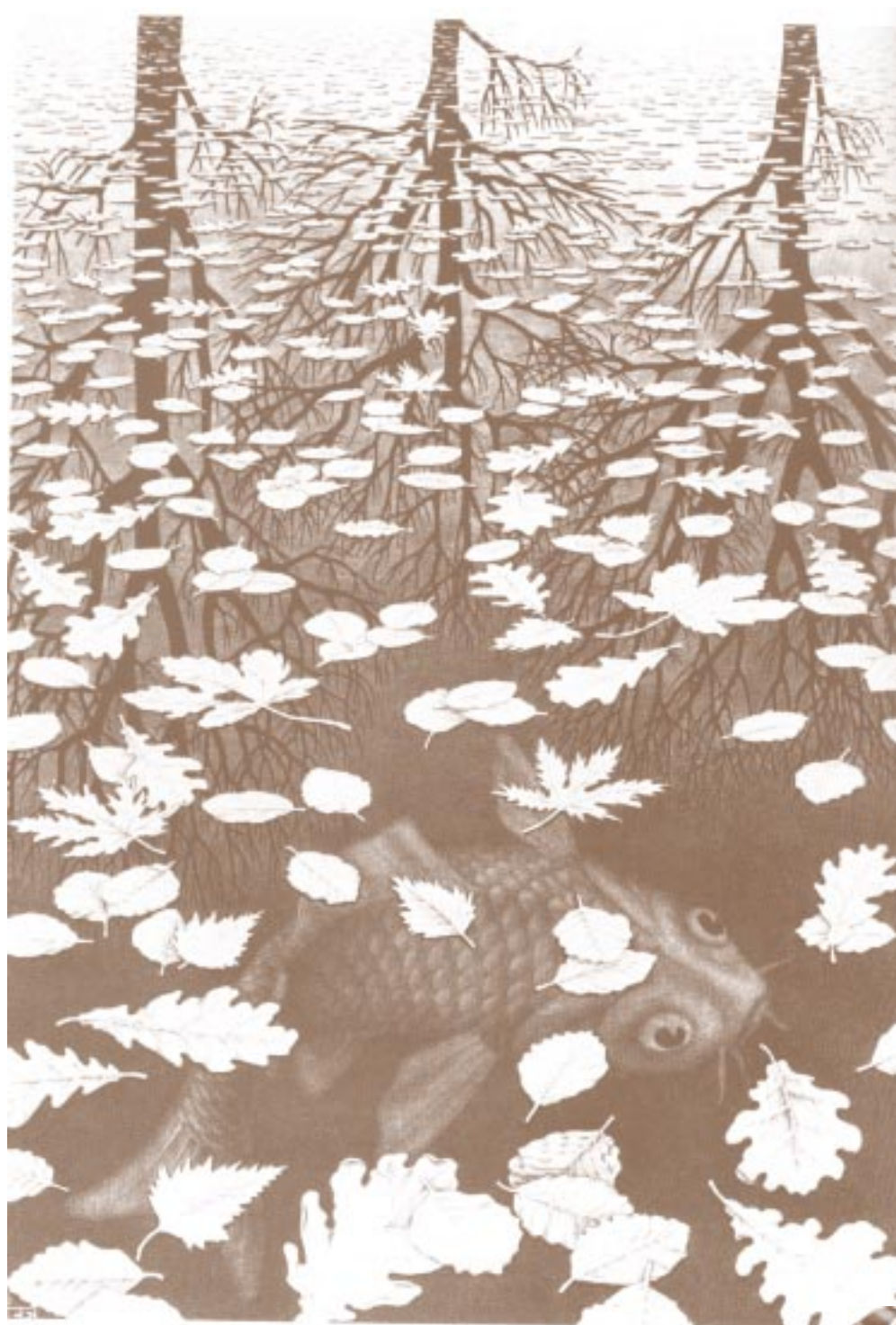
Я мог часами сидеть на скамеечке у пруда, смотреть на отражение леса и перекатывать свои думы с места на место. Ясности мои размышления не добавляли, но всё твёрже и твёрже росло убеждение, что жизнь не сводится к завоеванию места под солнцем, что бесплодный поиск пути гораздо важнее целенаправленного движения к победе, что безрассудная любовь нужнее создания крепкой и дружной семьи, что у счастья нет и не может быть специальных причин, что человек не кузнец своей судьбы, а всего лишь кормчий в её бурном и беспокойном море... Кормчий, который с каждой новой волной, с каждым свежим порывом ветра вынужден выбирать, в какую сторону он должен повернуть руль...

Мы живём в мире, не зная не только того, что произойдёт с нами завтра, но и того, что может принести ближайшая секунда...

Ближайшая секунда принесла мне телефонный звонок. Звонила Лика. Ей, видите ли, приспичило покататься по Москва-реке на катере. И разумеется, я, будучи штатным бездельником, не нашёл повода, чтобы ей отказать.

Погода была серонеба и ветрена.

6.2 ЦЫГАНКА

Я шёл вдоль Киевского вокзала по направлению к причалу. Чёрные орлы на серой башенке архитектора Рерберга взирали вниз на вокзальную суету с привычным недоумением и пренебрежением. Деловито и неторопливо перемещались с места на место бомжи. Поспешно и бездумно неслись куда-то отъезжающие пассажиры. Крутились возле ног цыганята. Обычная привокзальная жизнь, десятки раз описанная в книгах и показанная в фильмах. Сейчас по сюжету должна быть какая-нибудь эксцентричная встреча... дорогу перебежала чёрная кошка, наступало время цыган...

— Эй, дарагой, не спеши, по тебе вижу, что спешить-то некуда. Не бойся. Потрать две минуты, а там, глядишь, эти две минуты тебе жизнь спасут, — заговорила со мной молодая рромнёрры.

Что-то в ней было такое необычное. Или скорее не было. Не было этой липкой цыганской навязчивости, хватания за рукав, заглядывания в глаза и пр. Я непроизвольно остановился и внимательно посмотрел на неё. Свежее молодое лицо, гордый взгляд, яркие цветастые одежды.

— Не бойся, друг-вортако. Денег не надо. Печать на тебе. А в нашей вице закон. Увидишь мануша с печатью. Останови, помоги, чем сможешь. Если захочет, конечно. Руки твоей не надо. Я по глазам читаю.

— А надо ли оно мне? Твоё знание-то? Не в том ли и состоит вся прелесть жизни, что мы не знаем нашего будущего? Есть люди, которые, взяв книгу, сразу торопятся заглянуть в конец. Я не из их числа. Мне гораздо важнее путь, мне любопытно каждую секунду открывать новый мир, наткнуться на неожиданности, удивляться случайностям, радоваться открытиям...

Я, видишь ли, привык жить враспloch, кувырком, изподвыподверта... Легко сворачивая с намеченной заранее дороги и утыкаясь в буреломы и буераки...

— Э-э, Миша, — (стоп-стоп! откуда она знает моё имя?), — правильно говоришь, да не совсем. Вот по равнинной реке плывёшь — зачем карта? Зачем знать, что ждёт за поворотом тебя — сосны, берёзки, какая разница, и тому и другому душа рада будет, впрочем, и здесь при выборе ночёвки знание маршрута не помешает, чтобы не в болоте среди комаров спать, а на сосновом взгорье, да с красивым видом... а что говорить при спуске по горной речке? Уж тебе ли, старому байдарочнику, не знать, как важна здесь карта!

— Откуда ты знаешь, что я байдарочник?

— Я, Миша, многое знаю, не всё, конечно, но многое. Мы свои навыки из поколения в поколение передаём. Книжек не пишем, газет не читаем. Живое слово оттенки звука хранит. А оттенки в словах порой поглавней основного смысла! Мы многое можем! Да ведь только к каждому свой подход нужен. Кто-то картам верит — так раскинь ему карты, кому-то линии жизни по руке почитай, кому-то ещё что. Только ерунда всё это — обычный театр, декорация... С тобою это всё лишнее. Умный ты... Умный и недоверчивый. Всюду подвох ищешь. Людям разучился верить. За каждым движением чужую выгоду видишь. За каждым вздохом психологическую подоплёку ищешь... Но душа у тебя чистая. Скорее своё одеяло отдашь, чем на себя чужое перетянешь...

Сложности у тебя сейчас, Миша. Много воронов на твой кусок хотят лапу наложить. А ты бы и рад его отдать, да и отдавать-то не знаешь что. Вороны, однако, могут много зла тебе сделать. Сил у них много, Миша! Растопчут тебя и не заметят, что растоптали. И тут у тебя лишь одно оружие перед ними — твоя открытость. Будешь таиться, будешь скрывать — пропадёшь. И ещё тебе скажу, Миша, воды опасайся. На прогулку речную отправился? Не ходи, Миша — опасно это. Воду простую не пей. Вино пей, сок пей, водку пей, а воду какое-то время не пей. И не мойся, Миша. Ничего не случится с тобой. Недельку-другую можно и грязным походить. А там, глядишь, и пройдёт время твоей чёрной воды... Удачи тебе, дарагой! И спасибо.

— А-э-э... А за что спасибо-то?

— А за свет твой, Миша, спасибо. Мало сейчас на Земле светлых людей осталось. Светлая печать на тебе, Миша. Мир на таких, как ты, держится. Потому-то и помогать вам велено. Не будет таких — всё. Заклюют друг друга вороны. Покроет чернота души людские. Восстанет из мрака царствие тёмного лорда.

Я задумчиво двигался в сторону реки, пытаюсь разобраться с происходящим. Кто она такая — эта цыганка? В самом ли деле светлая ясновидящая, или это тонкое продолжение Сашкиной игры? Уж слишком много у неё попаданий... «людям разучился верить, за каждым движением чужую выгоду видишь» — всплыло. Но если это игра, то в чём же смысл этого хода? «Лишь одно оружие перед ними — твоя открытость» то есть раскрой свои карты и проиграй. Нда-а, Погарский, попал ты в историю. Направо — убиту быть, налево — душу пропить. Если цыганка подстава, то открытость твоя тебе же во вред и пойдёт, а если она действительно из клана воинов света? Тогда как? И что это за бред с водой? Что сейчас не ездить с Ликой, что ли? Вот, что, Погарский, жил ты тридцать с хвостиком без пророчеств и дальше живи! Живи так, как будто её и не было. По собственному разумению живи. Так-то оно, пожалуй, лучше будет!

Перед ним раскинулся свежеиспечённый металлический фонтан. Будто специально подстроенный к дальнейшему сюжету.

6.3 СЕКТАНТЫ

У тонких металлических струн (струй) топтались две женщины с евангелийскими брошюрками.

— Как Вы думаете, мир выживет? — спросила одна из них, смотря куда-то поверх моей головы.

Я невразумительно пожал плечами.

— Ответ есть! — провозгласила вторая и, уткнувшись в книжку, стала читать: «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

Моё сознание отключилось, в тщетной попытке представить неслышимое, невидимое и нечувствуемое...

«И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога».

6.4 РЕЧНАЯ ПРОГУЛКА

— Ну, где тебя черти носят? — встретила меня у причала заждавшаяся Лика, — и что за бледный вид такой? Как будто с утра пораньше птичьего дерьма нажрался!

— Скорее не черти, а ангелы. Видишь ли, девочка, добрые ангелы пытались уберечь меня от чёрной воды и отговаривали от этой прогулки. А с птичьим дерьмом ты просто в точку попала. Вышел, понимаешь, на улицу задрал голову вверх, открыл рот, чтобы небом напиться, вот тут-то оно и капнуло. Хотел было сплунуть, а потом подумал, нельзя от дара небес отказываться. Обидеться могут. Ну и проглотил. Даже и не знаю — кто это был? Голубь ли, ворона ли, а может и воробей? Хорошо бы, если не голубь. Не нравятся они мне...

— Ну, хватит, Миф, ахиною нести. Давай уже поехали. Смотри — погода какая!

— Водопад, водопад, если женьщина просит... Поехали, Лика. Воды бояться — водку не пить!

Мы уютно расположились на верхней палубе. Взяли бутылку красного вина. Выпили по стаканчику и уткнулись взглядом в проплывающий берег...

— Я вот, Миф, всё над твоими словами вчерашними думала. О любви... Понимаешь, я ведь их тоже обоих люблю. Но люблю с точностью до наоборот. В Шарике я люблю саму себя. Мне нравится его восхищение, его понимание моих стихов... В его присутствии я чувствую себя красивой, талантливой, умной... А Хрома я люблю просто так, мне ничего от него, по большому счёту, не нужно, я готова ради него жертвовать своим собственным Я, мой внутренний эгоизм растворяется простым его присутствием... так что же мне делать, Миф?

— Я не психоаналитик, мисс, и не верю в действенность советов, касающихся личной жизни. Любишь обоих — люби! С Шариком расти собственное Я, с Хромом разрушай эгоизм. Бери от жизни всё, чего тут стесняться?

— Нечестно это как-то. Видишь, к чему вчера всё подошло. Они же ненавидят друг друга, а всему виной я.

— Женщине должно льстить, что из-за неё дерутся на дуэли...

— Да престань ты, Миф. Не хочу я, чтобы они...

— Ну, устройте шведскую семью. Два мужика да таких разных и одна женщина, да такая справная! Я думаю, может неплохо получится.

— Миф! Ну что ты за человек, а!

— Лэдиы, чэм-та нэдоволна? — выдвинулся к нам какой-то кацо из-за соседнего столика, где их было, наверное, человека четыре.

— Всё нормально, брат, мы сами разберёмся.

— Нэ тэбя спрашиваю, слушай!

— Да нет-нет, у нас всё хорошо, — залепетала Лика.

— Э, нэт! Вижу обидэл он тэбя. А ну извиныньсь.

— Да успокойся ты, парень, я же говорю, у нас всё в порядке.

— А я говорю: извиныньсь!

— Давай-давай, — придвинулся к ликиному защитнику ещё один джигит.

Запахло жареным. «Не ходи, Миша, — опасно это» — мелькнуло в голове.

— Пошли, Лика. Нечего нам тут делать. И, извини, в самом-то деле.

Видишь, как за тебя ребята переживают.

— Нэт уж, пастой, — грубо схватил меня первый кацо.

— Лика! Вниз! Быстро! — с этими словами я резко нырнул под руку кавказца. Метнулся в сторону. Заехал в челюсть второму, отпрыгнул. И, схватив в руку пластиковый стул, отмахнулся от вскочившей подмоги.

— А ну брос табурэтку, скатына! — прорычал первый, вытаскивая из-за пазухи какой-то дореволюционный маузер.

Слава богу, Лика, кажется, улизнула вниз. Я, делая вид, что ставлю стул на палубу, неожиданно бросил его в руку, державшую пистолет, и, ни секунды не раздумывая, сиганул с верхней палубы в реку (благо, навыки школы прыжков в воду ещё не утратил). Чёрная вода хлёстко ударила меня в лоб и приняла в своё чрево, спасая от гремевших вдогонку выстрелов. До предела, задерживая в лёгких воздух, я поплыл под водой в другую сторону, стараясь оказаться на той стороне теплохода. И тут мне неожиданно повезло. Я вынырнул прямо около красного бакена, который укрыл меня от слишком любопытных взоров.

Миф болтался в водах чёрной воды, качаясь на волнах от белого теплохода, а по палубе метались странные люди, видимо, не ожидавшие такой бурной развязки.

Небо перечеркнула черноклювая чайка.

6.5 БАКЕНЫ СУДЬБЫ

Когда теплоход скрылся в отдалении я энергично поплыл к бетонной набережной, благо, в районе Воробьёвых гор она невысокая. Задерживаться здесь не стоило. Джигиты могли ломануться к этому месту с первой же остановки. Правда, она была на той стороне, но мостов, слава богу, в Москве хватает! Я проскользнул в растянувшийся по горам лесопарк, выжал мокрые вещи и не долго думая двинулся в общежитие МГУ, надеясь застать там моего друга Артура. Необходима была пауза. Об Артуре мало кто знал из моих знакомых, и меня там вряд ли бы стали искать...

Кто же были эти кавказцы? Продолжение спектакля? А не слишком ли ты о себе высокого мнения, Погарский? Стоит ли на тебя тратить столько сил и средств? Впрочем, если это Сашка, то с него станется. Он эти средства не ради меня, а ради себя потратит. Чувствует, сволочь, себя эдаким демиургом. Великим режиссёром, играющим на людских судьбах. Однако, неувязочка вышла! Сорвалась куколка с ниточки. Убежал Пьеро от Карабаса-Барабаса... Убежать-то он убежал, но что делать дальше, не ясно. Затаиться и выждать? А может взять напрямую отправиться к Сашке и сказать, что подумавши и помытарившись на вольных хлебах, набрался блудный брат уму-разуму и готов послужить на благо общего дела. Отказаться-то ведь никогда не поздно, зато, по крайней мере, появится ясность, причём здесь Сашка или же ни при чём.

Купив по дороге две бутылки коньяка, я перемахнул через неохраняемые ворота, воображая себя гвардейцем, штурмующим Зимний дворец. И поднялся в башню университетского отшельника.

Артур обитал на двадцать третьем этаже, в башенке, прямо под университетскими часами. Летом в общежитии было тихо и безлюдно. Заросший всем, чем можно, Артур корпел над трудами Конрада Лоренца. Нисколько не удивившись моему приходу, он встретил меня цитатой из этого великого австрийца: «Победитель никогда не преследует побеждённого, и мы ни разу не видели, чтобы между ними возникла вторая схватка. Наоборот, в дальнейшем эти гусаки намеренно избегают друг друга... Если они случайно, не заметив друг друга вовремя, или благодаря нашему вмешательству, предпринятому ради эксперимента, оказываются рядом, то демонстрируют, пожалуй, самое достопримечательное поведение, какое мне приходилось видеть у животных; трудно решиться описать его, ибо это навлекает подозрение в беспредельном очеловечивании: гусаки смущаются!»

— Привет, Артурчик. Это он зря об очеловечивании. Люди-то как раз ни хрена не смущаются. И победитель не откажет себе в удовольствии лишний раз пнуть ногой побеждённого. Какое, к чёрту, смущение! Где ты видел смущение, Артур? Разве что у гусей и осталось смущение... Разве, что у гусей...

— А ты чо такой мокрый-то? Опять на спор в одежде купался?

— На спор, Артурчик, на спор, — сказал я, вынимая коньяк, — давай-ка выпьем с тобой для сугреву, ну, и вообще — за гусей, за встречу.

Мы выпили. Я с удивлением оглядывал комнату, в которой уже довольно давно не был. По всей комнате висели, лежали, валялись небольшие красные рыболовецкие буйки. В другое время я вряд ли бы обратил на них внимание, мало ли что тут у Артура валяется, но сегодня они мне напомнили спасший меня от посторонних взглядов бакен! И я невольно вздрогнул от непрекращающейся цепочки указательных знаков. Мне кто-то или что-то упорно пытается подсказать. Куда-то направить. А я всё никак не могу понять — куда?

— Послушай, Артур, а что это у тебя за буйки такие?

— Это, брат, не буйки. Это — бакены судьбы!

— Чего-чего?

— Бакены судьбы, говорю. Помогают выбрать нужное направление.

Мне один зырянский студент из Карелии привёз. Я ему курсовую помог сляпать, так он вот в благодарность. Зыряне по ним все важные решения принимают.

— А как это?

— Очень просто. Каждый бакен своё имя имеет. Ты должен встать посреди комнаты с завязанными глазами, я тебя раскручу, а потом ты начинаешь искать. Как первый бакен найдёшь, так и станет понятно — куда тебе дальше плыть.

— Лихо. А давай погадаем!

— Это не гадание, Миф! Это определение направления движения! Учти, если ты выберешь бакен, а потом не подчинишься судьбе и пойдёшь другим путём, то последствия могут быть самые что ни на есть плачевные.

Ты вступаешь в магическую связь с тотемом и обязан ему доверять.

— Хорошо, хорошо, Артурчик. Я буду ему доверять. Бакену доверять можно. Пожалуй, только бакену и можно...

Артур завязал мне глаза каким-то чёрным платком. Раскрутил и велел искать. Я помнил, что на окне лежал большой грушевидный бакен и мне почему-то очень хотелось взять именно его. Наткнувшись на стол, я примерно представил где может находиться окно и осторожно, растопырив руки, направился в нужную сторону. Однако по дороге я наткнулся на какой-то маленький невзрачный буюк, валявшийся на полу, и Артур объявил, что выбор сделан.

— Ну, и что это за бакен, Артур?

— Тебе выпал бакен Открытого ветра, примерно так он переводится с коми-зырянского.

— И... и что это значит?

— Ты должен идти вперёд с открытым сердцем. Слушаться первых побуждений души. Твоя сила в искренности. Любые интриги и хитрости могут привести тебя к очень печальным последствиям.

Да что они, сговорились что ли, в самом-то деле? Допустить, что Артур работает на Сашку, я не мог. Не такого он склада, Артур, чтобы на кого-то работать. Значит, что же это? Действительно знак?

— А что означает вон тот большой бакен на окне, Артур?

— Это бакен Тёмной воды.

— А если бы я выбрал его, то что бы тогда?

— Тогда тебе, наоборот, нужно было бы затаиться и во что бы то ни стало скрывать свои намерения. Будь аккуратнее, Миф, ты шёл как раз к тому бакену, но наткнулся на другой. Доверься ему. Это вековая мудрость озёрного народа. А вековая мудрость не может быть на пустом месте. Что-то за всем этим стоит.

— Хорошо, Артурчик. Я верю тебе. И озёрному народу верю. Вот только не знаю я, где он этот «перёд», куда я должен идти с открытым сердцем. Можно, я посплю у тебя, Артур? Устал я...

— Спи, конечно. Бери свой тотем и спи.

— Как, то есть, мой?

— Теперь он твой. Хорошо ещё, что тебе такой маленький достался, а то представь, каково бы было тебе таскаться с бакеном тёмной воды, а?

Веки слипались.

6.6 СОН

Я разделся, с наслаждением вытянулся, на потрясающе мягкой после балкона кровати, прижал к себе бакен Открытого ветра и почти мгновенно уснул.

Снилась мне набережная около Воробьёвых гор. Около неё стоит какой-то небольшой катерок, с которого опускаются в воду водолазы. Водолазы кого-то ищут, и по зрелому размышлению, я понимаю, что ищут меня. Около милицейского уазика стоит заплаканная Лика и механически отвечает на вопросы милиционера. Мне хочется броситься успокоить её, вытереть

набегающие слёзы. Но я понимаю, что этого делать нельзя, что пока лучше сохранить в тайне моё воскрешение. Тогда я придумываю гениальное по своей простоте решение. Моментажно превращаюсь в божью коровку, сажусь на тонкий ликин завиток и шепчу ей в самое ухо: «Не волнуйся, малыш, со мной всё в порядке, просто какое-то время мне лучше не показываться на свет божий». Лица нервно вздрагивает и вдруг успокаивается. А я понимаю, насколько это удобно — быть божьей коровкой. Никто тебя не видит, вернее, не обращает внимания. И я решаю воспользоваться удобным случаем и слетать на разведку к Сашке.

А Сашка в своём офисе в Никитском переулке отчитывал команду проштрафившихся кацо:

— Вам что было сказано, а? Попугать! Только попугать! И чтобы ни один волос не упал с головы моего драгоценного брата! А вы?

— Клянусь, слушай, мы его пальцем нэ тронул! А он мэня стулом бац-бац и в воду! Что будэшь дэлать? Такой нэуправляемый брат, слушай.

— Короче, если он, слава тебе господи, жив и просто обвёл вас вокруг пальца, то всего лишь уволю вас без выходного пособия и всё, но если с ним не дай-то бог, что-то случилось, то тогда уж пеняйте на себя. Так что молитесь своего кавказского бога, уважаемые, чтобы брат мой, Мишель, остался в живых.

После этих слов гордые дети гор степенно удалились. Собрался было сматывать удочки и я, но тут Сашка нажал какую-то кнопку, и на его вызов явился маленький пузатенький человечек в пенсне.

— Ну, и как же у нас всё так получается, дорогой профессор? — обратился к нему Сашка, — прокол, как говорится, за проколом.

— Очень, очень неожиданно. Ваш брат совершенно непрогнозируем. У него всегда была крайне замедленная реакция. Он был не способен к принятию быстрых решений, особенно в стрессовых ситуациях. По всем параметрам, нападение ваших помощников должно было парализовать его волю и добавить ещё один шаг к раскачиванию психики в нужном нам направлении. Однако этого не произошло. Но, тем не менее, я считаю, что это нападение всё равно принесло нам некоторую пользу.

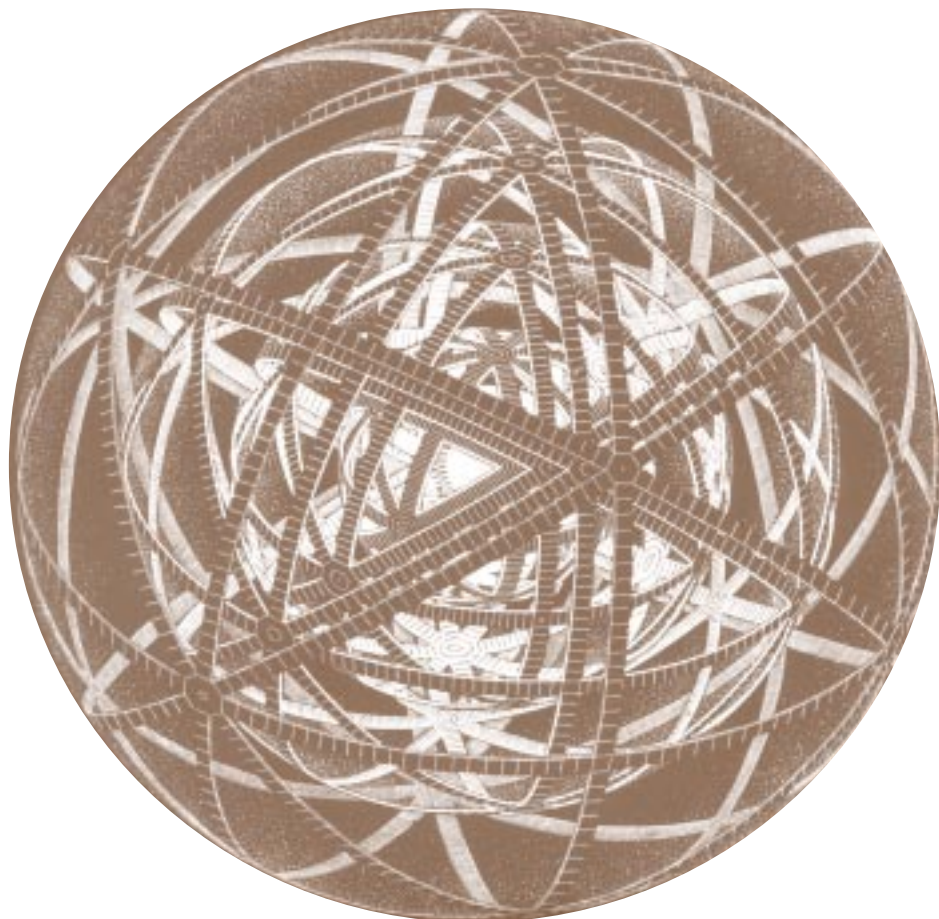
— Если только он отыщется, прости, господи, мне прегрешения мои.

А всё-таки хороший у меня брат, подумалось мне в тот миг, и я решил, что как проснусь, то обязательно наведаюсь к нему. Успокою. Или хотя бы позвоню. Ведь мне нужно идти вперёд с открытым сердцем.

На этой мысли я и проснулся.

Вечерело.

— Где глубь? Где ширь?
Ответь, неведомый прохожий...
«Пльвём...
Куда ж нам плыть?»

Глава седьмая. Нео-французский поцелуй

*Посему в моих глазах Идзуми-сикибу — это царица Мая.
Любовь между мужчиной и женщиной — высшее из благих
деяний. Около нашего ложа незримо присутствуют дхармы всех
пребывающих в вечности бодхисатв, всех достигших вечного
блаженства будд.*

(Акутагава Рюноскэ. Беседа с богом странствий)

7.1 УЛИЦЫ У ЛИЦА

Я брёл в сторону Петли по запутанным московским улочкам. Жизнь, которая до сих пор тянулась легко и свободно, вдруг словно с цепи сорвалась. Драки, гадалки, бакены судьбы, теперь вот сны ещё какие-то странные.

Как будто кто-то хочет достучаться до него, преподнести какой-то урок, выправить застоявшееся течение жизни. Может, и действительно, зря он от своего призвания ускользнул? Или наоборот, зря в него снова полез, ведь все проблемы начались после этой злополучной компании товара ИКС. Может, всё-таки нельзя вот так уж откровенно издеваться над доверчивым народом? Но он же и не издевался, он действительно уверен, что практически любому товару можно приписать те свойства, которые он рекламировал. Другое дело, что совсем не обязательно покупать именно этот товар, его с таким же успехом может заменить абсолютно любой другой. Но, впрочем, и не совсем так, поскольку реклама является частью товара, его, так сказать, наговорённой силой.

*У лица проплывали улицы
Словно замкнутые пути
Я стою на дорожке Мёбиуса
И никак мне с неё не сойти...*

Пробормоталось где-то на периферии сознания. Нога споткнулась о выбоину, я, падая, инстинктивно ухватился, за проходившую мимо тётку с авоськой. Тётка заверещала нечеловеческим голосом. Авоська грохнулась. Я грохнулся. Тётка грохнулась. Из авоськи покатила картошка. Из носа потекла кровь. Из тётки полилась обвинительная речь. Подбежала какая-то девчушка лет 13-ти. Помогла собрать картошку. Помогла встать тётке. Помогла встать мне. Дала носовой платок. Тётка, ворча что-то под нос, заковыляла дальше. Мы остались вдвоём.

*Бретелька сползала с её худенького плечика. Лёгкое косоглазие
придавало ей особую трогательность.*

7.2 МИШЕЛЬ

— Здорово ты Трындычиху грохнул! Ты это специально? — ковыряя носком ботинка асфальт, спросила моя спасительница.

— Не-е. Так вышло. Споткнулся. А почему Трындычиху?

— Да-а... Она трындычит всё время. Никому покоя не даёт. Вредная.

— Что же ты её, вредную такую, спасать бросилась?

— Это я тебя от неё спасать бросилась. Если бы не я, она бы тебе всю плешь проела. А ещё папа говорит, что нужно любить своих врагов и идти к ним с добром...

— Он у тебя христианин?

— Не-е, алкоголик. Но он хороший. Вот только пьёт много...

— Нда-а, все хорошие люди почему-то спиваются. Вот если мурло какое-нибудь, то оно почему-то не спивается, а хороший человек не может без этого дела. Как думаешь, почему?

— Не знаю. Мне кажется, все по разным причинам...

— Во-во. Кто от тоски, кто от стыда, а кто-то от переполнения жизнью.

Тебя как зовут-то, спасительница?

— Мишель. У меня мама француженка была, а папа у неё переводчиком работал, а потом папка спился, а маман в свой Париж подалась, а я с ней не поехала. Убежала в аэропорту и с папкой осталась. Ну, как он тут без меня? Пропадёт ведь. Вот. Если хочешь, можешь звать меня Мишкой, меня так все ребята зовут.

— Тёзки, значит.

— Ага, я знаю. Я тебя по телевизору три года назад видела. Ты тогда очень здорово сказал, что молодых писателей нужно хвалить, а ругать ни в коем случае нельзя. Вот Солженицына, например, можно и поругать, а молодых нельзя, можно так по неаккуратности всю жизнь им поломать, сами, мол, разберутся, если это не их путь, а критика, мол, только помешает. И ещё, что мол, в молодости люди чище и легче воспринимают прекрасное, а в зрелом возрасте больше за державу болеют и за прочие непонятные ценности.

— В самом деле?

— Ага. Я потом книжки твои разыскала. Их, знаешь, и нет нигде. Одну я купила в «Гилее», две в лавке Литинститута и одну в «Ад Маргинуме».

Прочитала всё от корки до корки. Меня они, знаешь, в самые тяжёлые дни спасали. А ёжик твой, так у нас он по всей школе гулял, и ещё Пехоркин. Его языком одно время все наши пацаны выражались. Здорово, что я тебя встретила. Расскажу нашим — не поверят. А ты куда сейчас?

— Да-а, так... По большому счёту никуда... Просто гуляю...

— Здорово, а можно мне с тобой погулять?

— Ну-у, гуляй, конечно. Только я, наверное, скучный буду сегодня.

У меня, понимаешь ли, Мишка, проблем много.

— Ой, а давай я тебе помогу. Я всем помогаю. Мне нравится. А ты что-нибудь пишешь сейчас?

— Не-а. Надоело. Я знаешь ли, Мишка, пишу, когда мне хочется, а когда не хочется, то я не пишу.

— Здорово! А ты всегда делаешь то, что тебе хочется?

— Стараюсь. Только это одна из основных проблем — понять, а чего же тебе, собственно, хочется в этой жизни?

— А чего тут понимать? Я, например, знаю, чего мне хочется...

— Да неужели? Ну, и чего же?

— Мобильник! Почти у всех у нас в классе есть, а у меня вот нету. Папка почти все деньги пропивает, которые нам маман присылает. Она, в общем-то, не жадная. Нормально присылает. И тряпки мне разные, только малы они все, маман, наверное, не думает, что я могу расти, она, как уехала два года назад, так всё на тринадцатилетнюю и шлёт, а мне ведь уже пятнадцать!

— Неужели пятнадцать?

— Ага. Я просто мелкая.

— А ну-ка, мелкая, давай сюда на минуточку заглянем, — сказал я, открывая двери салона связи.

— Могу Вам чем-то помочь, — зашебетала услужливая продавщица.

— Можете. Нам нужен вот этот красненький Панасоник с контрактом МТС. Или ты хочешь Би+?

— Кто? Я?! Эт-то мне? Да что Вы, то есть ты... Э-зачем? Я ведь просто так сказала...

— Ладно, толку от тебя никакого. Давайте, девушка, МТС. Паспорт у тебя есть?

— Паспорт? Паспорт есть. Ага. Я вот как раз получила. Паспорт есть, конечно.

— Давай.

Через десять минут мы продолжили наше путешествие уже втроём. Я, Мишель и красный Панасоник.

— Здорово! Спасибо. А как ты узнал, что мне красный нравится, и что именно Панасоник?

— Прочитал в твоём сердце. Ну, а теперь скажи. У тебя появился мобильник. Теперь тебе чего хочется?

— Не-е. Всё, больше не проведёшь. Я тебе скажу, а ты опять купишь. Чудной! А если бы я сказала, что Мерседес хоч, ты бы что, и Мерседес мне купил?

— Вряд ли. Хлопотно. Да и тебе он ни к чему. Прав у тебя нет, а и были бы, всё равно ни к чему. С машиной только одни заботы. Машина, Мишка, — это лже-желание.

— Чу-удной...

— Ладно. Есть хочешь?...

— Да так, не особо... можно кофе выпить, я тут неподалёку одну кофейню знаю, там кофе турок варит, настоящий! Самый лучший кофе в округе, мы там всегда с девчонками кофе пьём...

— К турку так к турку.

Мы устроились в маленьком уютном подвальчике. Заказали две чашки кофе, мороженое, пирожное и коньяк (для меня). Кофе и в самом деле был неплохим. И я себя вдруг, впервые за последние несколько дней почувствовал очень спокойно. Казалось, что в любой момент я могу опереться на это хрупкое девчоночье плечико, и оно никогда меня не подведёт. Надо, же книжки мои читала...

— А ты чем сейчас занимаешься? Ну, я в смысле не сейчас, а вообще.
 — Вообще? Вообще — живу.
 — Ну, это все живут. Ну, я вот ещё и учусь. А ты, работаешь?
 — Не-а. А что все живут — это ты зря. Некоторые, знаешь ли, пока всего лишь существуют, а некоторые ещё только борются за существование.
 — Да ну, какая разница? Мне кажется, это словоблудие. У всех день на день не приходится. И тебе, небось, бороться приходится...
 — Может, ты и права. Не жалеешь, что с отцом-то осталась?
 — Не-е, что ты... он, когда не очень пьяный, то такой интересный. Знаешь, сколько всего знает! Он где только не был, когда переводчиком работал! И в Италии был, и в Англии, и в Германии, и в Греции...
 — А ты где была?
 — Я-то? Да так. Нигде. Только в Москве. Ещё один раз с ребятами в Сергиев Посад на пасуху ездили. Вот здорово было...
 — Нда-а... Ну, ладно, Мишка, спасибо тебе за компанию. Пора мне...
 — А ты сейчас куда? А возьми меня?
 — Постой? Что значит «возьми»? А как же отец?
 — Да сегодня, понимаешь, Григорич из ЛТП вернулся, так что они теперь дня два, а то и три гудеть будут. Могут неделю. А я, знаешь, не люблю Григорича. Он когда напьётся, и когда папка уснёт, то приставать начинает. Я ему один раз сковородкой горячей двинула, вроде бы поутих на какое-то время, а потом опять...
 — Сковородкой?
 — Ага... Во такой ожог на щеке был! Да у него теперь там на всю жизнь метина осталась...
 — Нда-а ! Ну, ладно, пошли.

Метина-отметина. Метка. Знак. Значок.

7.3 ВИНО ПОЗНАНИЯ

— А куда мы идём?
 — Мы идём в Петлю Мёбиуса. Только это секрет. Я и сам в ней недавно. И новичков приводить особого права не имею. Так что смотри — никому не проболтайся. И чтобы без меня там — ни-ни!
 — А что это такое, Петля Мёриуса?
 — Не Мёриуса, а Мёбиуса. Был такой немецкий математик в XIX веке. Он был первым, кто открыл односторонние поверхности. Так вот, лист Мёбиуса — одна из таких поверхностей. А наш умный Шарик так назвал место, в которое мы идём.
 — А как это — односторонняя? А кто это Шарик? А почему у Мёбиуса лист, а у вас петля?
 — Шарика ты скоро увидишь. Односторонняя — значит у неё одна сторона, а второй нет. А почему петля я и сам толком не знаю.
 — Как же так — нет второй стороны...
 Я подобрал с асфальта листочек бумаги и собрал лист Мёбиуса.

— Вот видишь, какая штука. А теперь вообрази, что боковые края уходят в бесконечность. И представь, что твой жизненный путь проходит по этому листу. И ты изо всех сил стараешься добраться вот до этой точки. Топаешь, топаешь, топаешь и всё никак не дойдёшь, не дойдёшь, не дойдёшь! А когда дойдёшь, то будешь уже старая-старая, и станет тебе уже ни до чего, ни до чего. А можно, если знать, и если быть уверенным, и если сильно постараться. Можно проковырять в листе дырку, и тогда можно попасть в эту точку более коротким путём.

— Чудно-о! Действительно, смотришь, вроде две стороны, а когда присмотришься — сторона-то одна и та же!

— Вот и у жизни нашей, Мишка, всего лишь одна сторона!

Так, обсуждая геометрические аналоги жизни, мы добрались до Петли. Мишка была просто в восторге от путешествия по подземным туннелям. Мы вошли на первый этаж и остановились. Со второго, где, собственно, и было наше лежбище, доносились какие-то странные звуки: сопение, пыхтение, шлепки на пол, топтание, и отрывочные возгласы Шарика: «за рукой, за рукой следи!», «осторожнее», «что ты делаешь? Движение читай, движение»...

Мы потихоньку поднялись на второй этаж и застали там довольно странную картину. На старом ватном одеяле топтались, полуобнявшись, Хром и Шарик. В отдалении в позе лотоса сидел Сарк... Борцы какое-то время сопели. Подёргивали друг друга за руки, потом произошло что-то неувловимое, и верзила Хром грохнулся на пол...

Шарик, как я понял, обучал Хрома приёмам борьбы Ай-Кидо... Вот тебе и гусаки Лоренца! Вот тебе и смущение! У людей, старина Лоренц, всё оно как-то непредсказуемо.

Правда, заметив нас, Хром с Шариком всё-таки несколько сконфузились.

— Мы тут это-о... Пока вас ждали... Поборолись немного, — смущённо пробормотал Хром.

— А-а Л-лика, с-сказала, что т-ты утоп в-вроде бы, — удивлённо пробормотал Шарик, — я ей н-не поверил, к-конечно, г-говорю н-не тот М-миф ч-человек, чтобы т-тонуть.

— Угу. Правильно сделал. Знакомьтесь, это Мишель.

— Оч-чень приятно, Ш-шарик.

Хром проворчал что-то невнятное и стал возиться с кипятильником, пластиковыми стаканчиками и кофе.

— Здорово тут у вас! Прямо как у Тимура!

— К-кого-кого?

— Ну, Тимур и его команда, читал? Классная книжка! У них там штаб был, и такие верёвочки ко всем домам протянуты. Когда с кем-нибудь нужно связаться, то за верёвочку дёргают, а там банки какие-нибудь звенят, человек услышит и в штаб бежит. И они там всем помогали, только виду не показывали. Тайно помогали, понимаешь!

— Видишь, Шарик, читают дети Гайдара-то.

— Ага, Гайдар, написал. Он ещё Чук и Гек написал, тоже классная книжка...

Хром наконец-то приготовил кофе. Пришёл Бек вместе с этим противным литератором Зайцевым. И затеяли какой-то нудный разговор об информации. Вскоре пришла и Лика.

Увидев меня, она несколько опешила. Потом порывисто бросилась ко мне на шею, бормоча: «Живой, ну, слава богу, живой, я так и знала, что ты живой. Сначала не знала, сначала я издёргалась вся. Милцию вызвала... водолазов... А потом будто бы в ухо шепнул кто-то. Мол, не волнуйся, малыш, со мной всё в порядке... Я и успокоилась... Головой-то переживала ещё, а в душе уже как-то спокойно стало...»

— А что с тобой было-то, Миф?

— Да так, ерунда, в Москва-реке искупался...

А литератор Зайцев всё никак не мог успокоиться со своей информацией.

— Кто владеет информацией, тот владеет миром! Не я это придумал.

— Т-так-то он-но так. В-весь вопрос к-какой информацией. Т-ты знаешь, н-например, что т-такое 650 мегабайт?

— Ну, объём CD.

— 9-я с-симфония Б-бетховена. Им-мено она л-легла в качестве с-стандарта. С-семьдесят ч-четыре минуты з-вучания. Н-на п-первый лазерный диск, разработанный компанией С-сони, именно она и была з-записана, и весила она ровно 650 мегов. Отсюда и с-стандарт.

— Ну, Бетховен не Бетховен, какая разница. Всё это бесполезная информация. Она не даёт возможности опережать других. И потом, сейчас все диски уже по 750 мегов делают. И глубоко плюют на разные там символические стандарты...

— А я так думаю, что интересна как раз бесполезная информация, Зайцев. А опережать других — скучно, — вмешался в разговор я.

— Оно кому-то скучно, а кому-то и наоборот. Я так думаю, что бесполезная информация имеет субъективную ценность, а полезная — объективную.

— Видите ли, Зайцев, польза — понятие тоже весьма относительное. И то, что полезно волку, то зайцу, извини меня, смерть.

— Можно ввести условный показатель полезности, и тогда будет уместно говорить об объективности.

— И какой же это может быть показатель?

— Какой? Да деньги, конечно. Если на информации можно заработать деньги, то она полезна, а если нет, то нет. Вот, например, знай я, что скрывается, за широко рекламируемым сейчас товаром ИКС, то мог бы неплохо заработать...

Мы с Бексом переглянулись. Ого, подумал я, а казачок-то, похоже, засланный...

— М-многия з-знания — м-многия п-печали, — снова встрял Шарик, — в-вот что пишет В-вайн по этому п-поводу: «Мы ж-живём в мире, п-перенасыщенном информацией. Избыточная информация иссушает душу. П-предсказания убивают н-неожиданность. Я н-нехочу з-знать, к-какая завтра будет погода и в-во сколько часов в-взойдёт солнце...»

— Конечно, дополнительные знания умножают печаль, — продолжил спор Зайцев, — но не в этом ли и состоит миссия человека! Ведь Вселенная стремится к хаосу, к беспорядку, к убиению информации и росту энтропии. Второй закон термодинамики предрекает нам тепловую смерть! И только человек вносит в это безбрежие хаоса маленькие островки порядка и гармонии. Человек бросил вызов Вселенной и должен победить в этой схватке!

Во даёт парень! Похоже, он не так прост, как кажется, даже Ноберта Винера, похоже, почитывал.

— Знаете, Зайцев, в Ваших высказываниях есть определённое противоречие. То Вы хотите обладать информацией, чтобы заработать деньги, то хотите спасти Вселенную. Не кажется ли Вам, что знание таких базовых теорий, описывающих рождение, жизнь и умирание звёзд, расширение Вселенной, испарение чёрных дыр и пр., с точки зрения заработка денег, весьма бесполезная информация! И гораздо больший доход может принести Вам знание: с кем вчера спала тетя Клава, жена банкира Пупкина.

— Да, Миф, ты прав, конечно, но только и здесь может быть определённая связь. Деньги, заработанные на знании о грешках тётки Клавы, умный человек может пустить на астрофизические исследования, которые в конечном итоге послужат спасению Вселенной.

— А нужна ли она — такая Вселенная, в которой ради её спасения должна страдать женщина!?

— Браво, Миф, браво! — захлопала в ладоши Лика, — Ты всегда был настоящим рыцарем! И хватит вам спорить о вселенных и звёздах, пойдёмте лучше на них смотреть. Август — пора звездопада. Можно кучу желаний загадывать.

Мы выбрались на крышу Петли и молча закурили, глядя в бездонное небо. Боже мой, как мелки наши земные проблемки по сравнению с величием космоса! (такие вот высокие мысли толкались тогда в моей голове.)

Небо перечеркнула падающая звезда, потом другая, третья... А я так и не загадал ни одного желания. Быть может это и глупо, но получалось как-то так, что то, чего я по-настоящему хотел, не нуждалось в посторонней помощи. Я сам должен был пройти этот путь, сам набить на нём синяков и шишек, сам отделить зёрна от плевел, сам выгнать искристое вино познания...

Душа сгущалась.

7.4 ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Мишель изъявила желание спать со мной на балконе, чем в определённой степени меня сильно смутила. То ли она совсем не видела во мне мужчину, то ли наоборот, видела и с самой детской непосредственностью пыталась завоевать. И то и другое не вызывало у меня восторга. Однако и отказать ей — значило её обидеть. То есть, отказывая ей, я уже видел в ней женщину и тем самым оскорблял, или... В общем, пока я вконец запутывался в своих размышлениях, этот милый лягушонок уже угомоздился в обширном Бековском спальнике, изначально, похоже, рассчитанном на двух человек.

Делать было нечего, и я занырнул в это то ли гнёздышко, то ли ловушку.

После Бинки у меня не было женщин. Как-то так получалось, что уже почти два месяца я находился в аскезе, и что самое любопытное эти, проблемы меня и не волновали особенно. Однако сейчас, почувствовав под боком тёплый доверчивый комочек, я ощутил лёгкие приступы возбуждения. Комочек повертелся, устраиваясь поудобнее, и, положив на меня свою худенькую коленку и ещё более худенькую ручку, уткнулся мне носом в шею.

— Послушай, Мишка, а ты не боишься, что я к тебе буду приставать, как Григорич? А у тебя тут и сковородки-то нет под руками :)

Мишка прыснула мне в плечо.

— Не-е. Не боюсь. Ты хороший...

Вот и пойми её. Не боюсь — не будешь, или не боюсь — приставай.

Однако, всё! Всё, Погарский, выбрось это из головы. Она ещё совсем ребёнок. Хорошая, милая, нежная, но ребёнок. А ты всё-таки Погарский, а не Гумберт...

Но её маленькая ладошка так нежно гладила меня по груди...

— Мишка?

— У?

— Ты что это, заигрываешь со мной?

— У-гу...

— Эй, девчурик, а ну-ка прекрати! Тебе ещё рано... а потом нашла с кем! Да я тебе в отцы гожусь.

— Ну и что? Мужчина должен быть старше. Я тебе что — не нравлюсь?

У меня вчера месячные закончились, так что сейчас безопасный период.

Во даёт девчушка! Что ж это за молодёжь у нас пошла!

— Слушай, не в этом дело. Ты замечательная, чудесная, красивая, но...

— Не ври! Какая я красивая? Я косоглазая и тощая, как селёдка. У меня ещё ни одного парня не было... Даже и не целовалась ни разу.

— Вот дурачок! Асимметрия придаёт твоему лицу особый шарм, только, к сожалению, не все это понимают. А потом, что такое внешняя красота по сравнению с красотой внутренней? Ноль без палочки. У тебя, Мишка, чудесная, неиспорченная душа, и это самое главное. Если хочешь, я буду твоим другом, парнем или кем там? Только давай пока обойдёмся без секса, идёт?

— Правда? Я что, тебе в самом деле нравлюсь?

— И даже очень. Если бы ты мне не очень нравилась, то я от секса бы с тобой, может быть, и не отказался бы.

— И ты хочешь быть моим парнем, но не хочешь спать со мной?

— Угу...

— Чу-удной... Поцелуй меня, Миф...

Я осторожно чмокнул её в лоб, но она, вытянувшись в струнку и прижимаясь ко мне всем телом, стала неумело и жадно целовать меня в губы... Я нежно гладил её по голове, весь внутренне разрываясь. С одной стороны, мне её до удивления сильно хотелось, а с другой стороны, я каким-то шестым чувством понимал, что этого делать ни в коем случае нельзя, что минутная слабость и блаженство выльются потом в тяжёлый осадок, и вытрясти его из души будет ой как непросто...

Небо перечеркнула ещё одна упавшая звезда.

Глава восьмая. Исследования

Я завираюсь. Я ловлю себя на том... Я всё время ловлю себя за руку, однако продолжаю писать, как непойманный. Я ворую у самого себя невозможность каждой следующей страницы, с тем чтобы написать её.

(Андрей Битов. Уроки Армении)

8.1 ЧЕЛОВЕК У ЗЕРКАЛА

Мне снилась какая-то несурaziца: погони, стрельба и в конце концов пытки. Какие-то китайцы пытались мне выжечь глаза лазером, допытываясь о тайне товара ИКС...

Проснувшись, я обнаружил, что пытка продолжается. Тонкий луч света пробивался между перилами и стенкой балкона, ударяя меня прямо в глаз. Осторожно распутав объятия моей юной подружки, я выбрался в солнечную свежесть августовского утра. Вдохнул в лёгкие утреннюю тишину и прохладу и ощутил давно забытое ощущение счастья. Всё-таки как много в нашей жизни значат женщины. Оказывается, счастье — это так не сложно: просто просыпаться и чувствовать рядом с собой близкого, доверившегося тебе человека. Чувствовать какие-то обязанности по отношению к нему, заботиться о нём, да хотя бы просто любоваться милой сонной мордашкой...

Эй, Погарский, охолопись! Не хватало тебе ещё влюбиться в этого славного лягушонка! Скажи своим чувствам: «Тпру-у-у!!!» и иди готовить кофе.

Я, осторожно ступая, пробрался в комнату, и застал там Бека, внимательно разглядывавшего себя в зеркале... Увидев меня, Бек несколько смутился и пробормотал:

— Вот тут, прочитал утром у Бахтина заметку, — называется «Человек у зеркала», — он взял со столика заложенную книжку и процитировал: «Фальшь и ложь неизбежно проглядывают во взаимоотношении с самим собою. Внешний образ мысли, чувства, внешний образ души. Не я смотрю изнутри своими глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим». Понимаешь, Миф, я в последнее время постоянно ловлю себя на том, что я играю не только для других, но и для себя тоже... Вот я один, никто меня не видит, но я рисуюсь перед воображаемой публикой или перед самим собой. Это... ну, как в детстве, когда надеваешь на голову отцовскую шляпу, берёшь в руку деревянный пистолет и любишь себя в зеркало, изображая лихого ковбоя. Знаешь, я думаю, что где-то там, в глубине меня, сидит ещё кто-то. Какое-то моё НЕ Я. Иногда оно прорывается наружу и заменяет меня собой. Моё Я смотрит на моё не Я иногда с восторгом, иногда со стыдом, а иногда и с удивлением. Ну, я не знаю... это трудно объяснить... Ну, вот когда перед сном вдруг дёрнется нога или рука, так и тут, какое-то нервное подёргивание сознания. Вот я иду по улице, и вдруг перед глазами промелькнёт картинка: я выхватываю дипломат у некоего лысого противного толстяка и со всей силы бью ему по голове, или беру арбуз у какого-нибудь знойного грузина и дарю его маленькой девочке, играющей в классики...

Я, знаешь, Миф, не так-то много хорошего в своей жизни сделал... Не дано мне... Ты вот как-то можешь...

*Кто там внутри тебя?
Какого он дня и цвета?*

У тебя какой-то дар поступка... А мне не дано... В мыслях я часто что-то такое совершаю, а на деле всегда чего-то не хватает, как будто недокрутили во мне какую-то маленькую пружинку...

— Знаешь, Бек, быть слишком хорошим тоже плохо... Все мои проблемы с женщинами были оттого, что им не в чем было меня упрекнуть, я был каким-то идеальным мужчиной, что ли... А это плохо. Женщине нужны поводы, чтобы она могла прощать, могла показать величие своей души ну, и всё-такое... Впрочем, были, правда, две женщины, которые безоглядно любили меня и которым, пожалуй, было в чём меня упрекнуть... Но это потом как-нибудь, я не об этом хотел, да и ты говорил не об этом... То другое Я, про которое ты сейчас рассказывал, наверное, есть у каждого: у кого-то более явно, у кого-то совсем незаметно, но оно есть. С ним можно дружить, а можно и конфликтовать. Можно звать его на помощь в критических ситуациях, а можно безжалостно выбрасывать из себя при тех же самых обстоятельствах. Трудно понять, что это такое. Отражение ли себя во внешнем, память ли предыдущих поколений, божественная ли составляющая или же демоническая проекция... Но, по большому счёту, это не важно... Нужно просто принять это как данность и просто-напросто жить под двойным контролем...

— Вот ты говоришь принять... Я не помню у кого, у кого-то из великих был рассказ про страну, в которой не было зеркал, и вот когда какой-то купец привозит зеркало, то оно повергает жителей в шок. Это зеркало вдруг разрушает устоявшиеся внутренние миры. Переворачивает врождённые представления с ног на голову. Приносит психологические травмы и всякое такое... Так вот, я, несмотря на то, что всё время жил рядом с этим волшебным стеклом, почему-то не смог к нему привыкнуть. Оттуда на меня из моих глаз глядят чужие глаза.

— Знаешь, Бек, когда другой Я совершает непонятные поступки, то это ещё ничего, а вот когда ты сам совершаешь нечто невразумительное, то это уже диагноз... Вот скажи мне, зачем мы ввязались в эту историю с товаром ИКС? Ну ты, понятно, хотел денег заработать, а я-то, я-то зачем? В общем-то понимаю, конечно — купился на изящность задачи, не подумав о последствиях и кашах, которые придётся расхлёбывать...

— Постой, Миф, я что-то не догоняю. Какие последствия? Какие каши?

— Бек, все последние события, начиная с этого проныры Зайцева и кончая дракой с кавказцами, — звенья одной цепи. Цепи, которая тянет свои стальные щупальца к пресловутому товару ИКС...

— Подожди, подожди, ты думаешь, Зайцев...

— Именно, Бек, именно! Не поленись, потрать на него немножко своего драгоценного времени и постарайся выяснить, что он за птица... Дай-то бог, если я ошибаюсь... Честно говоря, я несколько устал от подозрений, Бек. Если так дальше пойдёт, то скоро я буду подозревать и тебя, и маленького милого лягушонка, досматривающего на твоём балконе свои детские сны.

— А что у тебя с ней, кстати?

— Похоже, она выбрала меня в своего парня. И мне, похоже, это даже нравится...

8.2 ГАДАНИЕ НА КОФЕЙНОЙ ГУЩЕ

У Бека есть замечательная ручная кофемолка, доставшаяся ему от своей бабушки. Процесс приготовления кофе при её помощи вырастает в целый ритуал.

Кажется, человек третьего тысячелетия уже порядком устал от механических помощников и всё больше начинает любить самовары с трубой, ручные кофемолки, патефоны, заводящиеся при помощи ручки, и прочую неэлектрическую утварь. Когда процессы приготовления еды упростились до предела, когда стало возможным пихнуть какой-нибудь полуфабрикат в микроволновку и за две минуты приготовить себе обед, то человек вдруг затосковал о неспешности... Бешеный темп жизни набил у него оскомину на душе, и когда некоторые особи умудрились соскочить на полном ходу с этого гремящего поезда жизни, то они ощутили странную потребность в делании самых простых вещей. Я вспоминаю, как в детстве мы всей семьёй чистили яблоки из нашего сада, потом резали их на кусочки, кусочки проворачивали в мясорубке, потом получившуюся кашицу запихивали в холщовый мешочек и отжимали из него яблочный сок... а сколько радости доставляла мне заготовка дров для печки, хождение на родник за водой, уборание снега во дворе и другие самые простые дела...

Собственно, вот и ручная кофемолка, вынырнувшая из глубин какой-то иной реальности... Наверное, это всего лишь психологические иллюзии, но мне почему-то кажется, что электричество, приводящее в движение современные кофемолки, разрушает тонкую энергетику кофе, и, наоборот, движение механической меленки насыщает кофейные зёрна дополнительной силой человеческого тепла...

На запах свежесваренного кофе притащилась с балкона заспанная Мишель. Она была удивительно красива в своих миниатюрных (не иначе французских) трусиках и в синей с вечно сползающей бретелькой маечке

— Ух-ты, здорово! Ко-офе, — протянула она, — давно встал? А где Бек?

— Встал недавно. Бек делегирован в магазин за белым сладким порошком, без которого кофе теряет одну из своих основных составляющих. Кофе, как говаривал старина Талейран, должен быть чёрный, как аргентинская ночь, крепкий как рукопожатие друга, горячий, как объятия испанской танцовщицы, и сладкий, как поцелуй возлюбленной.

— Кто это такой Талеран? Кондитер?

— Ну-у, вроде того. Господин Талейран-Перигор Шарль Морис был французским дипломатом, состоял министром иностранных дел при императоре Наполеоне I, слыл мастером тончайшей политической интриги и непревзойдённым знатоком кофе. Говорят, он умел отличать по запаху арабику от мокко, а если кофе был сварен недостаточно хорошо, то чашка могла запросто быть опрокинута на голову незадачливого кофевара. Рассказывают, что он осмелился в Лондоне попенять за скверный кофе самому королевскому повару. А ещё ему принадлежит честь создания кофейного ликёра и конфеток «раковая шейка».

— Во даёт, сочинЯтель! — вмешался в мою утреннюю болтовню вернувшийся Бек.

— Именно так и было, как это не покажется невероятным. Скучая за неимением дел в лондонском посольстве, Шарль Морис Талейран вместе со своим кондитером-арабом сварили из сахара, кофе и молока замечательные конфеты, которые получились слегка полосатыми. Как раз за эту полосатость Талейран и назвал их *crayfish tail*. Рецепт изготовления передавался в семье Талейранов из поколения в поколение, пока не был украден советским разведчиком Рихардом Зорге вместе со своим названием.

— Погоди, Миф, но Зорге же шпионил в Японии!

— Именно в Японии. Зорге близко там сошёлся с французским консулом Буало Талейраном, прямым потомком знаменитого Шарля Мориса. И вот однажды тёмной японской ночью он напоил своего друга Буало горячей рисовой водкой, как говорили римляне, до положения риз. И ничего не соображающий в ту ночь Буало выдал русскому шпиону знаменитый фамильный секрет приготовления конфеток *crayfish tail*.. В ту же ночь Зорге послал шифрованную радиogramму в центр. И к утру новые конфеты были уже на столе у генералиссимуса Сталина, который тут же наградил Рихарда Зорге орденом Ленина и, будучи в хорошем настроении, объявил войну Германии, дабы научить уму-разуму булочника Адольфа Шикльгрубера.

— А кто это Шпик-губер? — спросила Мишель, со вкусом отхлёбывая горячий кофе.

— Адольф Шикльгрубер, взявший впоследствии псевдоним Хайль Гитлер был фюрером (то есть вождём) национал-социалистической партии Германии. Известен тем, что полностью решил проблему безбилетного проезда на городском транспорте, издав указ о расстреле безбилетников на месте без суда и следствия. Кроме того, он больше всего на свете любил, чтобы на него мочились женщины. Говорят, что в Рейхстаге был сформирован специальный батальон из молодых женщин, которых с утра до вечера поили бааварским пивом. И что по вызову великого фюрера они в любое время дня и ночи были обязаны обоссать его (простите за вульгаризм) с головы до ног.

— Подожди, Миф, ты хочешь сказать, что это Сталин объявил войну Гитлеру, а не наоборот? А как же вероломное нападение фашистских захватчиков, Брестская крепость? Четыре часа утра? И всё такое...

— Это, Бек, написанная история, а на самом-то деле всё было немножко не так. 21 июня генералиссимус Сталин, напившись чаю с секретными конфетками «раковая шейка» и придя в превосходное расположение духа, набрал прямой мобильник фюрера, подставил телефонную трубку к своему заднему проходу и оглушительно пукнул. Конечно же, Гитлер сразу сообразил, кто мог отважиться на такое беспардонное издевательство. И в тот же день придумал секретный план под названием «Фридрих Барбаросса», а через день началась настоящая война, в которой ни за что ни про что погибли миллионы людей.

— А кто это Фридрих Карабас? — поинтересовалась внимательно слушающая Мишель.

— Фридрих I Барбаросса (что в буквальном переводе означает «краснобородый») — немецкий король, живший в XII веке. В каком-то там 1155 году от рождения Христова Краснобородый стал императором Священной Римской империи.

Известен пристрастием к красному вину и итальянским девушкам. Особенно ему нравилось насилловать молодых аристократок в завоеванных городах, что не вызывало восторга у высших сословий Флоренции, Турина и Ломбардии. Тогда аристократы Италии объединились в Ломбардскую лигу и напустились на Барбароссу по самое что ни на есть первое число! Как говаривал Лодойдамба Чадраавалын: «Не ссы в степи против ветра!»

— А кто это Л-лодко-мамба? — снова полюбопытствовала Мишель.

— Великий монгольский писатель Лодойдамба Чадраавалын, автор знаменитого «Прозрачного Тамира», описал быт и нравы современной Внутренней Монголии. В последние годы посвятил себя проблемам локальной реинкарнации. И на этом поприще добился потрясающих успехов. Специалисты уверяют, что он в 1970 году имитировал свою смерть, а потом временно реинкарнировался в режиссёра Никиту Михалкова, чтобы снять фильм «Урга», а после этого обратно вернулся в свою Внутреннюю Монголию.

— Послушай, Мишка, если этого мир-дверь-мяча вовремя не остановить, то вскоре у тебя сложится совсем новое представление о мировой истории, и в школе тебе за это представление будут ставить плохие отметки, — прервал полёт моего красноречия грубомыслящий Бек.

— Как это мир-дверь-мяча? — удивилась Мишель.

— Это он, Мишка, по-английски на меня зубоскалит. Ты его не слушай.

А на отметки, Мишель, наплюй. Больше половины великих людей были круглыми двоечниками! А мир, Мишель, — это вовсе не то, что есть на самом деле, а то, как мы это себе представляем. Для древних эллинов Зевс и Аполлон были не менее реальны, чем для нас Хан Батый и Александр Невский. История, Мишель, это всего лишь сборник мифов! И вполне естественно, что чем миф красивее и интереснее, тем лучше для истории. Как говорил поэт: «Нет правды на Земле, а впрочем, нет и выше!» Истина, Мишель, объективна, а потому всегда относительна, а красота субъективна и потому абсолютна. Вот почему изящная фантазия всегда предпочтительнее попытки правдивого изложения событий.

— Не-е, про мифы-то мне давно понятно. Я про мир-дверь-мяч не поняла.

— Ты в школе какой язык учишь?

— Английский.

— Ну, вот и переведи.

— Что?

— Ну, мир, дверь, мяч. Что получилось?

— Peace-door-boll. Ух, ты! Здорово! — развеселилась Мишель и с симпатией посмотрела на Бека.

— Вот оно! Вот оно, непостоянное женское сердце! Я тут полчаса доносил до её сознания тайные пружины мировой истории, выстраивал тонкие философские умозаключения! Сыпал искромётными аллюзиями и изысканнейшими метафорами! А этот мирный герцог завоевал признание моей дамы каким-то зачуханным мир-дверь-мячем! О, Господи, почему ты сотворил такой несовершенный мир!

— Ну, что ты, что ты, Миф, — не на шутку разволновалась Мишель, — ничего он и не завоевал. Это просто, ну, просто смешно получилось. Вот и всё. А почему он мирный герцог, Миф?

— Герцог по-английски будет «дюк», понятно.

— Ага! — ещё больше развеселилась Мишель, — А ещё какие-нибудь ругательства ты знаешь?

— Да сколько хочешь: «настроение утки», «горох-дверь-ржавая», «голубая вода», «управлять сейчас», et cetera.

— Ух, ты! Ну, голубая вода понятно, а остальное?

— Вот возьмёшь дома словарь и переведёшь, не всё же тебе на тарелочке с голубой каёмочкой подносить!

— Классно! Какой, оказывается, у них язык-то смешной!

— Да уж чего хорошего ждать от нации, которая море называет «Си-и», а поцелуй «Кис».

— Ага, а ещё когда наши девчонки говорят: «Он меня вчера так покискал!» — прямо с души воротит!

— Ну, это в тебе, Мишель, бродит вкус. Вкус, особенно в детстве, так легко и просто разрушается... Что, безусловно, печально...

— Ну, хватит, Миф, нести нам мифы, — неуклюже скаламбурил Бек, — давайте лучше на кофейной гуще погадаем.

Мы послушно перевернули чашки с гущей и стали рассматривать получившиеся узоры.

Мишель уверяла, что ей вскоре предстоит встретиться с леопардом, я увидел в своих узорах рваный ботинок, а Бек нашёл на дне своей чашки иностранную монетку.

8.3 УТРЕННИЕ ГАЗЕТЫ

Бек пустился по своим, то есть нашим рекламным делам. Мишка отправилась принимать ванну, а я расположился в кресле с утренней газетой, которую Бек притащил из внешнего мира вместе с сахаром.

Вообще-то я редко читаю газеты. Как говаривал Илья Ильич Обломов, «чего их читать — там шрифт мелкий», — не только шрифт, добавил бы я, но и слова — мелки, не говоря про мысли...

Но иногда почему-то очень хочется, эдак по-киношному расположиться с газетой и за утренним кофе и сигаретой, почитать последние изыски репортёров и журналистов. Моя работа в рекламном мире, безусловно, наложила свой отпечаток на восприятие прессы. И если я только что распространялся перед Мишкой о мифичности истории, то все эти мысли приложимы и к изложению современности, с той только разницей, что история определённым образом просеивает мифы через своё сито, оставляя на плаву наиболее правдоподобные и изящные. А современная пресса — это груда мифологического мусора, пытающегося пробиться к сердцам читателей (то бишь потребителей).

Конечно, следует различать два вида мифов, которые появляются в средствах массовой информации (потрясающее словосочетание! А может ли информация быть массовой-то?) Ну, не суть, речь о мифах. Так вот, один вид мифов создаётся по внешнему заказу и почти всегда имеет точно поставленную цель (как правило, рекламную или политическую), другой вид сочиняется по внутреннему почину и направлен чаще всего на продвижение самого сочинителя. Бывает, конечно, и третий вид — это миф, так сказать, в чистом виде, когда мифология создаётся ради самой мифологии, просто из любви к искусству, из болезненной страсти к мистификации и игре, но таких мифологов, увы, остаётся всё меньше и меньше... Помнится, мой коллега по «Вечерней Москве» Сашка Головотёпов говаривал, что один и тот же факт может быть изложен с самых разных позиций — возьмём, например, самый простой случай: муравьи сожрали гусеницу. Так вот, эту историю можно написать с точки зрения муравьёв-охотников, и тогда она превратится в захватывающий приключенческий роман с погонями и перестрелками, или с точки зрения гусеницы, и тогда это будет слезливая дамская повесть о не состоявшейся бабочке, или же с точки зрения капустного листа, в этом случае мы получим сентиментальный рассказ о храбрых спасителях, вырвавших его нежную плоть из зубов наглой хищницы, наконец, можно написать это с точки зрения человека, и тогда это будет страница учебника биологии... А ещё можно изложить её с точки зрения болтливого журналиста, и она тут же превратится в изящную философскую притчу.

Так, размышляя о бренности истины, я скользил глазами по газетным заголовкам, развлекаясь старой детской игрой, суть которой заключается в следующем: представьте себе простую картинку — на Красной площади, на глазах у всех, мужчина и женщина занимаются сексом — и подставляйте к ней любой газетный заголовок. Получается весело и на удивление складно: «Английская королева встретилась с Российским президентом», «Депутаты в заботе о детях», «Только не болейте, бойцы!», «Учись, студент!», «Хорошо быть кисою, хорошо собакою!», «И снова не замечен с мавзолея!», «Постмодернизм выходит на улицы города!», «С добрым утром — любимая!», «Смотри, не промахнись», «В ожидании товара X»... Опаньки! Любопытно, любопытно!

В ОЖИДАНИИ ТОВАРА ИКС

В последние дни не утихают споры вокруг пресловутого товара ИКС. Наш специальный корреспондент Андрей Заикин предпринял по этому поводу своё журналистское расследование.

Выяснить, что и кто стоит за таинственным товаром ИКС, оказалось непросто. Склад, с которого рекламодатель собирается продавать в означенный день этот товар, принадлежит компании Клоуз Ворд. Однако недавно он был передан в субаренду небольшой неизвестной фирме Бизнес-Чайн, и подробности сделки работники Клоуз Ворд комментировать отказались. После долгих и кропотливых поисков нам удалось выяснить адрес и телефон Бизнес-Чайна. Телефон, как и следовало ожидать, стоял на автоответчике, а дом по 5-му Старорублёвскому переулку, в котором якобы расположена эта фирма, был намертво заколочен и, как нам сообщили в префектуре округа, подлежал капитальному ремонту. Круг замкнулся. Поиски уткнулись в тупик. Тогда мы решили подойти к этой загадке с другой стороны и проследить пути попадания рекламы товара ИКС в средства массовой информации, однако и здесь всё было крайне запутано. Рекламные отделы ссылались на какие-то бартерные отношения, бартерные цепочки тянулись и закручивались в непонятные замкнутые петли. Газета А публиковала информацию о товаре ИКС по бартеру с журналом Б, журнал Б по бартеру с радиостанцией В, радиостанция по бартеру с телеканалом М, телеканал М по бартеру с медиаагентством К, медиаагентство по бартеру с газетой Р, газета Р по бартеру с газетой А. Круг замкнулся. Расследование снова зашло в тупик. И тут мне улыбнулась настоящая удача! Я сидел в нашем рекламном отделе, обсуждая с менеджерами возможности организации подобных цепочек. И вдруг в отдел зашёл хорошо одетый молодой человек и, ссылаясь на договор с издательством Д, попросил разместить рекламный модуль, прославляющий достоинства товара Х. Я чуть не вскрикнул от радости и чуть не схватил за грудки элегантного молодого человека, мол, сознавайся кто ты есть такой и на кого служишь! Но, слава богу, мне удалось скрыть своё волнение и утихомирить бурю, разразившуюся внутри. Превратившись в сыскаго агента, я проследил путь молодого человека. Не буду утомлять читателя нашим хождением по различным редакциям, а перейду сразу же к финальной развязке! Выяснилось, что молодой человек живёт вместе с известным имиджмейкером и копирайтером Михаилом Погарским! Оно и понятно, кто же может стоять за столь блестящей рекламной компанией! Оказывается, господин Погарский, якобы удалившийся от рекламных дел и посвятивший себя чистому творчеству, творит и здравствует в родном рекламном мире. Однако, оставалось непонятным, а закзчик-то кто? На кого, собственно говоря, горбатится великий копирайтер? Я установил наблюдение за окружением Погарского, и выяснились очень и очень любопытные подробности! Оказывается, рекламный отдел Погарского, маскируясь под хиппи, базируется по тому самому адресу в 5-ом Старорублёвском переулке! И, наконец, последнее звено: один человек из его окружения тайно встречался с представителями компании Клоуз Ворд! Кстати, генеральный директор Клоуз Ворда не кто иной, как двоюродный брат Погарского — Александр Маниулов! Круг замкнулся. Расследование блестяще завершено. Тем не менее, по-прежнему остаётся неясным: что же это за загадочный товар ИКС, который братья собираются навязать доверчивому покупателю?

8.4 СОЗДАНИЕ ОБРАЗА

Мишка с тоненькими мокрыми прядками волос, смешно падающими на лоб, вылезла из ванной. Трогательный чистый подросток, играющий во взрослую даму. Что же за леопард встретится на твоём пути, замечательный мой человечик? Не волнуйся, малыш, я швырну в него рваным ботинком, и он убежит, опозоренный, в свои непролазные джунгли.

— Собирайся, Мишель, мы идём с тобой на деловое свидание. Будешь моим секретарём и переводчиком с французского, идёт?

— Ещё как! Ещё как идёт! Не просто идёт, а даже бежит!

Мы зашли с ней в первый попавшийся бутик и приодели юную леди в соответствии с понятиями делового стиля. Элегантный английский костюмчик, невесомые закрытые туфельки, тончайшая хлопковая блузка, сумочка из кожи бразильского аллигатора. Угловатый сорванец медленно, но верно превращался в изысканную деловую даму. Создание образа завершила причёска, сделанная в Welle, после которой Мишель из своих пятнадцати минус два превратилась в пятнадцать плюс два.

Собственно, я вполне мог бы обойтись в своём походе к Сашке и без Мишель, но, с одной стороны, мне хотелось доставить ей удовольствие, а с другой — я собирался определённым образом раскатать Сашкину психику и вынудить его к откровенности.

Перед визитом мы забежали в китайский ресторанчик, чтобы выпить по чашечке чаю и обсудить стратегию поведения. Услужливый казах, изображающий китайца, принёс нам две крошечные пиалки, маленький чайничек с белым чаем под забавным названием «серебристый иней на горной траве», и большой чайник с кипятком, который постоянно подогревался на изящной медной спиртовке. Мишель была просто в щенячьём восторге от всей этой китайской экзотики.

— Слушай меня внимательно, девочка. Мы не случайно заглянули сюда. Мне хотелось хотя бы чуть-чуть поразить тебя, чтобы ты не раскрывала рот от удивления от всевозможных кунштюков, на которые так горазд мой дражайший братец. Запомни, ты деловая леди! А это значит — предельная собранность при кажущейся раскованности и расслабленности. Безупречная одежда. Изысканный вкус, неброские манеры. Когда мы перекладывали твой маленький скарб в новую сумочку, то, естественно, половину из него стоило бы выбросить, а вторую половину заменить. Единственная приличная вещь, которая в ней оказалась, — это мобильник, купленный вчера. Боже мой! Ну что ты читаешь? Бирюзовый жир этого непотребного Воронкина! Это неприлично малыш. Знаешь, Василий Розанов описывает, как однажды его знакомого философа по фамилии Рцы спросили, читал ли он Салтыкова-Щедрина, на что этот милый человек ответил: «Помилуйте, мы всё-таки учились в университете!», имея в виду, что такие книги читать просто неприлично. Так вот, сегодня мне представляется неприличным читать господина Воронкина. Конечно, я сужу предельно поверхностно, поскольку, кроме того, что его привлекли к суду за порнографию, мне особо ничего не известно. Но для меня достаточно одного названия, и если книга называется Бирюзовый жир, то это говорит

либо о дурном вкусе, либо о провокативности, либо и о том и о другом. Провоцировать — это прекрасно, но и провоцировать надо умеючи. Возьми, например, блестящего Курицына, который заставил своих героев оттрахать в задницу американских космонавтов. Его романы, несмотря на обилие мата, предельно фривольных сцен и прочая и прочая, остаются на пределе той тонкой грани, на которой сохраняется вкус, а у Воронкина вкус теряется уже в названии.

— А что же, по твоему мнению, нужно читать? — спросил меня прорывающийся сквозь маску бизнес-леди дворовый воробушек.

— Да что угодно: Ван дер Вайна, Павича, Мураками, Памука, Кундеру, Кена Кизи...

— Ну, а из наших, кроме тебя, ещё кто-нибудь может удостоится такой чести?

— Ну, я-то, разумеется, самый лучший писатель, и мои три десятка читателей — самые тонкие души России, но кроме меня есть Битов, есть Шинкарёв, есть Геннадий Алексеев (самый поэтичный, пожалуй, прозаик и самый тонкий поэт), есть, наконец, Марина Москвина, впрочем, не нужно замыкаться на литературе, и Сашка, наверное, один из немногих бизнесменов такого уровня, который ещё хоть как-то может ей интересоваться. В светских беседах скорее возникнет вопрос о музыке, и... боже мой, что ты слушаешь — Кирилл Филлипов! ТУТА! Стидно, стыдно, девочка! Я конечно, не сноб и по мне что нравится, то и слушай, но если ты играешь роль, то это никуда не годится. Ты можешь слушать на выбор: Тома Вэйтса, Курёхина, Кустурицу, Яна Тиерзена, наконец.

— А кто это Тиерзен?

— Ну, тот, кто написал музыку к Амели. Ты хоть Амели-то смотрела, французенка?

— Амели, да! Амели — классный фильм!

— Ну, вот и хорошо, с таким багажом мы вполне можем отправляться к моему братцу. Ты, главное, ничего не бойся, держи нос арбалетом.

— Миф, ну, а сам-то ты? Одет в какую-то непонятную хлабуду, телефона нет, насвистываешь Митяева...

— Отвечаю по пунктам: я играю самого себя, а так как я личность творческая, то могу себе позволить абсолютно любой стиль одежды, более того, чем он будет вольнее, тем лучше; второе: телефон меня, как человека, погружённого в собственное я, будет только отвлекать; и третье: я могу позволить себе читать и слушать всё, что угодно. И могу тебе сообщить, что мне нравится Маринина и мне нравится с десятков песен Митяева. Довольна?

— Угу..

8.5 ВИЗИТ К ЛЕОПАРДУ

Одолжив Мишкин мобильник, я договорился с секретарём господина Маниулова о встрече. Нам назначили на пятнадцать тридцать. Времени у нас в запасе оставалось час с закусью, и мы решили заглянуть в подвернувшийся под ногу зоопарк.

Когда-то давно, ещё в той жизни, я работал неподалёку от зоопарка и любил туда заглядывать, в особенности зимой. Собственно, у меня там было два любимых места — белые медведи и муравьи. Глядя на белого медвежонка, барахтающегося в ледяной воде и играющего с выскальзывающейся из его лап льдинкой, я ощущал какое-то чуть ли не физическое родство с этим милым неразумным малышом. Я, как и он, барахтался в ледяном мире рекламного бизнеса и, насколько умел, игрался с льдинками моей мечты...

— Ну что, Мишка, пойдём исполнять утреннее пророчество и посмотрим на леопардов?

— Угу..

Мы стояли перед пятнистыми красавцами и любовались грацией движения их мускулистых тел. Из пояснительной таблички мы, к немалому нашему удивлению, узнали, что леопард и барс — это одно и то же, что длина тела леопардов-барсов достигает 170 сантиметров, а хвост — 102 сантиметра. Особенно поразили эти 102 см. Я представил себе долгую и кропотливую работу зоологов по измерению хвостов леопардов. Наверное, существует специальный мировой реестр, куда заносится максимальная длина хвоста, мне он представлялся примерно следующим:

- 1949 год — охотник Джон Парамон Гарринаки убил в джунглях Африки гигантского леопарда с длиной хвоста 93 см.
- 1956 год — охотники Гиви Гантария и Зураб Параманишвили поймали для Тбилисского зоопарка леопарда с хвостом длиной 95 см.
- 1963 год — охотник Малабастан Цумбурбия доставил в Делийский зоопарк леопарда с длиной хвоста 99 см.
- 1978 год — ловчие Иван Каракутов и Василий Прибейко поймали в Приморском крае леопарда с длиной хвоста 100 см ровно.
- 1999 год — итальянский путешественник-зоолог Джакомо Леопарди, изучая нравы африканских мышей и лягушек, приручил тёмноокрашенного леопарда, именуемого также чёрной пантерой, длина хвоста которой достигала 102 см.

Интересно, сколько свидетелей необходимо, чтобы удостовериться подлинность измерения хвоста? И вот ещё что: изменяется ли длина хвоста в зависимости от жизни и смерти леопарда? И учитывается ли это каким-то образом? И почему это зоологи обращают такое внимание на длину хвоста? Длина ног их не волнует, на длину ушей им наплевать, о длине зубов они и знать ничего не хотят, подавай им длину хвоста да и всё тут!

Лев — до 110 см
Тигр — до 110 см
Кенгуру — от 13 до 110 см
Мартышка — до от 30 до 100 см
Лисица — до 60 см
Волк — до 50 см
Крыса — до 30 см
Барсук — до 24 см

Получается, что львы и тигры — самые длиннохвостые млекопитающие, а как измерять длину хвоста у змей, крокодилов и удавов никто не знает. Где у змеи кончается тело и начинается хвост? Если сразу после головы идёт хвост, то длина хвоста удава равняется: семь мартышек, три слонёнка, тридцать восемь попугаев или около 10 метров. А если считать от окончания живота, то есть задницы? Может ли живот находиться в хвосте, вот в чём вопрос!

— Миф, а ты почему от жены ушёл? — прервала мои многомудрые размышления о хвостах заскучавшая Мишель.

— Да знаешь, понял вдруг, что я ей стал неинтересен, и ушёл.

— А как это ты понял?

— Да как-то случайно подслушал телефонный разговор с одним из её кавалеров.

Ничего там особенного не было, так, всего одна фраза: «А мой придурок где-то в своих парках витает». Это она обо мне.

— Обиделся на придурка?

— Не то чтобы именно на придурка. Она часто меня так называла. Но, согласишься, когда тебе говорят: «Ох, и придурок же ты, Погарский!», или «Нет, ну я не могу, ну, придурок. Просто полный придурок!» — то ничего в этом, по крайней мере для меня, обидного нет, но когда там, в третьем лице...

И вообще, Мишка, то как человека называют в третьем лице, гораздо полнее характеризует канву взаимоотношений.

— А как ты называешь меня в третьем лице, Миф?

— Тебя? Последний раз, кажется, назвал маленьким милым лягушонком.

— Ну, это, пожалуй, не оч-чень обидно, — сказала она, смешно наморщив носик, — так что из-за того разговора ты и ушёл?

— Ну, последней каплей, наверное, была моя причёска.

— Причёска?

— Видишь ли, я всё время причёсывался слева направо. Были, конечно, попытки поменять укоренившуюся привычку, но волосы на это никак не соглашались. И вот, однажды, когда я круто изменил свою жизнь, отказавшись от привычной и надоевшей работы, волосы вдруг согласились причёсаться справа налево. И ты представляешь, никто, в том числе и жена, этого не заметил! Тогда я взял любимую книжку, полил во всех комнатах кактусы и ушёл.

— А какая у тебя любимая книжка, Миф?

— Юрий Коваль, «Самая лёгкая лодка в мире».

8.6 КОЗЬЯ МОРДА ОТ КУЗЕНА

Мы неспешно подходили к особнячку на Поварской улице, в котором расположился офис моего процветающего кузена. И... вот они, оправдавшиеся прозрения! Из ворот выскочил литератор Зайцев и засеменял куда-то, ничего не замечая перед собой. Да, засланный оказался казачок — засланный... Ну что же, братец-заяц, поиграем с тобой в кошки-мышки, посмотрим, кто же из нас в конце-то концов окажется с завязанными глазами...

Охранник, тщательно сверив фотографии паспортов с нашими физиономиями, пропустил нас во дворик с аккуратно подстриженной травой. Вот, Мишка, чудо современной России — английский газон! Брехня, что нужно 300 лет, чтобы добиться идеального газона, наши умельцы справляются с этим за три недели. А знаешь ли ты, как сложно полоть эту штуку? Легко полоть виноград, его с сорняком не перепутаешь, а маленькую травку полоть — ой-ё-ёй как мучительно и тяжело, но зато, заметь, Мишка, какая красота!

По газону разгуливали пара белых павлинов, у небольшого прудика смешно топтался пеликан, на изящной альпийской горке сидел огромный сибирский кот — прямо и в зоопарк не ходи! И вдруг... Вдруг откуда-то со стороны будки охраны выскочил огромный пёс непонятной породы и стремглав бросился на окаменевшую от страха Мишель!

— Назад! Стоять, Барс! ФУ!!! — оголтело орал охранник.

Но странный пёс по кличке Барс уже завис в прыжке нацеленном на горло моей маленькой спутницы. И снова моё тело, успело опередить сознание, нога, помнившая детские уроки каратэ, взметнулась наперерез собачьей пасти. Мощные челюсти сомкнулись на не менее мощной подошве ботинка. Сбылось кофейное пророчество: рваный ботинок против Барса-пса-леопарда! Раздался хлопок выстрела. На балкончике опускал ружьё мой невозмутимый кузен. Барс коротко дёрнулся и через мгновение затих.

— Не волнуйся, Мишель, — крикнул с балкона Сашка, — я не убил его, это всего лишь ампула сильнодействующего снотворного! Да вы проходите, проходите!

— А я и не волнуюсь, — шепнула мне насмерть перепуганная Мишка, — хоть бы и убил, а откуда он знает моё имя, Миф?

— Это он меня Мишелем зовёт, иногда Майком, в зависимости от настроения.

Кажется, спектакль с псом был подстроен. Это вполне в духе моего брата... ну, да ладно, пошли, чего тут, в самом деле, стоять-то...

Мы прошли через изысканно обставленную гостиную и оказались в небольшом отделанном в жёлто-зелёные тона зале. Жёлто-зелёная гамма присутствовала не только в интерьере, но продолжалась на блокнотиках, ручках, пепельницах, зажигалках, и даже бутылка с зеленоватым абсентом развивала эту двухцветную гармонию.

Сам Сашка восседал (именно восседал) за столом в светло-зелёном костюме, яркой канареечной футболке и курил зелёную сигарету «Собрание».

— Рад! Рад, бесконечно рад! — театрально вскочил навстречу нам Сашка, — неужели одумался? Неужели решил бросить к чёртовой матери эту свою богемную жизнь? А что это за чудесная спутница вместе с тобой?

— Знакомьтесь: мой личный секретарь Мишель Легран, мой кузен Александр Маниулов.

Сашка галантно поцеловал ручку воспринявшей это как должное Мишель и провёл нас к столу.

— Ну, рассказывай, брат, какими ветрами занесло тебя в мою скромную обитель?

Я молча положил перед Сашкой утреннюю газету.

— Читал, читал. Доложили. А что тебя здесь волнует? С каких это пор ты стал обращать внимание на писанину газетных бумагомазак? Пустое это, брат. Давай-ка лучше абсентуку врежем, — и с этими словами Сашка разлил скорее в вазочки, чем в рюмочки зеленоватую жидкость, обмакнул в неё два кусочка сахара, положил их на специальные ложечки с дырками, поджёг от настольной зажигалки, сбил разлившееся синеватое пламя минералкой и протянул мне этот, ставший почти что ритуальным, напиток.

Отпив по глотку воюющего полынного пойла, мы вернулись к прерванному разговору. А Мишель, в полном соответствии с ролью, молча потягивала тархун.

— Волнует меня, Саша, только одно. Что во всей этой истории правда? И при чём тут я?

— Насколько я понимаю, правда заключается в том, что ты, Мишель, действительно ведёшь эту рекламную кампанию. И что тебя к этому побудило, мне неизвестно. А я действительно сдал в субаренду склады некоей фирмочке Бизнес-Чайн. Обычная мелкая деловая сделка, о которой я узнал только сегодня, но мои управляющие подтвердили эту информацию.

— Саша, я готов играть в открытую. Да, я веду эту кампанию. Вляпался в неё чисто случайно. Я понятия не имею, что скрывается за этим товаром ИКС. Я рекламировал его как kota в мешке. Я чувствую, что у тебя есть к этому делу очень и очень серьёзный интерес. Я готов сотрудничать с тобой, но при условии, что ты открываешь мне свои карты. Мне надоело быть пешкой в твоих непонятных играх.

— Помилуй, Мишель, какие игры? Товар ИКС мне, безусловно, интересен. Мне интересно также и сотрудничество с тобой. Я готов подтвердить своё давнее предложение и принять тебя к себе в рекламный отдел. Результаты твоей последней работы столь блестящи, что я готов взять тебя в свою команду на эксклюзивных условиях — 15 тысяч долларов в месяц, служебная машина с шофёром, служебная квартира с домохозяйкой, ну, и прочие мелочи, типа телефонов, ноутбуков, кинокамер и всего, что ты посчитаешь нужным. Кроме того, если ты выяснишь, что скрывается под этим грифом ИКС, то я готов одновременно выплатить тебе 200 тысяч зелёных.

Блестящий ход! Сашке, затеявшему всю эту хитроумную комбинацию, прекрасно известно, что я ничего не могу знать об этом товаре; конечно, остаётся предложение с сумасшедшим окладом, но что помешает ему снизить через пару месяцев этот оклад раз в 15, предварительно выкачав из меня все мои гениальные, скопившиеся за время безделья (как он думает) идеи? — Хорошо, Саша, я подумаю над твоим предложением.

Абсент приятно растекался по желудку и расплавлял излишне напряжённое сознание.

Глава девятая. Тотемизация мабуйи

Качество есть характеристика мысли и высказывания, распознаваемая в процессе, не имеющем отношения к мышлению. Так как определения являются продуктом жесткого формального мышления, Качество определению не подлежит.

(Роберт Пирсинг. Дзен и искусство ухода за мотоциклом)

9.1 ТРИНАДЦАТЬ ПРИЁМОВ ГЛАЖЕНИЯ РУБАШКИ

Мишель при полном параде, в образе бизнес-леди отправилась проведать отца, а я вернулся в ставшую уже почти что домом квартиру Бека.

Бек с мускулистым обнажённым торсом трудился над уютной своей рубашки, периодически набирая в рот воды и шумно брызгая её для увлажнения ткани.

— Мураками, Миф, насчитал одиннадцать приёмов глажения рубашки. Это действительно так: воротник, правый лацкан, правый рукав внешняя сторона, правый рукав внутренняя сторона, те же три приёма на левую сторону, два приёма на плечи и два приёма на спину. Но это в случае классической рубашки, если же на спине появляются дополнительные складки, то количество приёмов увеличивается. Остановимся, однако, на классическом варианте. И вот здесь, Миф, может возникнуть одно немаловажное отличие! Дело в том, что некоторые люди гладят воротник не в один, а в три приёма! Сначала они выглаживают плоскость, а потом в два приёма уютят складочку, придавая ей дополнительную остроту! Так вот, Миф, таких людей надо опасаться! Это опасные люди, Миф. Если человека волнует острота воротника, то это очень щепетильный человек, а щепетильные люди, не моргнув глазом, совершают гадости и оправдывают их своими мудачьими принципами. Если человек не может поступиться принципами, то это опасный человек. Я вот, Миф, знаю всего-навсего один принцип — ничто в мире не даётся в форме окончательного закона...

— Чой-то тебя прорвало, Бек? По мне, хрен бы с ними, пусть хоть на носках стрелочки выглаживают. Я тут у Вайна прочёл, что человека, надевшего рубашку наизнанку, обязательно побьют, при условии, что он в это верит. По-моему, твоя теория глаженных воротничков из той же серии.

Любопытно то, что сам Бек был донельзя щепетильным человеком, и я подозреваю, что он тоже гладил воротничок в три приёма. Помнится, однажды, Шарик подивился тому, что у Бека всегда есть чистый носовой платок. На что Бек ответил: «А я их всегда не меньше трёх беру, а если насморк, то покупаю ещё и пачку бумажных».

— Да понимаешь, Миф, подходит ко мне сегодня этот Сарк поганый, со своим отглаженным воротничком, блин, и откуда только этот козёл у нас взялся, а?! Подходит, блин, и спрашивает, то есть не спрашивает, а предлагает. Предлагает, Миф, пять тысяч зелени за то, чтобы я ему

выложил, что это такое товар ИКС! Да если бы я и знал, так не сказал бы, так ведь я же ещё и не знаю на фиг!

— Та-а-к... По-моему, надо выпить, Бек. Надо спокойно выпить и спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Дело в том, Бек, что меня сегодня тоже покупали... Покупали чуть-чуть дороже, но суть-то от этого не меняется! И кстати, покупал меня, Бек, тоже человек со стрелочкой на воротнике... Только вот стрелочка эта была не на рубашке а на футболке...

9.2 ОБЛИКА МАРАЛИ

Мы решили устроить с Бекком тихий холостяцкий ужин с картошечкой, селёдкой, украинским сальцем и, разумеется, парой бутылок водки.

Бек, склонный к театрализации и декорированию любого процесса, зажёл свечку в маленьком фонарике-беседке, перелил водку в графины (один из которых был позаимствован им в привокзальном ресторане города Арзамаса, а второй захвачен из кафе «Домбай», что на Краснопресненской улице), посыпал дымящуюся картошечку зелёным луком, нарезал тончайшими ломтиками розоватое просвечивающее сало, раскроил, словно бабочек, пару тихоокеанских селёдин, и наконец-то налил по первой в рюмочки тоже явно ресторанно-кафешного происхождения.

Водка приятно обожгла горло, рассыпчатый вкус картошки щекотал нёбо, душа растекалась в предвкушении тёплого вечера и долгой пьянки.

Жизнь, пожалуй, стоила тех усилий, что были на неё затрачены!

После третьей рюмки мы блаженно закурили и неспешно приступили к волновавшему нас обоим разговору:

— Я хочу рассказать тебе одну историю, Бек. Давнишнюю. Она была со мной ещё там — в той жизни. Я тогда был страшно аморальный тип, Бек. И наделал очень много глупостей и гадостей. Не по злобе, нет. Просто многого не понимал тогда. Не знал, что такое душа болит. Не давал себе труда подумать, как отзываются мои поступки на других. Я был весьма удачлив, талантлив, лёгок на подъём, весел — в общем, душа компании. Естественно, я пользовался успехом у девушек. После разрыва с первой женой сердце моё было пусто, как твой африканский барабан, и я заводил романы направо и налево, пытаюсь хоть как-то заполнить эту сосущую густую пустоту.

И вот в круговерти всяких скоротечных и случайных романов вдруг выясняется, что меня очень сильно полюбили две девушки, каждая из которых и не подозревала о существовании другой, хотя в том, что они у меня не единственные никакого для них секрета не было. Ну, любят и ладно, что тут такого особенного? Да так, ничего, пустячок-с... Дело в том, Бек, что у них были одинаковые имена и фамилии. И ту и другую звали Римма Танеева... А любили они меня, Бек, безоглядно. Так любили, что я мог в любой вечер набрать телефонный номер и сказать: «Римка, приезжай! Страшно по тебе соскучился...» И она потащится через всю Москву, ради того чтобы провести ночь со мной. А я тут ещё... ну, как-то так вышло, их телефоны в разных записных книжках записал... И, естественно, в какой книжке чей номер даже запомнить не удосужился. Да плюс ко всему у них и голоса были похожими.

И так получалось, Бек, что звоню я одной из них, а какой и сам не знаю, кто уж придет, то и хорошо... Спервоначально у меня даже совесть проснуться пыталась, а потом, с какого-то момента даже удовольствие стал получать от определённой пикантности и непредсказуемости ситуации. Причём, понимаешь, они каждый раз были счастливы после этих ночей. Я отдавал им всё, что мог отдать, всю сохранившуюся во мне нежность и ласку. Я влюблялся в каждую на то короткое время свидания и потом также легко вычеркивал её из своей повседневной суетной жизни...

Казалось бы, что во всём этом плохого? Есть две девушки, которых устраивает связь со мной и которых я в меру своих сил пытаюсь сделать счастливыми. Есть я, который не любит ни ту, ни другую, но спасается в их любви от своей внутренней опустошённости. Более того, я думаю, что не будь второй, одна из них мне быстро бы надоела, и сердце бы её было разбито раньше времени... Но представь себе, Бек, а каково бы было им узнать истину! Вот так в одночасье из возлюбленной, пускай неверного и ветреного поэта превратиться в некую игрушку. Каково было бы ей узнать, что я звоню не ей, а сразу им обоим и что только прихотливый случай решает, кому же из них сегодня улыбнулась любовь. И это действительно был случай, я не делал предпочтения ни одной, ни другой, но как-то так получалось, что и случай любил обоих примерно одинаково. Они привязывались ко мне всё сильнее и сильнее, а я звонил им всё реже и реже. Я боялся развязки. Я не хотел причинить им боль и не хотел стать в их глазах полным козлом... Да они, кстати, обе были очень гордыми и сами не звонили мне никогда...

Давай выпьем, Бек... Я об этом никому никогда не рассказывал... Боялся, что это может каким-либо образом добраться до их ушей...

— Ну, и чем же всё это закончилось? — спросил внимательно слушавший Бек, разливая водку.

— Чем кончилась? В конце концов, я решил оборвать с ними все отношения. Понимаешь, я почувствовал, что, несмотря на всю кажущуюся неловкость ситуации и определённую постыдность, я нёс некую миссию. Я выдёргивал их из мира обыденности (обе работали в довольно скучных конторах на не менее скучных должностях). Я утаскивал их в свои мифы, в свои полёты и фантазии, выкидывал всевозможные кунштюки, читал стихи, кружил головы бреднями и небылицами, но... но рано или поздно девушкам нужно выходить замуж, рожать детей, заботиться о семье... не мог же я жениться на них обеих! И предпочесть одну другой тоже никак не мог. Нужно было дать им понять, что всё! Все отношения закончены. Пора искать кого-то настоящего, того, кто не морочит голову поэзией и мифологией, а требует вкусного супа, чистых полов и секса по расписанию... Конечно же, нельзя было раскрывать, как оно есть всё на самом деле, я решил просто сказать, что полюбил другую и собираюсь на ней жениться, а вы, дорогие, свободны ото всех обязательств, которых в общем-то и не было, ну, и счастья вам, и простите и т.д. и т.п.

И вот, стало быть, решение принято, и нечего откладывать в долгий ящик: звоню (ну, не по телефону же всё это рассказывать) ну, и последнее свидание там, и самому горько, привык я к ним всё-таки к обоим, ну, короче:

«Римка, приезжай! Я страшно соскучился». Ну, приехала, слёзы, конечно,

«Мне никто не нужен, ни за какой замуж я не хочу, ты женись, сколько

хочешь, но не бросай меня, пусть редко, раз в месяц или даже раз в год я хочу тебя видеть, неудобно будет у тебя — приезжай ко мне, и всё такое». Чувствую себя полным говном и понимаю, что вот-вот дам слабину, такая вдруг к ней нежность проснулась... ещё вот-вот — и могло бы настичь меня серьёзное чувство, но тут я вспоминаю другую, понимаю, что ситуация безысходна и что если сейчас можно малой кровью обойтись, то дальше и до самоубийства будет недалеко... Ну, короче, провели мы с ней последнюю ночь, проводил я её до дверей, вытер слёзки на её чудесных глазах и пару дней пьянствовал, чтобы хоть как-то снять психологический стресс... Ну, потом нужно, что ж делать, второй раз через всё это пройти. Подхожу я к телефону, беру записную книжку и... Ну, ты догадался, в первый раз за всё время сталкиваюсь с проблемой выбора телефона... Надо же было быть таким козлом, чтобы не озаботиться этим вопросом хотя бы перед предпоследним звонком! Конечно, если бы не эти два дня пьянства, то, может быть, я бы как-нибудь и вспомнил из какой книжки я последний раз звонил. Но увы! Неисповедимы пути после первой предзапойной рюмки... Что делать? Не звонить — значит навсегда оставить вторую Римку в режиме ожидания, что, как ты понимаешь, просто бесчеловечно. Звонить — есть шанс нарваться на первую Римку и тогда, тогда значит пробудить в ней новые надежды, что тоже не лучше. После долгих колебаний и сомнений я всё-таки решаюсь звонить. Будь что будет, повезёт — попаду на вторую, расскажу ей байку о предстоящей женитьбе потреплю немножечко нервы, и всё: дальше гордиев узел разрублен, дальше полная свобода передвижений в пространстве совести и долгожданный спокойный сон... А если попаду на первую, то что ж, нужно всё-таки платить по счетам — женюсь!

Звоню. Незнакомый голос мне отвечает: «А Риммы нет». «А где она?» «В больнице?» «А что с ней?» «Пыталась покончить с собой». Выяснив адрес больницы, мчусь туда на всех парах. Причём заметь, Бек, так и не зная окончательно, к какой же я всё-таки мчусь, но уже зная что женюсь на ней... Если она, конечно, выживет...

Ну, пришёл я — а она видеть меня не хочет, но, слава богу, жить будет... Давай-ка, Бек, ещё по одной...

Мы выпили. Руки ото всех этих нахлынувших воспоминаний дрожали. Я помнил запах этого казённого больничного коридора. Запах тоски и смерти... Я стоял, прижавшись к косяку, и молил бога, чтобы она выжила... Какая-то медсестрёнка в белом халатике теребила меня за рукав и спрашивала, что со мной... Плотно обхвативший руку измеритель давления... Вкус валидола под языком... Долгая и унылая дорога домой под мелким осенним дождиком... Одинокая рюмка коньяка... Телефонный звонок...

— Ну, и что оказалось-то? — прервал мои воспоминания Бек.

— Это была вторая Римка. Оказалось, что в эти два дня беспробудного пьянства я проболтался обо всей этой истории одному козлу, не меньшему, чем я сам. Он болтанул своей жене, та знала Римку, а ещё не любила меня. Была в своё время отвергнута. Ну, вот и вся история. Правда всплыла наружу, девушку еле откачали. От любви она излечилась. Но излечилась, похоже, на всю оставшуюся жизнь... А убить любовь, Бек, грустнее, чем убить жизнь...

А я, Бек, женился на Римке первой. Только вот имя Римка произносить уже больше не мог. Так и появилась на свет Бинка. Ну, а чем кончились наши с ней отношения, ты уже знаешь... Парадоксально, но факт: когда я не любил её и обращался с ней как с игрушкой, то был любим, а когда полюбил, и любовь моя разгоралась всё сильнее и сильнее, она разлюбила... «Чем меньше женщину мы любим...»

— Я, собственно, Бек, к чему тебе эту историю рассказал. Не ради духовного стриптиза, а в качестве притчи. Во-первых, чем больше скрываешь, тем больше запутываешься. Скрывая во имя другого, не думаешь ли ты частично и о себе? Открытость трудна, но, в конечном итоге, с ней проще жить.

— Я, Миф, кажется, чего-то не понимаю. Про открытость и скрытность понимаю, но применительно к нашим бара-ранам — ни хрена не понимаю.

— Тебя возмутило, что некий козёл захотел тебя купить, так?

— Так.

— То есть он посчитал тебя продажным, а тебе это показалось обидным, так?

— Так.

— Это мир бизнеса, Бек. Понятия честности и чести здесь совсем особого рода.

— Ну, я не знаю. По-моему, честность везде честность.

— Да прекрати, Бек! Какая, на хрен, честность! Мы рекламируем с тобой kota в мешке, заранее уверенные в том, что наши слоганы сгодятся для любого товара, это что, по-твоему, честно? Имиджмейкерские программы, что, по-твоему, обходятся без обмана? Неужели ты думаешь, что хоть один из политиков верит своим собственным словам? Или ты думаешь, что всю страну обманывать не зазорно, а вот одного конкретного человека — это уже плохо, аморально, бесчестно и т.д. и т.п.?

— Ну-у.

— Баранки гну. Мы живём в мире мифов, Бек. Некоторые из них со временем становятся реальностью, а некоторые так бесконечно и скользят по кольцу Мёбиуса, тщетно пытаюсь отыскать вторую поверхность.

— Да, но обман — это одно, а предательство — нечто другое.

— Это ты правильно сформулировал. Но разве Вонг запрещал тебе выдавать тайну товара ИКС? Где ты тут видишь предательство?

— Я никак не пойму, к чему ты клонишь, Миф?

— А к тому, что я бы слил на твоём месте этому Сарку любую лажу и получил свои законные пять штук. То есть предлагаю не предавать, а всего лишь обмануть, причём обмануть некоего козла, который смог заподозрить, что ты способен на предательство.

— Лихо! А потом, когда придёт настоящий товар, как прикажешь разбираться с этим Сарком?

— В этом-то как раз и есть проблема, Бек. Впрочем, если бы тут был замешан только Сарк, то мы бы её с тобой как-нибудь порешали бы, но Сарк всего лишь мелкая пешка, тут, Бек, замешаны силы куда как более могущественные. И играть с ними о-о-о как опасно. Поэтому будем мы с тобой жить как жили. Будем спокойненько ждать Вонга и потихоньку

продолжать наше мирное рекламное ремесло. Останемся, как и были, руссо туристо облика марали... Дай-ка мне телефончик, я позвоню.

— Алло, Саша, салют! В общем, я тут подумал-подумал и вот что решил. Поработать я у тебя поработаю. А про товар ИКС, я ей-те крест, ничего не знаю. Рекламируем мы его, как я тебе и говорил, словно кота в мешке. Пока, Саша, пока.

9.3 ЛОВУШКИ

К тому времени, когда мы приканчивали с Бекон вторую бутылку водки и вторую кастрюлю картошки, беседа наша от вещей серьёзных и проблем глобальных плавно переместилась в ахинейно-творческое русло и неслась стремительным потоком, прыгая с камня на камень...

— Ловушки бывают двух видов, Миф: ловушки реальные, или капканы, и ловушки виртуальные, или западни. В реальные попадают глупые люди и звери, в виртуальные попадают почти все, причём зачастую сами себе их и ставят.

— Изначально ловушка, Бек — это была такая палка с верёвочной петлей на конце. Охотник сидел в зарослях у звериной тропы и караулил, например, зайца. Заяц проходил себе мимо и, ничего не подозревая, грыз морковку. Охотник дёргал за палку, петля повисала на ушах, заяц болтался в воздухе. Отсюда у неё и название такое: Лов Ушка, или лов за ушко. А кстати, встретил я сегодня нашего родного зайчика, у наших с тобой, Бек, врагов. Так что засланный казачок-то, засланный.

— Ошибочка вышла, Миф, ошибочка. Твоей хвалёной проницательности нанесён блестящий нокаут. Зайчик наш — самый обычный журналюга, скрывающийся под псевдонимом Андрей Заикин. И это именно он накатал ту замечательную статью, которая тебя так взволновала.

— Ах, вон оно как! Ай да Заяц, ай да сукин сын!

И тут наш холостяцкий ужин был прерван длинным, требующим ответа телефонным звонком. Бек, пошатываясь, снял трубку:

— Алло, слушаю! Сарк! А пошёл ты в жопу, Сарк! Что? Ну-ну... Эй, Миф, иди поговори, эта скотина желает с тобой пообщаться.

— Алло. Слушаю.

— Слушай меня внимательно, Миф! Мне сейчас не до шуток. Если я не получу от вас информации об этом сраном товаре, то меня просто-напросто уберут, так что положение моё не завидное.

— Нечего было соваться, если птица не по зубам.

— Слушай внимательно, Миф! Твоя девица у меня, понял! Даю тебе сроку ровно 24 часа. На большее у меня просто нету. Делай, что хочешь, придумай, что хочешь, но если у меня не будет информации, девчушка станет молить о смерти, дабы избавиться от мук и позора. Ещё раз повторяю, мне терять нечего, так хоть развлекусь напоследок.

— Какая девица?! Что ты несёшь, Сарк!?

— Да шмакодявка твоя.

— Мишель??!!!

— Она-она, родимая.

— Скотина!!! Дай мне поговорить с ней. И учти, если хоть один волос упадёт с её головы... Учти, Сарк, я выкуплю за эту информацию тебя у твоих хозяев, благо, кто они, мне прекрасно известно! И тогда, Сарк, ты пожалеешь, что они тебя не убили.

— Да не бойсь ты. На хрен она мне не нужна. Передашь информацию — и катись на все четыре стороны. На вот, общайся с этой чертовкой.

— Мишель, милая моя! Где ты? Что с тобой?

— Да ничего, Миф, ты не волнуйся. Ничего они мне не сделали.

Схватили в подъезде завязали глаза и увезли куда-то. Сказали, что если ты отдашь им какую-то информацию, то мне ничего не будет. Миф, я сильная. Ты за меня не бойся. И делай так, как нужно тебе. Ты знай, знай, пожалуйста, что мне за тебя и умереть не страшно!

— Ну что ты, что ты, глупышка! Это всё ерунда, эта информация не стоит и выведенного яйца. Поэтому всё будет о'кей! Не волнуйся и передай-ка трубку этому козлу.

— Слушай, Сарк. Завтра в это же время ты приедешь к Беку вместе с Мишель и получишь свою грёбанную информацию.

— Э, нет, Миф, не пойдёт. Приедешь ты ко мне, приедешь один и туда, куда я скажу. Будь в 22-00 дома, я позвоню.

— А если я буду готов передать информацию раньше?

— Позвони на мобильник своей мартышке. Он временно изъят у неё в целях всеобщей безопасности.

9.4 ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Хмель выползал из мозгов серой змейкой, грустно падая к самым ногам. Что называется — вляпались! И что теперь делать, было совершенно неясно. На кого работает этот грёбанный Сарк? Если авантюра с товаром придумана Сашкой, то зачем ему выбивать из меня информацию, которой, как он прекрасно знает, не существует? Стоп!!!!!! Уж не хочет ли эта скотина, чтобы я ВЫДУМАЛ для него необходимый товар! Оч-чень, очень даже может быть! Ну что же, хотите, чтоб я выдумал? Нет ничего проще! Ужо будет вам товар ИКС! Ужо будет вам такой товар, что просто ахнете, бизнесмены хреновы!.. Подожди, подожди... А если..., если Сарк не имеет к Сашке никакого отношения, и товаром заинтересовалась какая-то третья сила? Ну что же, тогда и в этом случае придётся выдумать этот чёртов товар. И более того, заставить господина Вонга купить именно этот товар!

— Бек, нужно созывать совет. Звони Шарик, Хрому. Будем как-то выкручиваться.

— Чем же они нам помогут, Миф? А потом, ты уверен, что и они не замешаны в этой игре?

— Надо кому-то верить, Бек. Иначе нельзя. А что делать — придумаем. Есть у меня тут несколько мыслишек.

И вот через час мы устроились с сигаретами и крепким кофе на маленькой Бековской кухонке.

— Значит, так, — начал совет я, — если товара нет, то его нужно выдумать. Понятно?

— Ну, ты ведь делал универсальную рекламу, Миф, так чего его особенно выдумывать? Взять, что угодно, да и всё. — предложил Бек.

— Так нельзя. Необходимо: а) чтобы нам поверили; б) чтобы Вонг и в самом деле привёз именно этот товар!

— Ну, и как ты это собираешься сделать?

— Пункт а) ляжет большей частью на Шарика и на меня.

Пункт б) придётся осуществлять вам с Хромом.

— И как ты это себе представляешь?

— Пока ты отмокал в ванной и пока Хром и Шарик добирались сюда, я заказал вам билеты на самолёт Москва–Стамбул, который вылетает сегодня в 8 часов утра. Так что на сборы вам остаётся всего несколько часов. Но за эти часы мы должны решить, какой ТОВАР должен привезти Вонг!

— Погоди, погоди, Миф, что ты такое городишь? Я сегодня с Хромом лечу в Стамбул?!

— Именно так, Бек. Вы с Хромом летите в Стамбул, находите там Вонга. Описываете ему ситуацию. И какой бы товар он к тому моменту уже ни получил, он должен поменять его на тот товар, который вы ему назовёте! Понятно? А если он будет сопротивляться, звоните мне, и я найду слова для убеждения! Здесь деньги на всякие мелочи и жизнь, — сказал я, протягивая свёрток с парой тысячей долларов. (слава богу, от снятых вчера денег на обновки для Мишель хоть что-то осталось)

— Погоди, погоди, а какой же всё-таки это будет товар?

— Вот это-то мы и должны с вами решить. Какие будут предложения?

— Н-нужно к-какие-нибудь ам-мулеты привезти. У н-нас сейчас народ на всяк-кой эзотерике и мистике помешан. Д-да и реклама твоя туда вписывается как нельзя лучше, — предложил Шарик

— Амулетов этих, Шарик, в Москве хоть пруд пруди, хоть к себе не ходи! Ты прав, что это должно быть очень экзотичным и обладать мистической стрункой. Но это... это должно быть чем-то совершенно необычным и совершенно непредсказуемым. Ну, я не знаю? Ну, например, бегемотики.

— Что-что?!!

— А что, отличный товар. Молодые здоровые бегемотики принесут мир и покой в вашу квартиру! Энергия африканского солнца настолько пропитала их чёрную кожу, что её тончайшие эфирные излучения могут длиться годами, выводя из строя скопления тёмных сил...

— Да ну, Миф, это же бред какой-то! — воскликнул Бек.

— П-почему бред? М-миф прав, люди с-склонны верить чему-то необычному, нетрадиционному, а вера, Бек, м-может творить чудеса.

Ед-динственно, что здесь плохо, — рост.

— Что рост? — не понял Бек.

— Видишь ли, Бек, эти чёртовы бегемотики имеют обыкновение расти и порой превращаются в настоящих бегемотов или, я бы даже сказал, гиппопотамов. А нормальный человек не в состоянии содержать гиппопотама. Тут Шарик прав. Значит, нужно найти ему замену. Нужно что-то похожее, но не вырастающее до размеров среднероссийской кухни!

— Ну давай втюхаем народу каких-нибудь копрофагов, — предложил Бек, — они маленькие и с кормёжкой проблем не будет :)

— А кто это копрофаги? — поинтересовался Хром.

— Копрофаги, Хром, — это говноеды, в переводе с греческого. Жуки-навозники, опарыши, скарабеи и прочая насекомая шушера... Оно, конечно, здорово, Бек, заставить полстраны созерцать говноедов. Будут заготавливать для них навоз по осени или же своим же собственным дерьмом кормить будут... Оно, конечно, весело... Но не то. То есть, это вполне пригодно для обычной или даже средней торговой операции, но в нашем случае не катит. Есть несостыковки между интригой и её разрешением. Я так скажу: копрофаги это, безусловно, необычно, но говённо.

— Я з-знаю что, н-нам нужно. В-вот. — сказал Шарик, вытаскивая из записной книжки какой-то помятый листок, — я т-тут н-недавно на биофаке был. И списал с доски объявлений. М-мне просто сам текст п-понравился. На листке, заляпанном каплями кофе, было написано неразборчивым торопливым почерком буквально следующее:

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА
РЕПТИЛИЙ
ИЗ ЧИМКЕНТА (ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН)

Ящерицы:

Гекконы:

- туркестанский
- серый голопалый
- каспийский
- панцирный
- сцинковый

Агамы:

- степная
- кавказская
- хоросанская
- туркестанская

Сцинки:

- щитковые
- годоглазы (1-2 вида)
- мабуи золотистые

Змеи:

- восточные удавчики
- краснополосые полозы
- разноцветные полозы

Амфибии:

среднеазиатская жаба

г. 65-35-63
Николай.

— Гениально, Шар, просто гениально! *Мабу́йя золотистая* — вот что нам нужно! Экзотичное, загадочное и главное золотистое имя. Полная и окончательная неизвестность. Новизна. Неожиданность. Эбсолютли гуд! Это тебе не копрфаг, блин! Это в десятку!!!

Так. Вот что! Планы кардинально меняются. Ты, Бек, летишь в Турцию один, находишь там господина Вонга и объясняешь ему, что всю хренотень, которую он там получил, нужно немедленно продать по любой цене и на вырученные деньги закупить золотистых мабу́й. Собрать их по всей Африке, Азии и где они там ещё есть! Накормить, напоить, упаковать и везти на обозначенный в нашей рекламе склад. Ты, Хром, связываешься утром с Николаем и заказываешь ему этих самых мабу́й столько, сколько он может достать. Пусть срочно летит в Среднюю Азию, связывается с поставщиками и тащит этих мабу́й сюда столько, сколько сможет притащить. А мы с тобой, Шар, займёмся подноготной мифа. Ты сможешь взломать несколько сайтов? — П-попроб-бую.

Солнце бросило первые золотистые лучи в нашу прокуренную кухню. Кажется, и в самом деле забрезжил свет.

9.5 ПОДНОГОТНАЯ МИФА

Мы вышли с Шариком из подъезда и направились в разные стороны. Детские игры в шпионов обрастали плотью реальности. Я медленно брёл по тротуару, погружённый в свои беспокойные мысли, потом, как будто внезапно осознав, что мне нужен трамвай, бросился его догонять и запрыгнул на подножку, отжимая уже закрывающиеся двери, на следующей остановке выскочил и тут же пересел на троллейбус, далее метро, где сделал пяток пересадок на самых оживлённых станциях. Потом закоулками подобрался к дому Шарика с обратной стороны подъездов и, постучавшись в окно, забрался. Благо, этаж был первый.

— Отсутствие времени у нашего противника — это мощный козырь, Шар! Где они за это время, кроме интернета, найдут информацию о мабу́йях? Правильно — нигде! А владельцы своих сайтов заглядывают на них не очень-то и часто. Поэтому наша задача: вскрыть все сайты, где упоминается мабу́йя золотистая, и добавить в них немного необходимой для нашего дела информации.

— Т-ты хотел с-сказать, дез-информации.

— Шарик, давай не будем вдаваться в философские дискуссии по поводу того, чем информация отличается от дезинформации. Надеюсь, ты понимаешь, что ни одна из них не может претендовать на истинность. И, надеюсь, понимаешь, что и та и другая преследуют свои определённые цели, только дезинформатор, как правило, полагает, что он намеренно вводит противника в заблуждение, а информатор думает, что преподносит необходимые факты. Пойми, и тот и другой ошибаются. Качественная дезинформация, или назовём её более изящным словом, мистификация, должна стать катализатором изменения действительности.

Под её мощным напором реальность начинает формироваться в нужную творцу сторону и, спустя небольшой период времени, дезин-формация превращается в ин-формацию, если говорить о классическом понимании этих слов.

— Н-ну, п-подожди. В-вот помнишь ф-фильм «В-Вариант „Омега”»??

Он т-там запускает дезу, что, мол, Япония собирается вступить в войну, а наши расшифровывают его и получают инф-формацию, обратную дан-ной.

— Именно что расшифровывают — **качество** дезинформации состоит в её неразгаданности и, более того, в достоверности, понятно? И не забудь, что Япония через какое-то время таки вступила в войну!

— Д-давай п-побольше о **качестве**. Н-нужно понимать, к-к-к чему н-нам стремиться.

Я чувствую, как на меня накатывает состояние разветвления. Где-то на периферии сознания бьётся беспокойство о судьбе моей маленькой Мишель. Беспокойство вопит благим матом. Что такого, мол, хрена вести философские дискуссии, когда надо действовать!!! Действовать незамедлительно, решительно, смело, нагло, бесцеремонно, с твёрдой уверенностью в победе. Но ещё чуть дальше, в каком-то тёмном уголке, незримый мудрец возражает моему беспокойству, что огромное число битв было проиграно именно из-за поспешности действий. Слабая теоретическая проработка плана сражения приводила к неудаче. Поэтому, чем яснее Шарик поймёт, что же нам необходимо сделать, тем больше шансов на успех. Впрочем, дело не только в Шарике. Разъясняя ему теоретические постулаты идеальной мистификации, я сам глубже начинаю понимать её суть. Потом где-то совсем в маргинальных областях мелькает тревога о проблемах Бека и Хрома. Ещё один кусочек восприятия фиксирует время на настенных часах, прикидывая, сколько ещё у нас есть его до 22-х, и что нужно успеть сделать за этот промежуток. А основной объём мозга нацелен как раз на прояснение этих теоретических основ:

— Один из героев Пирсинга сошёл с ума, пытаясь постичь, что такое качество мысли. Я точно не помню, как Пирсинг разрешает эту проблему, кажется, он говорит, что качество мысли не подлежит определению, и даже, честно говоря, не помню, о каком качестве здесь идёт речь, но сама проблема мне понятна, и я в своё время давал на неё некие попытки ответов. Так вот, если говорить о качестве в философском смысле, то есть о том качестве, которое отличает один предмет или явление от другого, в то же время выделяя основную сущность каждого предмета/явления, что позволяет куб отличать от треугольника, многоугольника от круга, дождь от града, облако от тучи и т.д. и т.п., то качество мысли представляется самой мыслью, то есть качеством каждой мысли и есть эта самая мысль! Но если говорить о качестве в бытийном смысле, то есть о степени пригодности и долговечности того или иного предмета/механизма/системы, то вопрос о качестве мысли становится некорректно поставленной задачей. То есть качество мысли становится функцией от времени. Мы можем, чисто гипотетически, конечно, взять за ось абсцисс луч времени, а по оси ординат откладывать, сколько людей в каждый момент времени были взбуждены этой мыслью.

Потом взять интеграл от полученной кривой, и значение этого интеграла как раз и станет параметром качества мысли. Но это только с точки зрения человеческой цивилизации. В божественном понимании, качество мысли может измеряться совсем по иным критериям...

Но впрочем, это так, лирическое отступление, имеющее к нашему случаю лишь опосредованное значение. Нам важно, Шарик, что такое качество мистификации. И тут у нас происходит разделение, касающееся периода жизни мистификации. 1) Зачатие. Это то место, в котором мы с тобой варимся сейчас. При качественном зачатии должно чётко понимать, на какой круг людей оно рассчитано, какими средствами располагает, какие цели преследует. 2) Вброс. Здесь качество определяется шириной и глубиной охвата, то есть сколько людей поверили и насколько глубоко поверили. 3) Воплощение. До этой стадии доходят далеко не все, но только талантливые мистификации. Это, собственно, то, когда сказка становится былью. Понятно?

— П-понятно, в об-щ-щих ч-чертах.

— Ну, раз понятно, то приступаем к формированию нашей

дезин-формации.

Недолгие блуждания по интернету выявили всего три сайта, на которых упоминались золотистые мабуи. Первый <http://bioworld.narod.ru/M1/001M.htm> представлял собой некий биологический словарь, который сообщал, что:

МАБУИ (Mabuja), род ящериц семейства сцинковых. Длина до 22 см. Тело стройное, с хорошо развитыми конечностями. Окраска бурая, со светлыми продольными полосами и тёмными пятнами, у тропических видов — с металлическим блеском. У ряда видов в подвижном нижнем веке — прозрачное окошко. Около 90 видов, в Африке, на острове Мадагаскар, в Азии (главным образом в Южной), Центральной и Южной Америке. Проворны, хорошо лазают по скалам и деревьям. Питаются насекомыми и другими мелкими беспозвоночными. Большинство яйцеживородящие, некоторые откладывают до 20 и более яиц. В Восточном Закавказье и на Юге Средней Азии — золотистая мабуя (M. aurata), обычно в местах с кустарниковой и высокой травянистой растительностью. Яйцеживородящая, рождает 3–5 детёнышей.

В эту статью Шарик добавил, что, согласно поверью, настойка на сушёных хвостах мабуи золотистой обладает чудодейственной силой, повышает потенцию, иммунитет, укрепляет естественные ресурсы организма, способствует повышенной активности ИКС-хромосомы.

На втором сайте <http://www.bionet.nsc.ru/> мы обнаружили чудесную фотографию мабуи, сделанную в Туркменистане в 1987 г. госпожой Лопатиной Н.В. Узнали, что открыта сия ящерка была шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем в 1758 году. Далее следовал вот такой текст:

Ареал. Северо-Восточная Африка, Аравийский полуостров, Восточное Средиземноморье, Малая Азия, Южная Армения, Азербайджан (Нахичевань), юг Туркменистана.

Верхняя половина тела ящерицы окрашена в коричнево-серый цвет с бронзовым отливом. Вдоль спины заметны черные полосы. Нижняя часть желтоватого цвета. Мабуя обитает на каменистых, часто закустаренных склонах. Иногда селится на развалинах домов, выбирая упавшие каменные заборы или фундаменты зданий. В качестве укрытий использует щели в скалах и норы других животных. Охотится на мелких животных, подстерегая добычу в укрытии. При приближении жертвы быстро выскакивает из убежища, хватая добычу ртом и проглатывает. Во время охоты часто перебегает от одной каменной глыбы к другой. Зимует, зарывшись в песок, спрятавшись в норах или забравшись в пустоты, расположенные в 15–40 см от поверхности. Иногда на зимовку собирается вместе до 10 особей. Размножение происходит в июле. Для этого вида животных характерно живорождение. Самка рождает 3–5 детенышей, которые первое время держатся вместе небольшой группой. Часто они проводят зимовку рядом с матерью.

Сюда мы с Шариком дописали следующее: согласно последним разработкам российских биохимиков, в хвосте мабуи содержится уникальный комплекс микроэлементов, которые с успехом могут применяться в гомеопатии.

Что-то подобное мы добавили на <http://www.biodat.ru/db/areal>. И от научных сайтов решили перебраться к сайтам по народной медицине, гомеопатии, оккультным наукам, в которых, увы, пока ещё не было никаких упоминаний о мабуях. Суть вставок в эти сайты сводилась к следующему: мабуя помогает восстановить силы, здоровье, душевное равновесие, снять стресс и усталость, повысить жизненный тонус и получить прочие всякие полезности, и главное: мабуя, якобы способствовала зачатию мальчиков! Мечтающий о наследнике должен был сам (именно сам, для осуществления тонких биоэнергетических контактов) оторвать хвост у мабуи (благо, он быстро отрастает, и взрослая мабуя, по нашим представлениям, взявшись, естественно, ниоткуда, могла давать, в зависимости от питания, от 10 до 50 хвостов в год). Оторванный хвост высушивается в течении недели в хорошо проветриваемом горячем помещении, а лучше всего на солнцепёке. Потом на этих сушёных хвостах (3–4 хвоста на литр водки) делается настойка (настаивать 2–3 недели). Принимать следует по 1 чайной ложке 3 раза в день за час до еды. Желательно в профилактический период (1–2 месяца) не злоупотреблять алкоголем и снизить, а лучше и вообще отказаться от табакокурения.

Мы били аккуратно, но точно. Пара месяцев воздержания в совокупности с верой в чудодейственные силы мабуи может любого больного поставить на ноги.

— А теперь, Шарик, нужно составить бумагу для журналиста Зайцева, которую ты совершенно случайно подсунешь ему завтра в Петле.

Да. Именно завтра, потому что сегодня рано, а послезавтра может быть поздно. Впрочем, подсовывать её или не подсовывать, будет зависеть от сегодняшних переговоров по спасению Мишель.

И после недолгой возни, мы составили с Шариком вот такую бумагу:

ПЛАН РЕКЛАМНОЙ КАМПАНИИ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ НА РЫНКЕ
НОВОГО ГОМЕОПАТИЧЕСКОГО ТОВАРА:
МАБУЙЯ ЗОЛОТИСТАЯ (MABUJA AURATA)

1. Развернуть широкомасштабную рекламу в СМИ с перечислением всех мыслимых достоинств мабуьи, не называя *этот* товар. При этом максимально заинтриговать потребителя. Внушить ему необходимость приобретения *этого* товара. Внушить ему мысль об элитарности и престижности обладания этим товаром. Внушить мысль о безусловной полезности и положительной энергетичности данного товара.
2. При поступлении товара в продажу и раскрытии карт, продолжать рекламную кампанию, делая при этом максимальный упор на демонстрацию удивительного эффекта, который производит настойка на хвостах мабуьи на биоауру человека.
3. Подготовить инструкцию по уходу за мабуей и рецепт приготовления настойки на хвостах.
4. Подготовить видеокассеты с фильмами из жизни мабуьи и с интервью, в которых счастливые обладатели мабуьи делятся своими впечатлениями о благодатном влиянии мабуьи на их самочувствие, здоровье и жизненный тонус.
5. Издать небольшую брошюру аналогичного видеокассете содержания.
6. Приступить к разработке мультсериала, главный герой которого — Мабуйя, борется с фантастическим существом — Стрессом.
7. Издать серию детских книжек аналогичной тематики.
8. Развернуть выпуск сувенирной продукции с изображением мабуьи (майки, значки, ручки, кружки, зажигалки, флажки, вымпелы, открытки, спички и т.п.)

Когда план был завершён и распечатан в трёх экземплярах, мы, довольные своей плодотворной работой, развалились в роскошных бархатных креслах, налили по рюмочке эстонского ликёра и закурили.

— Кстати, Шарик, пунктами 3 и 4 тебе придётся заняться прямо сейчас. С 3-м пунктом, я думаю, особых проблем не будет, а вот с 4-м придётся повозиться. Съезди на биофак, а в первую очередь махни в зоопарк, вдруг она там есть. Тогда обязательно засними её. Можно сделать очень неплохой медитативный фильм. Представь себе, в течении нескольких минут, может быть, и получаса, на экране сидит в террариуме неподвижная мабуйя (ящерицы в террариумах почти всегда неподвижны). А на заднем плане (используя эффект наложения) будут скользить пески, облака, горы, реки, камни — и всё это в сопровождении эзотерической музыки, приобретённой в магазине «Путь к себе». А во второй части сделай пару-тройку интервьюшек — с Ликой сделай, с самим собой. Только особо не посвящай никого из посторонних.

— Это-то сделать несложно, Миф, но меня вот что пугает. Ведь благодаря нам, тысячи людей будут пить эту странную гремучую смесь!

А ты уверен, что хвосты мабуи не ядовиты?! Ведь не случайно для торговли медицинскими препаратами требуются лицензия, проверки, испытания, сертификаты качества и прочие уровни контроля, а мы...

— Отвечаю по пунктам, Шар. Во-первых, крайне сомнительно, что эти хвосты ядовиты. Я пил китайскую настойку на гекконах, а мабуи, я так думаю, недалеко от них ушли. Но даже если и ядовиты, то чайная ложка яда ещё никогда никому не повредила, тем более, если этот яд растворён в благородном спирте! Знаешь ли ты историю, как в некоторых латиноамериканских племенах вершилось правосудие? Там подозреваемому давали выпить яд, и если он умирал, то, стало быть, был виноват, а если выживал, то, стало быть, — невиновен. И что характерно, действовала эта штука безотказно. Шаманы использовали не очень сильный яд, но страх виновного усиливал его действие, а вера в свою невиновность ослабляла. Пойми, Шар, вредны не сигареты и не алкоголь как таковые, основной вред приносят антиалкогольные и антитабачные кампании, внушающие людям, что курить и пить вредно, что капля никотина убивает лошадь, что у курильщиков выше вероятность заболеть раком лёгких и т.д. и т.п. Тысячелетиями доктор прописывали больному вино для подкрепления сил. И вино действовало как лекарство! Спирт, считавшийся в XVI веке выжимкой из философского камня и почитавшийся эликсиром жизни (не случайно *spiritus* переводится — дух, а водка — *acqua vita* — вода жизни), так вот, спирт употреблялся по каплям, и поверь мне, по-настоящему омолаживал уверенный в нём человеческий организм! Поэтому если эта настойка и будет вредна, то только из-за слабости нашей с тобой подготовительной работы над потребительским сознанием, но мне кажется, что мы с тобой поработали на совесть! Физическая, а тем более биологическая реальность настолько тесно переплетены с деятельностью сознания, они так прочно пропитали друг друга, что, видимо, просто немислимы по отдельности.

Второе: мы не собираемся торговать настойками, мы даже не собираемся торговать хвостами! Мы поставляем людям обычных ящерок, и поэтому нам не нужны никакие сертификаты и медицинские лицензии. Рецепты, приводимые в инструкциях и брошюрах, должны быть всего лишь цитатами, отсылающие к древним лечебникам. И, кстати, если ты думаешь, что все наши лекарства действительно подвергались непредвзятому тестированию, то наивности твоей нет предела, и ты ничем не отличаешься от рядового обывателя.

— З-знаешь, Миф, я вот тут недавно п-прочитал у В-ван Дер В-вайна такую мысль, — Шарик порылся среди каких-то листов на журнальном столике и выудил оттуда необходимую ему страницу, — «Каждый человек способен преобразовывать материальный мир. Но одним дана власть лишь над собственным миром, другие включают в сферу своей формирующей деятельности родных и близких (детей в первую очередь), третьи обладают решимостью вмешиваться в видоизменение миров абсолютно чужих и незнакомых им людей. Но далеко не каждый способен ощутить свою власть над уже существующим миром. Многие делают это неосознанно, наивно полагая, что их мифотворчество (в слове, поступке, деянии, творении), ограничивается сферой сознания. Но не о них речь.

Нам гораздо важнее обратиться к тем, кто в полной мере осознаёт свою власть над реальностью. Никогда не играйте с миром забавы ради! Несите в душе своей бремя ответственности за дела свои! Ведите мир к свету! К добру! К любви!»

— Твой Ван Дер Вайн, которого, как я с некоторого времени полагаю, ты, Шарик, вылепил собственноручно, причём, надо тебе отдать должное, вылепил просто блестяще, так вот, он в какой-то момент умудрился отделиться от тебя! И когда ты начинаешь выражать свои мысли посредством него, он начинает сопротивляться и загоняет тебя в плен тобой же выдуманного сознания. Ты породил демона, который тебя же самого и околдовал. Но речь не об этом. Это я сказал лишь для разрушения незыблемого авторитета господина Ван-Дер-Вайна. Речь о власти мифотворящего сознания над физической реальностью. Здесь ведь не всё так просто, Шар. Не каждый миф способен прорасти в головах и судьбах людей... Миф о коммунистическом светлом завтра мог прорасти лишь в аду невежества и нищеты, на кошмаре военного времени, на кризисе православной церкви, на детской доверчивости российского народа! Да, революционеры обязаны нести за него ответственность, но далеко не в той мере, которую сейчас на них возлагают! Сознанием людей неминуемо должна была завладеть какая-нибудь мечта, и, естественно, завладела самая невероятная и самая неосуществимая!

Точно так же и с мабуйей. Мы живём в мире всё возрастающих скоростей. Человеческая психика и сознание не успевают за стремительными изменениями, происходящими в нашем мире. Информационные потоки вылились из берегов и захлестнули не готовые к такому наводнению мозги. Успехи научного мышления столь ошеломляющи, что практически и непостижимы. Универсальных умов осталось в мире единицы, и основная масса знаний принимается на веру, поскольку эти знания идут от серьёзных институций и специалистов-профессионалов. Человек с полным спокойствием и безо всякого удивления воспринимает такие поразительные явления, как чёрные дыры, частицы с нулевой массой покоя, мгновенные перемещения электрона с одной орбиты на другую и прочие невообразимые ещё век назад факты. Но чем дальше и чем глубже копает рациональное мышление, тем всё менее существенными кажутся вопросы, которые оно разрешает! И в самом деле, какая мне, как личности, живущей в данный отрезок времени, какая мне разница, живу я в расширяющейся, пульсирующей или сжимающейся вселенной? Что мне даст это знание, кроме удовлетворения праздного любопытства? Станет ли жизнь моя лучше, если я увижу фотографию обратной стороны Луны? Шевельнётся ли в душе моей гордость, если флаг моей страны будет установлен на Марсе? Конечно, для современного мировоззрения важно понимание, что до ближайшей звезды свет летит больше трёх лет, что тысячи звёзд, которые мы видим на небе, уже давным-давно погасли, а мы всё любимся и любимся выброшенным в космос звёздным светом. Эти знания сдвинули наши со-знания в нужную сторону. Но вот детали уже малосущественны. Три года летит свет до ближайшей или тысячу лет — не так уж важно! Научно-технический прогресс обладал глубочайшим смыслом в период борьбы человечества за своё существование.

Когда же власть человечества над природой стала практически беспредельной, рост научного знания утратил своё былое значение. Бомбардировка Хиросимы и Нагасаки была направлена не только на Японию, это был мощнейший удар по рациональному мышлению! Это был удар по совести человечества! И вот люди снова потянулись к примитивному, интуитивному, иррациональному постижению действительности. Их снова заинтересовали те незримые, непостижимые для рационального мышления тонкие энергии, связующие нас со всем миром. Человечество стало осознавать, что наблюдение или даже скорее любование (*бесцельное любование*) полётом стрижей, скольжением облаков, цветением вишни, восходом луны гораздо важнее вычисления траектории баллистической ракеты, разработок ядерных ускорителей и вычисления периода полураспада урана. На смену компьютерной диагностике и лазерной хирургии в скором времени придёт хвост золотистой ящерицы, согретый тёплым азиатским солнцем. Если не хвост мабуи, то крыло геккона, коготь шанхайского барса, клюв пингвина или ещё что-нибудь. Двадцать лет назад наша страна в неумеренных количествах поглощала помёт горных птиц, так называемое мумиё, сейчас она лопаёт когти акулы (заметь себе коготь существа, не имеющего лап!), цветы стафизагрии (в просторечии лютика), я уж не говорю о всяческих женьшенях, йохимбе и т.д. и т.п.

Мы просто даём людям то, что они с нетерпением ждут. Мы делаем великое дело, Шар! Мы на полную катушку включаем человеческие ресурсы неиспользованной веры! Ведь это тебе не таблетка, не гомеопатический шарик, в который неизвестно ещё что напихали! Это — естественный, натуральный, тобой лично оторванный хвост золотистой мабуи! Маленькой ящерицы, которой ты отдал частичку своего тепла и заботы! Да поверь мне, не может такого быть, чтобы в её хвосте не нашлось полезных для нашего организма веществ! Да я буду первым, кто проглотит первую ложку этой чудодейственной настойки!

На экране компьютера крутились в молчаливом танце два угловатых листа Мёбиуса. Зелёный и синий. Заставка называлась — «геометрический вальс».

Глава десятая. Каждый человек в ответе за всю Вселенную

*Специфика Вселенной в том, что она не склонна распадаться на удобные для нас оппозиции.
(И.Ю. Телеги & Гномы)*

10.1 ПРОЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

Оставив Шарика доводить до ума тотемизацию мабуи, я отправился в парикмахерскую. Во-первых, перед визитом к дражайшему кузену стоило привести в порядок голову, в смысле постричься. А во-вторых, следовало также привести в порядок голову, в смысле расставить в должном порядке порядком сумбурные мысли.

И вот, пока мой мастер колдовал с давно не стриженными вихрами, я пытался расчесать торчащие в разные стороны мысли:

а) кто стоит за спиной Сарка?

а1) если это Шурик, то стоит ли нанести ему визит и стоит ли пытаться поговорить напрямую?

а2) если это не Шурик, то стоит ли в этом случае навещать его?

а3) если не Шурик, то кто?

б) я вожусь с этой авантюрой под названием «мабуя золотистая» только ли ради Мишель?

б1) если не только из-за Мишель, то ради чего ещё: денег? Игры? Азарта?

б2) может быть, ради очередного эксперимента для подтверждения своих мировоззренческих постулатов?

в) уверен ли я на все 100% в том, о чём только что толковал Шарика?

г) и вообще, где кончается миф и начинается реальность?

Ответы, как водится, попытались выстроиться с конца.

Мифы пронизывают нашу реальность насквозь. Пожалуй, нет ни одного события или явления которое не было бы в той или иной степени мифологизировано. Каждое утро почти каждая женщина достаёт косметичку и пытается создать миф о своей красоте — кто-то из них более талантлив, кто-то менее, но это не важно! Важно, что все они пытаются приукрасить реальность! Маски! Маски! Маски! Кругом одни только маски. Каждый человек пытается выглядеть лучше (иногда хуже, но это своего рода такое героичество), чем он есть на самом деле! Мы так ловко научились надувать щёки и делать умное лицо, что и сами поверили в то, что мы умны, красивы, сильны и значительны! В логике есть задача про гипотетическую страну лжецов. В этой стране каждое высказывание ложно. В ней ни один человек не может, не имеет логического права сказать: «Я лжец». Ибо в этом случае либо высказывание истинно, и тогда оно не может существовать в этой стране, либо высказывание ложно, и тогда человек этот не может жить в той стране. Так вот, у меня такое ощущение, будто я и есть тот самый человек, попавший в не свою страну.

Я хочу подчеркнуть, что мифы выстраиваются не только в грандиозных институтах, таких, как политика, бизнес, искусство, но и повседневно, на самом маленьком бытовом уровне. Прибрать комнату перед приходом гостей, прикупить изысканных продуктов, приодеться... Я уж не говорю о том, когда дело доходит до героических воспоминаний. Так удивительно иногда слушать о событиях, коих ты сам был участник! Как будто всё так, но и всё не так! Вдруг ни с того ни с сего, твои глупость, шалость, раздолбанность превращаются в бурлеск, геройство, неординарность. Мне долгое время казалось, что естественные науки, а точнее математика — это единственный оплот реальности. Но в какой-то момент я вдруг осознал, что всё огромное здание математики опирается на такие не существующие в реальности понятия, как: точка, прямая, окружность, число...

Вопрошается вот что: существует ли этический предел мифотворчества? На что следует ответить: да такой предел существует, но он неопределим. Мерилом этому пределу может служить лишь такое шаткое понятие, как совесть. Мы интуитивно понимаем, что Фокс из «Место встречи изменить нельзя» предельно мерзок, когда он представляется маленькому ребёнку его отцом, с тем чтобы обворовать квартиру. А Штирлиц, лихо обманывающий весь немецкий рейх, — герой, симпатяга и вообще молодец. Бельмондо, в маске клоуна грабящий банк, — хороший, а профессор Мориарти, сосущий деньги из толстых лондонских кошельков, — плохой. Но это так, литературные герои, которые намеренно гиперболизированы в ту или иную сторону. А на деле каждый поступок и действие столь многогранны, что отнести их к разряду доблестей или злодеяний редко представляется возможным. Каждый поступок почти всегда окружён такой сетью традиций, ритуалов, «понятий», что говорить о нём в чистом виде просто нереально. В Спарте, например, было незачем воровать, но зазорно было попадаться! Каралось именно то, что ты попался! Не умеешь воровать — не воруй! Или та же Анна Каренина. Общество подвергло её остракизму не за измену, а за то, что она посмела афишировать эту измену! И если американец будет чувствовать себя неуютно, не заплатив налоги, то русский человек будет считать себя дураком, если эти самые налоги заплатит!

Парикмахер давно закончил своё дело, а в мыслях моих по-прежнему творился кавардак. Но ноги несли меня к Сашкиному офису, как будто на уровне подсознания дали ответ на пункты а1), а2).

И всё-таки следовало перекурить это решение.

Купив газету, в которой подвизался наш знакомый журналист Заикин-Зайцев, я устроился в скверике на площади Восстания и, отхлёбывая нефilterованное пиво, углубился в чтение. В рубрике **«Злодеяния. События»** меня позабавила дорожная статейка некоего Алексея Макарова:

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Один из самых опасных поворотов в Москве находится в Строгине, на улице Твардовского.

В понедельник около пяти часов вечера на этом повороте опрокинулся ассенизационный автомобиль. Водитель цистерны на базе «ГАЗ-52» перед поворотом не снизил скорость, решив, что сможет справиться с маневром. Однако цистерна была заполнена только наполовину, и под действием центробежной силы её содержимое резко качнуло автомобиль. В результате машина опрокинулась, люк открылся, и на проезжую часть вылилось около ста пятидесяти литров фекалий.

Чтобы избежать столкновения с опрокинувшейся машиной, водитель «ВАЗ-2108», ехавший за «ГАЗом», резко затормозил. Правой стороной «восьмёрка» попала на разлившееся содержимое цистерны, а левой осталась на сухом асфальте. Из-за разницы в сцеплении с дорожным покрытием легковой автомобиль потерял управление, и его вынесло на полосу встречного движения. По счастливой случайности никто из участников аварии не пострадал.

На основании части 1 статьи 12.9. Кодекса об административных правонарушениях (Превышение установленной скорости движения), водитель цистерны будет оштрафован на 0,5 МРОТ — то есть на 50 рублей.

Вот ведь повезло парню на «восьмёрке»! Ехал, небось, на свидание, а попал в говнище! «По счастливой случайности никто из участников аварии не пострадал» Во-во — попасть в говнище — пострадать не значит. И говновоза всего на пятьдесят рублей оштрафовали, тоже не ахти какое страдание. Гаишники за вдыхание таких ароматов могли бы и срок навесить, но ничего, добрые оказались гаишники!

А вывод из этой заметки очень и очень прост: под действием центробежных сил говно рвётся наружу! А говно и есть та грубая реальность, которая прячется в цистернах окружающих мифов. Так нужно ли разрушать эту тонкую паутину мифов центробежным скальпелем правды? (красиво говоришь, Погарский! Вот оно, даже перед самим собой, перед своим собственным сознанием мы готовы рядить простые мысли в красивые одёжки метафор!).

На той же странице злодеяний-событий была и такая заметка:

ГРОЗА СТАРУШЕК

Сыщики МУРа задержали обидчика московских стариков и старушек — 26-летнего В.И.Митрофанова. Этот предприимчивый молодой человек звонил в двери квартир столичных пенсионеров и представлялся работником «Мосгаза». Доверчивые люди впускали его в квартиры, после чего злодей отбирал у своих жертв сбережения. Так, у 80-летней Валентины Тимофеевны Бибиковой с улицы Нижегородской Митрофанов отнял 500 рублей. 78-летнюю Елену Григорьевну Изотову с Сосинской обидел на сто рублей. 77-летнюю Веру Никитичну Столярову с той же Нижегородской — на 1200.

Сейчас Митрофанов арестован и даёт показания.

Гнусный вы человек, господин Митрофанов. Вот он обман чистой воды, и никакого мифа. А чем, собственно, отличается обман от мифа? Видимо, тем, что мифу мы рады обманываться, а обману не рады. Впрочем, всё это так, недержание мысли и пустая болтология. Любой обман может превратиться в миф и любой миф в обман. Точных критериев различия тут нет и быть не может. Это почти так же как и с поэзией: вот это стихи, а это не стихи, и никаких формальных отличий.

Но к чёрту, все эти околомифические рассуждения, нам интересна писанина господина Заикина. Вот он, голубчик. Вот он:

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТОВАРЕ ИКС

Наш специальный корреспондент Андрей Заикин продолжает журналистское расследование вокруг пресловутого товара ИКС.

Как мы уже писали в предыдущей статье, нити, сплетённые вокруг товара ИКС ведут к известному копирайтеру Погарскому и его брату Александру Маниулову. Я попытался навестить господина Маниулова в его офисе на Поварской улице. Александр Евгеньевич милостиво согласился принять меня в своих роскошных апартаментах, предложил дорогие сигары, французский коньяк, горячий шоколад, но не пролил света на эту запутанную историю. Он с интересом расспрашивал меня о моих изысканиях, о тусовке господина Погарского в 5-м Старорублёвском переулке, о моих методах работы и, в конце концов, предложил поработать у него в отделе ПиАра, пообещав такую зарплату, которой мне не заработать в родной газете и за год! Возможно, господин Маниулов этим предложением просто-напросто собирался купить моё молчание! Но я, взяв время на размышление, внутренне от этого предложения сразу же отказался. И вот, выходя из роскошного офиса, я чуть ли не нос к носу сталкиваюсь с «великим копирайтером», который, по всей вероятности, направлялся к своему шефу с докладом. О чём был их разговор, остаётся тайной за семью печатями. А мы продолжали свои поиски. Посетив отдел регистрации частных предприятий Центрального округа, мы выяснили, что компания Бизнес-Чайн зарегистрирована на имя Бекасова Андрея Григорьевича 22 июня 2002 года, т.е. всего-навсего за два месяца до начала рекламной кампании товара ИКС.

Возможность найти господина Бекасова нам пока не представилась.

Наше журналистское расследование продолжается.

Ушлым наш зайчик-то оказался! Землю роет, аки такса какая! А любопытно было бы узнать, что это за птица такая, Андрей Григорьевич Бекасов?

Я сидел в скверике на площади Восстания, и меня окружал огромный, непонятный, колючий мир, а у ног моих копошился маленький воробушек, деловито разбираясь с засохшей булкой. Нужно было идти на встречу с Сашкой. Идти не хотелось. Я успокаивал себя тем, что Беку и Хрому необходимо дать фору перед Сашкой. У него возможностей-то куда больше, и он этих мабуй добудет тысячами, не выходя из офиса. Я закурил очередную сигарету и пробормотал в пространство неизвестно откуда свалившиеся стихи:

*Жёсткое дыханье ста тысяч сознаний,
Колючий ветер тревожных мыслей
Разбиваются о грудку воробья,
Клюющего хлеб на асфальте...*

10.2 ВЫЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

Меня проводили в коричневую гостиную. В убранстве здесь преобладали янтарно-кофейные тона. И к столу, соответственно, были поданы французский коньяк, вирджинские сигары, миндальный орех. Сашка встретил меня в кремовом костюме, ослепительно белой рубашке, поверх которой был повязан тёмно-коричневый шейный платок. Я выпил рюмку и без особых преамбул перешёл прямо к делу.

— Саша, я готов слить тебе товар ИКС, но у меня есть несколько условий. Первое: я не буду у тебя работать, второе: деньги за информацию мне нужны сегодня, и третье: ты должен будешь честно, ЧЕСТНО, Саша, ответить мне на несколько вопросов.

— Первое условие меня, конечно, огорчает, но принимается. Со вторым условием мы поступим следующим образом: Я тебе, Мишель, безусловно, верю и в качестве доказательства своей веры готов выплатить 50 штук прямо сейчас, до того, как ты, по твоему собственному выражению, сольёшь мне информацию о товаре ИКС, но пойми, ведь и тебя могли ввести в заблуждение, я должен буду проверить эту информацию по своим каналам. И если она подтвердится, то не вопрос — остальные полторы сотни будут перечислены на твой счёт сегодня же.

(Та-ак, похоже, к товару ИКС Сашка всё-таки не имеет никакого отношения, раз готов отказаться от меня ради информации об этом грёбанном товаре. Тогда, чёрт возьми, всё запутывается ещё больше.)

— Сколько времени займёт эта проверка?

— Я думаю, мы сможем уложиться за полдня. Что касается 3-го пункта твоих требований, я должен сначала услышать твои вопросы, а уже потом решать, смогу ли я на них ответить честно.

Я положил перед Сашкой листок с заготовленными вопросами:

1. Мне предложили вести рекламную кампанию, неизвестного в то время товара ИКС.
2. В нашу компанию проник литератор Зайцев, он же Заикин.
3. В нашу компанию проник некто Сарк.
4. Неизвестные на двух джипах всучили мне ночью коробку, в которой лежала театральная маска.
5. Толпа подпитых юнцов пыталась отобрать эту коробку.
6. Цыганка, предостерегающая меня от чёрной воды и советуемая быть открытым.
7. Кавказцы, напавшие на меня на катере.
8. Бакен судьбы, подаренный Артуром.
9. Маленький толстый профессор, консультирующий Сашку по поводу моей персоны.
10. Сарк, похитивший Мишель и требующий в качестве выкупа информацию о товаре ИКС.

— Так твою девчущку похитили?!

— Похитили, Саша, похитили! И именно поэтому я здесь.

— Я здесь ни причём, Мишель, поверь мне! Это не мои методы. Через многое говно мне пришлось пройти, но ты... Ты для меня святое, Мишель! Я готов играть с тобой, играть по законам игры, но не подлости. Я выясню по своим каналам, на кого может работать этот Сарк.

Сашка нажал какую-то кнопку и раскрыл свой ноутбук. Через полминуты в комнате появился подтянутый молодой человек, и к этому же времени из принтера вылезла цветная фотография Сарка в фас, в профиль и в три четверти оборота.

— Срочно! Отложить все дела и выяснить всё об этом человеке.

Особенно интересуют его последние контакты, — приказал Сашка молодому человеку, протягивая ему фотографии Сарка.

— Спасибо, Саша...

— Да ты не думай, что я о тебе так уж забочусь. Меня не меньше твоего интересует, на кого работает этот Сарк. Ведь я покупаю у тебя информацию, которую, как я понимаю, ты сегодня вечером сольёшь этому Сарку. Я должен знать, с кем мне придётся потолкаться и стоит ли игра свеч. Что же касается остальных вопросов: я повинен в пунктах 4,5,7,9. Каюсь. Хотел расшевелить тебя и заполучить к себе, действовал по советам «маленького толстого профессора» — психологии, кстати сказать. И оч-чень мне любопытно знать — откуда ты-то о нём что-то знаешь?

— Да так, чистая случайность...

— Ну, хорошо, внимательно слушаю твою секретную информацию, — сказал Сашка и, подойдя к сейфу, вынул из него увесистую пачку долларов.

— Это мабуйя, Саша.

— Что-что?

— Мабуйя золотистая или *Mabuja aurata*, ящерка из семейства сцинковых. Проворна, хорошо лазает по скалам и деревьям. Питается насекомыми и другими мелкими беспозвоночными.

— Погоди, погоди. Товар ИКС — это что? Ящерицы?!

— Именно так, Саша. Видишь ли, в хвосте у этой замечательной рептилии странным образом скапливаются какие-то крайне необходимые человеческому организму элементы. По некоторым сведениям, кавказские долгожители обязаны своему долголетию именно этим маленьким зверушкам. Они настаивают чачу на хвостах мабуьи и пьют её по три чайные ложки в день, а горный воздух и здоровая пища — это уже так сопровождающие мелочи. Заметь, в мире до хрена и больше самых разных горцев, а долго живут почему-то только на Кавказе.

— Напиши.

— Что написать?

— Напиши, как точно называется твоя зверушка.

Не успел я вывести последнее «а», в слове *aurata*, как в комнату вошёл тот же самый молодой человек.

Сашка протянул ему листок с моими каракульками и сказал:

— Немедленно! Всё, что только известно, вот об этой ящерице.

И самое главное, кто в последнее время проявлял к ней интерес в промышленном масштабе. Отлов, разведение и т.д.

— Я прошу у тебя два часа времени, Мишель, быть может, даже меньше. Взамен я выдам тебе всю информацию, которую мои сотрудники наруют по твоему Сарку. Что ты предпочитаешь: бильярд, боулинг или настольный футбол?

— Пешт-даш.

— Что-что?

— Ну, пять камушков. Неужели ты, Сашка, забыл нашу любимую детскую игру?

— Пять камушков? А ты всё такой же, Мишель, — Сашка снова нажал свою кнопку.

— Серж, будьте любезны, принесите в бильярдную пять более менее круглых камешков диаметром около полутора сантиметров. Порода значения не имеет.

Порода значения не имеет.

10.3 ПЕШТ-ДАШ

В Пешт-даш (что переводе с тюркского означает «пять камешков») играют следующим образом: на стол (или на пол, в зависимости от условий) бросается четыре камешка; игрок, подбрасывая пятый камешек, должен во время его полёта схватить со стола (с пола) другой камешек и так, по очереди, собрать все четыре; если он сбивается, то ход переходит второму игроку; сначала камушки собираются по одному, потом по сразу по два, а потом три+один; после прохождения этих трёх этапов, игрок делает ворота из своей левой кисти, а правой забрасывает в эти ворота раскиданные по полю камешки, подбрасывая при этом пятый.

Меня всегда пленяло в этой игре то, что двигаться вперёд можно только во время полёта. Взлёты и падения камешка отмечают твой путь вперёд.

*Взлёты и паденья камешка отмечают твой путь вперёд.
Провалы и взлёты мысли перемещают вверх.
Кто ты, печальный странник, выбравший эту жизнь?*

Мы устроились в роскошной бильярдной. Потягивали критское вино. Подбрасывали камешки и перебрасывались мыслями.

— А что, Саша, не оставил ты свои планы по разумной трансформации нашей матушки Земли? Помнишь, подспудное управление цивилизацией... сеять разумное, доброе, вечное и давить всяческих недоносков, мешающих движению человечества к всеобщему счастью и благоденствию...

— Не утрируй, Мишель. У меня никогда не было таких далеко идущих планов. Да, я пытаюсь вмешиваться в жизнь огромных сообществ. Но я за последнее время очень и даже очень поумнел. Вернее даже и не поумнел, а стал мудрее. Я понял, Мишель, что невозможно до конца просчитать последствия того или иного шага. И мне не хочется своими благими намерениями мостить дорогу в преисподнюю. Сегодня я ставлю небольшие эксперименты по локальным точечным вмешательствам. И ты даже представить себе не можешь, насколько несложно управлять людьми. Вот допустим, мне нужно поднять цены на российскую нефть. Для этого существует множество способов, — Сашка, подбросил камешек и ловко подхватил со стола ещё один, — например, объявить экономическую блокаду Ираку. Для этого нужно спровоцировать захват Ираком Кувейта и ответные санкции Америки. Специально обученные люди засылаются в Ирак. Саддаму Хусейну и его ближайшему окружению посылаются сотни божественных знаков, и если он не совсем слепой, то, в конце концов, внемлет голосу провидения. В то же самое время в интернет забрасывается несколько тщательно проработанных стратегий оптимального поведения США в сложившейся ситуации. Стратегии, разумеется, не дают прямых указаний и рекомендаций, но подталкивают людей, обладающих правом голоса, в нужную сторону. Потом специально для этих людей появляются конкретно для каждого из них разработанные ссылки, которые размещаются на их любимых сайтах. Каждому достаётся его персональная стратегия. И никто даже не догадывается, что сумма этих стратегий направлена в нужную мне сторону. — Сашка, подхватил со стола очередной камешек и улыбнулся своей обаятельной детской улыбкой.

— Саша, неужели такие ходы проходят?

— Проходят. Ещё как проходят, Мишель. Чем выше человек поднялся, тем глубже у него вера в свою непогрешимость и значительность и тем легче им управлять. Только делать это нужно очень и очень тонко. Ты знаешь, порой заставить какого-нибудь дворника посоветовать тёте Клаве то-то и то-то куда труднее, чем привить необходимую точку зрения американскому сенатору, или подвигнуть к какому-нибудь поступку фанатичного исламиста

— Погоди, погоди, а зачем тебе нужно манипулировать дворником?

— Иногда просто для тренировки своего персонала. А иногда это может быть важным звеном в цепочке внушений. От дворника к тёте Клаве, от тёти Клавы к Марье Ильинишне, а от Марьи Ильинишны — к супруге Самого! Наши политики, видишь ли, интернету пока слабо верят, их скорее направят в нужную сторону сетования жены, любовницы или собутыльника.

— Неужто через дворника можно дотянуться до президента?
И очень даже просто, и самое главное — концов не найдёшь. Знаешь теорию пяти рукопожатий?

— Типа того, что всегда можно найти цепочку из пяти посредников, через которую мы жали руку практически любому человеку на земле?

— Во-во! Только мне наплевать на рукопожатия. Мне важны эти цепочки для проведения в умы необходимых мне идей.

— Неужели же у тебя никогда не бывает сбоев?

— Бывает, но не часто. С тобой, например, произошло полное фиаско. Ты, Мишель, как был уродом, не поддающимся управлению, таким же и остался. И это, честно сказать, очень и даже очень радует.

— А ты не боишься, Саша, что, может быть, и тобой управляет кто-то более искусный?

— Ну, положим, вряд ли такой уникам на нашей многогрешной земле найдётся. Вот, разве что ты :) так тебе это вроде бы ни к чему.

— Но ты же понимаешь, что этот кто-то должен быть невидимкой! Ведь те куклы, которых ты дёргаешь за ниточки, и в страшном сне не увидят такого кукловода, как ты!

— По большому счёту, Мишель, конечно, побаиваюсь. Помнишь, как нам дед говорил: «А ещё, дети, не нужно врать, потому что, соврав, вы и в других будете видеть лгунов, и в конце концов разучитесь верить людям, а это очень и очень страшно — разучиться верить». Так вот, Мишель, я уже очень давно никому не верю! Вся, абсолютно вся информация, приходящая ко мне, подвергается такой мощной фильтрации, такому процеживанию через моё собственное сознание, что не только ложь, но и намёк на ложь пресекается в самом корне. Впрочем, я был бы, наверное, рад, если бы нашёлся кукловод, способный дёрнуть меня за ниточки. Ведь я же, Мишель, не зомбирую своих марионеток, не включаю методы кодирования, 25 кадра, нейролингвистики. Я просто показываю нужному мне человеку одну из оптимальных для него стратегий поведения. Он бы и сам рад ей следовать, да без меня не знает, какая она.

— Но ты же сам говоришь, что этих стратегий несколько, а ты подталкиваешь человека к нужной именно тебе стратегии.

— В руках у разных кукловодов куклы ведут себя по-разному, но без кукловода они мертвы! Так пусть же будут благодарны, что я даю им хотя бы одну жизнь!

— Мне кажется, что мы с тобой оказались в плену метафоры кукол и кукловода. Но ведь это очень приблизительная метафора, не отражающая истинного положения дел. Здесь ведь скорее речь идёт о режиссере и об актёрах, обладающих собственной свободой воли.

— Нет, не совсем так. Актёры знают о существовании режиссёра и изо всех сил стараются воплотить в жизнь его замысел. А мои марионетки живут в полном согласии со СВОЕЙ свободой воли. Ну, скажи мне, Мишель, что твоя свобода воли, твой выбор, твоё мировоззрение, они что, изнутри тебя, сами собой проросли? Что, твоё сознание не зависит от кучи прочитанных книжек, от фильмов, разговоров, от огромной массы случайностей попадавших на твоём пути? Я же ничего такого ужасного-то не делаю. Я просто беру

на себя роль осознанной случайности. Я разбрасываю знаки, которых и без меня в этом мире достаточное количество. Я просто добавляю к тысячам знаков судьбы ещё десяток другой своих собственных. Скажи мне, кому от этого плохо?

— Видишь ли, Саша, ты присваиваешь себе авторитет Случая! Авторитет некой непостижимой, запредельной силы! И одно дело, когда человек следует за чем-то высшим и недоступным, а другое — когда его водит за нос свой же брат человек!

— Словоблудие, Мишель, — я для них и есть нечто высшее. Да, я человек. Но люди всегда с удовольствием шли за другими людьми, за своими учителями, отцами, вождями — за теми, кто сильнее и умнее их!

— Возможно, ты в чём-то прав, Саша. Но где-то вот здесь и проходит некая тонкая грань, которую трудно описать словами. Грань открытости, что ли... Ведь вожди вели людей в открытую, а ты манишь их, как рыбу на приманку... Впрочем, мне надоел этот спор... Ты ведь много раз думал об этом, и мои десять реплик вряд ли поколеблют твою уверенность.

— Да, разумеется, я думал об этом. И если честно, то сомнений в моей голове хватает. Но ведь ты же знаешь, что любой истинный путь — это всего лишь поиск пути. Ну, а ты сам-то в своей рекламе, что, не тем ли же самым и занимаешься?

— Отчасти, конечно, же — да, но только отчасти! Потребители ведь понимают суть игры под названием «реклама». И в этом смысле я играю с ними в открытую. Я пытаюсь им навязать своё видение товара, а они выживают из него то, что хотят выудить.

— Прекрати, тебе ли не знать, что такое скрытая реклама!

— Дык ведь все о ней знают! И все имеют право процеживать информацию и под этим углом зрения.

— Тогда кто моим марионеткам мешает догадаться о возможности определённого манипулирования их волей?

— Не знаю, Саша, я ведь тоже много думал об этичности рекламного или иного мифотворчества. И понял, что мерилом тут может служить только такая ненадёжная штука, как совесть. Так вот, моя совесть восстает против твоего манипулирования людьми. Я не могу судить тебя за это. По большому счёту, ты ведь действительно не делаешь никому ничего плохого. Ну, подумаешь, превратил Кувейт в мясорубку, рано или поздно на него всё равно бы напали, ты лишь спровоцировал то, что и так должно было случиться. Но это, Саша, психология палача: «Если не я, то всё равно найдётся другой, а мне семью кормить надо».

— Ты рассуждаешь однобоко, Мишель, каждый мой проект рассматривается с тысяч различных точек зрения, и моя личная выгода далеко не всегда ставится во главу угла. Мои аналитические прогнозы показывали, что если бы в августе 1990 года Ирак не напал на Кувейт, то мировое сообщество не ввело бы торгово-экономической блокады, и ЦРУ не провело бы мощнейшей диверсионно-разведывательной кампании по предотвращению разработок Ираком ядерной бомбы. Ядерное оружие Ирака стало бы реальностью. Мир повис бы на волоске. Да, мне пришлось пожертвовать малой кровью, чтобы избежать крови большой, поднятие цен на нефть в этой операции

было лишь небольшим сопутствующим продуктом. Пойми, Мишель, у меня тоже есть свои принципы, и я никогда не прибегаю к насилию исключительно ради денег.

Я был просто оглашен подобным поворотом событий. Сашка на моих глазах из финансового афериста превращался чуть ли не в спасителя человечества! Но что-то всё равно меня тревожило, какой-то камушек никак не хотел укладываться в моём непутёвом сознании.

— Но, Саша, скажи мне, раз ты способен влиять практически на любые мозги, то почему бы тебе было не внушить тем же директорам ЦРУ мысль о проведении этой их деятельности по предотвращению ядерных разработок Ирака? Неужели этого нельзя было сделать без нападения на Кувейт?

— Этот вариант тоже рассматривался, но в этом случае ЦРУ само бы спровоцировало тот же самый военный конфликт, чтобы получить деньги на проведение антиядерной кампании. Только провокация в этом случае была бы гораздо более жестокой и, заметь, опять же из самых лучших побуждений. Даже если бы я активно поработал с головами сенаторов и убедил их дать деньги, то ЦРУ всё равно бы подстраховалось. Я слишком долго изучал своего основного конкурента, чтобы иметь иллюзии по отношению к его методам работы.

— Знаешь, что меня больше всего пугает во всей твоей деятельности? Меня пугает именно сама возможность подобных манипуляций. Хорошо, ты, например, стремишься к чему-то высокому, и у тебя есть определённые принципы, но твоя методика в руках других людей крайне опасна! Неужели ты этого не понимаешь! А ведь для твоей команды далеко не секрет, чем ты занимаешься, и неужели ты готов поручиться за любого из своих сотрудников?

— Ты, Мишель, самый информированный из всех моих сотрудников. Каждый из них работает на своём узком кусочке, порой даже близко не представляя, чего ради он делает то-то и то-то. Моей методике невозможно научиться. Каждый случай индивидуален! И в каждом конкретном случае я выступаю в роли творца. Обладать подобным талантом дано далеко не каждому, и мне кажется, человек, способный на это, всегда будет стремиться к высоким идеалам. Как раз в этом случае гений и злодейство вряд ли совместимы.

— Саша, но ты ведь не Бог! Где гарантия, что в твои анализы не вкрадётся ошибка? И какая плата будет за эту ошибку!?

— Гарантий никаких, — сказал Сашка и грустно посмотрел в окно, — а помнишь, Мишель, когда я научил тебя играть в пять камушков, ты сказал: «На этих камушках жизнь не построишь. Совсем другие камни нужно положить в основание души!»

— Да, и мы с тобой ещё тогда написали на листочках по пять книг, фильмов и песен, которые мы бы взяли с собой на необитаемый остров.

— Ну что, напишем по новой, с высоты прожитой жизни? :)

Мы взяли по листочку бумаги и записали там свои основные камушки, которые хотелось бы положить в основание души. Вот что у нас получилось.

Мой список был таким:

Книги:

1. Юрий Коваль. *Самая лёгкая лодка в мире.*
2. Хулио Кортасар. *Игра в классики.*
3. Андрей Битов. *Человек в пейзаже.*
4. Геннадий Алексеев. *Обычный час.*
5. Джером Сэлинджер. *Выше стропила, плотники.*

Фильмы:

1. Карен Шахназаров. *Мы из джаза.*
2. Отар Иоселиани. *Охота на бабочек.*
3. Отар Иоселиани. *In vino veritas.*
4. Андрей Черных. *Секрет виноделия.*
5. Эмир Кустурица. *Чёрная кошка, белый кот.*

Музыка:

1. Бетховен. *Лунная соната.*
2. Курёхин. *Музыка к фильму «Господин оформитель».*
3. Ландсберг.
4. Марк Бернес.
5. Михаил Щербаков.

Сашкин список был следующим:

Книги:

1. Имануил Кант. *Критика чистого разума.*
2. Михаил Веллер. *Похождения майора Звягина.*
3. Кен Кизи. *Песнь моряка.*
4. Харуки Мураками. *Трилогия крысы.*
5. Герман Мелвилл. *Моби Дик.*

Фильмы:

1. Райнер Фасбиндер. *Тоска Вероники Фосс.*
2. Александр Рогожкин. *Кукушка.*
3. Федерико Феллини. *8 и 1/2.*
4. Питер Гринауэй. *Рукописи Просперо.*
5. Фрэнсис Коппола. *Крёстный отец.*

Музыка:

1. Бах. *Брандербургский концерт*
2. *Beetle's.*
3. *Led Zeppelin.*
4. *Pink Floyd.*
5. *Tom Waits.*

— Ты смотри, Мишель, ни одного совпадения! А помнится, в наших детских списках было совсем мало различий, — и с этими словами Сашка подошёл к роскошному ореховому бюро и вытащил несколько пожелтевших листочков. *Листочков из нашего детства!*

Я осторожно развернул эти маленькие драгоценные реликвии. И прочитал списки, которые мы писали более четверти века назад.

Мой список был таким:

Книги:

1. Рафаэль Сабатини. *Одиссея капитана Блада.*
2. Александр Дюма. *Три мушкетёра.*
3. Михаил Энде. *Бесконечная книга.*
4. Джек Лондон. *Смок и Малыш.*
5. Жюль Верн. *Таинственный остров.*

Фильмы:

1. *Бумбараш.*
2. *Кавказская пленница.*
3. *Невероятные приключения итальянцев в России.*
4. *Иван Васильевич меняет профессию.*
5. *Неуловимые мстители.*

Песни:

1. *Владимир Высоцкий.*
2. *Юлий Ким.*
3. *Beetle's.*
4. *Юрий Визбор.*
5. *Булат Окуджава.*

Сашкин список от моего отличался действительно не очень многим:

Книги:

1. Рафаэль Сабатини. *Одиссея капитана Блада.*
2. Александр Дюма. *Граф Монте-Кристо.*
3. Джек Лондон. *Время не ждёт.*
4. Даниель Дефо. *Робинзон Крузо.*
5. *Большой энциклопедический словарь.*

Фильмы:

1. *Неуловимые мстители.*
2. *Фантомас.*
3. *Четыре танкиста и собака.*
4. *Капитан Тэнкиш.*
5. *Семнадцать мгновений весны.*

Песни:

1. *Владимир Высоцкий.*
2. *Самоцветы.*
3. *Beetle's.*
4. *Юрий Антонов.*
5. *Булат Окуджава.*

Что же, краеугольные камни наших душ за четверть века сильно изменились.

10.4 КРАТКИЙ ДОКЛАД ПО ДВУМ ПУНКТАМ

В бильярдную вошёл Сашкин референт с докладом о проделанной за это время работе.

Это был всё тот же самый молодой человек с точёными манерами, но сменивший костюм! Если в коричневой гостиной он появлялся в тёмно-коричневом твидовом костюме, то в бильярдную пришёл в тёмно-зелёном, льняном.

Сашка уютно расположился в плетёном кресле и кивком головы разрешил приступить к докладу.

— По первому вопросу удалось выяснить следующее. На выданной нам фотографии изображён господин Кроликов Семён Аркадьевич, по прозвищу Сарк, произошедшего, по всей видимости, от инициалов. Господин Кроликов имел профессию свободного литератора и писал заказные книги на самые широкие темы. Последний заказ был получен им от Этнографического общества на написание брошюры об острове Борнео несколько дней назад. Этот заказ Кроликов обмывал со своим другом Дмитрием Гуревичем. Вечером, будучи в изрядном подпитии, Кроликов, по словам Гуревича, ушёл в сопровождении двух элегантно и даже несколько театрально одетых мужчин. А на следующий день Коликов расспрашивал Гуревича об этих господах, причём у Гуревича сложилось впечатление, что Сарк сильно напуган. На следующий день Кроликов познакомился в бильярдной с господином Хромовым Владимиром Николаевичем (*вон оно как, оказывается, Хрома-то зовут*), который представил его своим друзьям, а именно: вашему кузену господину Погарскому, господину Шарикову...

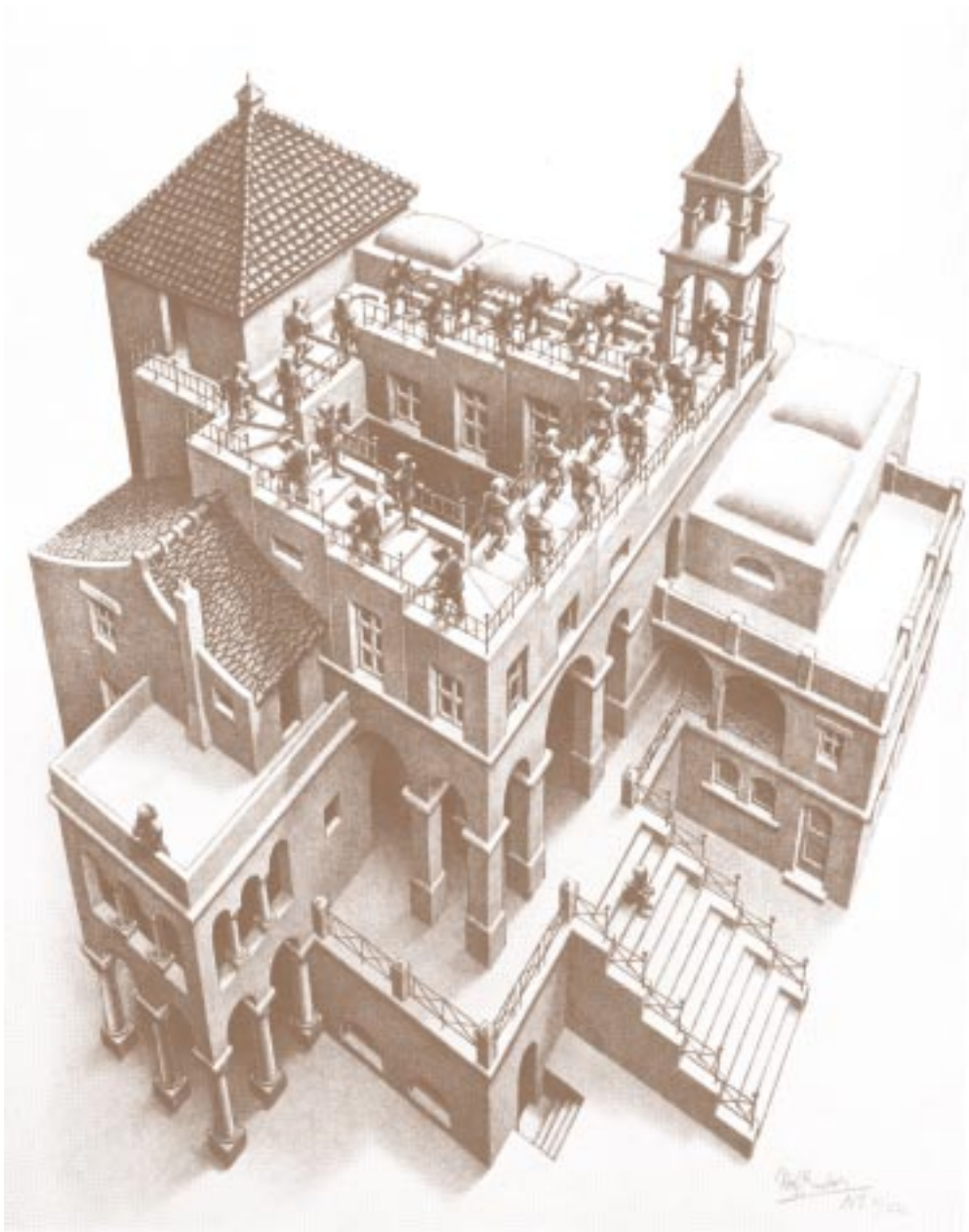
— По первому вопросу достаточно, Серж, — прервал своего референта Сашка, — необходимо выяснить, что это за театрально разодетые господа и кто за ними стоит! Переходим ко второму пункту.

— Мабуяя золотистая, по нашим сведениям, действительно обладает высокими лечебными и оздоровительными свойствами. Однако промышленного производства настоек из хвостов этих ящериц семейства сцинков до сих пор налажено не было. До последнего времени никто из фармацевтических магнатов не подминал по себя эту рептилию. Но буквально сегодня в Турции была зафиксирована самая крупная продажа Мабуйи. Было продано 294 ящерицы, по цене 3,7 доллара за экземпляр. (*Ага, видимо, Бек неплохо поработал в Стамбуле.*)

— Достаточно, Серж, — снова прервал референта Сашка, — необходимо срочно заняться закупкой этой милой зверушки. Бросить на это все силы. Ну что ж, Мишель, твоя информация подтвердилась, дело оказалось не таким крупным, по сравнению с рекламной кампанией, но твои 150 штук зелени будут сегодня же переведены на счёт. Всё, что удастся нового нарыть об этом Сарке, сообщу незамедлительно. Удачи тебе, Мишель!

Я вышел, уткнувшись в мелкий морозящий дождик, и набрал номер своей маленькой Мишель.

Глава одиннадцатая. Ремонт кармы

*Убавляй интеллектуальный и эмоциональный шум,
пока не доберёшься до своей тишины, и слушай.
(Ричард Бротиган. Инструкция по ремонту кармы: пункт 3)*

11.1 ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АВТОБУС

Сарк назначил мне встречу где-то у чёрта на куличках. В каком-то странном дачном посёлке, так и называвшемся «Кулички»!

Я взял такси и, сообщив шофёру замысловатый адрес, откинулся на заднем сиденье.

*Фонари и светофоры отражались в чёрных лужах,
звук клаксонов, шум сигналов, слёзы августа в стекле...
И куда меня уводит незнакомая дорога?...
Расскажи, бродяга-дождик: «Есть ли счастье на Земле?»*

Бормотались стихи в утомлённом сознании... Сквозь мелькание дворников, завесу дождя и размытые вкрапления огней проступало лицо Мишель. Она откидывала со лба непослушные прядки чёрных волос, капельки дождя стекали по её худеньким щёчкам, промокшие плечики под беленькой блузкой вздрагивали от холода. И тогда я прикрыл её полой своего старого поношенного плаща. Мы ждали автобуса на какой-то богом забытой автостанции. Вскоре подошёл разбитый маленький «ПАЗик», словно выпрыгнул из какого-то фильма конца 50-х годов. А может быть, это был американский автобус, выбравшийся со страниц Джона Стейнбека. «Кому на Кулички, садитесь!» — прокричал плечистый шофёр, не выходя из кабины. «По чём стоит?» — поинтересовалась сухонькая старушка с древним, как и она сама, зонтиком. «Да-а, кому сколя не жалко!» — добродушно отозвался шофёр.

Толпившийся на станции народ стал неспешно подтягиваться к автобусу. Первой забралась старушка с зонтиком, потом толстая тётка в синем халате, с бельевой корзиной, из которой доносилось пищанье цыплят, юный парень с молоденьким суetyщимся спанием на брезентовом поводке, дородный прапорщик в кирзовых сапогах, держащий за руку маленькую девочку в платочке, как будто только что сошедшую с шоколадки «Алёнка», и мы с Мишель, забравшиеся на заднее сиденье... И не успели мы с ней усесться, как автобус тронулся. «Подождите, подождите! — закричала старушка, — ещё есть два свободных места!». «Некогда нам, некогда! — пророкотал водитель, — и так из графика выбились!»

Мы мчались по провинциальному городку, распугивая болтавшихся без дела собак. Пассажиры поочерёдно просили водителя закрыть двери, а он что-то такое говорил, что рано и что он, когда нужно, то и закроет. У меня закрадывалось подозрение, что это или пьяный или сумасшедший. Мелькнула мысль, а не выпрыгнуть ли на полном ходу, пока ещё не поздно? Но тут-то как раз двери и захлопнулись!

Мы выехали за город, дорога стала забирать круто в гору. И вдруг в какой-то момент свернули с наезженной колеи прямо в берёзовую рощу. Автобус выписывал невообразимые зигзаги, буквально протискиваясь между берёз, а иногда как бы и повисая на них. «Вы не волнуйтесь, я классный водитель! Мы и не в таких переделках езжали!» — кричал наш странный шофёр. И тут наступила кульминация! Мы в буквальном смысле сверзились с отвесного обрыва в какую-то бездонную пропасть. Автобус на долю секунды повис боком на высохшем горизонтально торчащем дереве. Безумолчно пищали цыплята. Куда-то рвался прапорщик. Старушка зачем-то раскрыла свой древний зонтик. Заливисто лаял спаниель. Мишель прижалась ко мне всем своим худеньким подрагивающим от страха телом. А я лежал на оконном стекле, изо всех сил уцепившись за поручень, как будто он один мог мне служить порукой реальности. «Всё нормально! — орал шофёр, — сча мы! Сча вырулим! Вы только держитесь там! Держитесь покрепче!» Автобус дёрнулся вперёд по отвесной стене. Мы описали петлю вокруг первого дерева и плюхнулись другим бортом на следующее дерево. Потом эта операция повторилась. И так, кувыркаясь по высохшему горизонтальному лесу, мы начали этот странный и неповторимый спуск в бездну. «Всё хорошо! Пока всё хорошо, — гудел шофёр, — дорога верная!» Но у меня всё глубже и глубже зрело чувство, что мы вот-вот должны сорваться! «Да где же? Да где же она, зараза?!» — о чём-то своём бурчал шофёр. И мы сорвались!!! Я изо всех сил прижал к себе Мишель, готовясь хоть как-то смягчить неминуемый удар своим телом. «Ага! Вот ты где!» — прорычал шофёр. Мы плюхнулись днищем на верхушку какого-то особо длинного дерева. Дерево сильно прогнулось, спружинило и изо всей силы подбросило нас вверх... Мы летим... нас несёт неведомая, мистическая сила! Чувство страха тут же перерастает в щенячье чувство восторга. Полёт! Полёт без правил. Ощущение полёта. Наверное, даже невесомость! Конечно, мы скоро грохнемся и неминуемо разобьёмся, но это уже не страшно. «Ле-е-етим!» — радостно кричит Мишель, и вся её фигурка распускается, словно цветок на восходе солнца. «Летим!» — вторит ей девочка с шоколадки и весело хлопает в ладоши. «Летим!» — удивлённо говорит прапорщик и отрешённо плюхается в кресло. «Летим! Ещё как летим!» — кричит наш странный шофёр, упираясь в руль, как в штурвал самолёта. Ещё несколько секунд мы планируем прямо над оказавшемся внизу шоссе, и вот уже колёса коснулись земли! Нас несколько раз сильно встряхивает, автобус подпрыгивает на едва различимых выбоинках. Мы мчимся! Мы мчимся по твёрдой дороге! Ещё более сильный восторг охватывает всех нас! Оказывается, какое-то чувство может быть сильнее счастья полёта, и это чувство — нежданное избавление от неминуемой гибели...

«Приехали, — говорит наш безумный водитель, — вот здесь-то они и есть, Кулички!»

Вокруг, насколько хватало глаз, цвели дикие яблони...

«Всё, браток, просыпайся, приехали, — говорит таксист, — вот они, твои Кулички!»

На автобусной остановке в тёмной пелене дождя стоял в каком-то сером балахоне сутулый и угрюмый Сарк.

11.2 КРОЛИКОБРОДСТВО

Миф позвонил без десяти десять. Если это не какой-то хитрый трюк, то, похоже, дело сделано! Снесла курочка золотое яичко! Только вот кто его купит? Куда же запропастились его наниматели? Они обещали выйти на связь сегодня в восемь и не позвонили. Что же случилось? Что же могло случиться? Миф говорил, что ему, в отличие от меня, известны мои наниматели! Но откуда? Скорее всего, на пушку брал! Хотя? Он ведь больше во всех этих кругах варился, мог и догадаться каким-то образом! А если он уже был у них и уже слил всю свою грёбанную информацию об этом говняном товаре?! Что тогда?

Что, получается, плакали его денежки!? Просто так они не могли не позвонить. Не те, как говорится, люди! Значит, что-то случилось! Значит, Миф был у них! И что же делать? Вот угораздило его вляпаться! Как хорошо было договорено: получаете информацию, мы звоним Вам сразу же после встречи, откуда будем знать? Помилуйте, Семён Аркадьевич, мы пока только мысли читать не умеем, а всё остальное дело техники! За пару часов информация проверяется, если она подтверждается, отпускаете девчонку, мы вам сообщаем код ячейки в Олимпийском бассейне, где на следующий день вас будет ждать олимпийская награда! А теперь???

Ну, часа через два приедет Миф, ну, выдаст ему информацию, и что делать? Надо же, только мысли читать не умеют! А что если? А что если, как он видел в кино, такие узконаправленные микрофоны, да к чёрту узконаправленные! Маленькая иголочка, воткнутая в одежду, и всё! Скрипач не нужен! Вот что. Вот что надо делать! Мы пойдём в баню! В бане, в душе, под шум льющейся воды! Вот уже тогда и попробуйте! Вот тогда уже не подслушаешь! Так-так-так. Телефон наверняка прослушивается. Тогда ножками, Сеня, ножками. Курочка спит, похоже! Да и куда она денется с пятого этажа подводной лодки! Ладно, до встречи с Мифом ещё как минимум час — успею сгонять до бани, заказать и обратно.

11.3 ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ

Наконец-то, этот противный Сарк куда-то умотал! Все телефоны утащил, гнида! Ну, ничего, ничего, он ещё узнает, с кем связался! Не бойся, Миф, я не подведу тебя! Ты ещё будешь гордиться мной! Что она, не сумеет, что ли, по простыням спуститься? Подумаешь, дело какое! Она на физкультуре по канату лучше всех мальчишек умеет! Вот только к соседям нельзя! Нельзя впутывать в это дело милицию! Будут таскать Мифа, и ещё непонятно, как это всё на нём скажется.

Мишель судорожно вязала простыни, изо всех сил затягивая узлы. В ход пошло всё: скатерти, занавески, пододеяльники, покрывала...

Пять этажей — каких-то четырнадцать метров, не так-то уж много и нужно тряпья!

Тряпья-то хватает! Смелости бы хватило! О боже, какой там дождик! А у неё всего лишь тоненькая блузочка, которую купил ей к деловому визиту Миф! Ничего, она сильная! Она выдержит! Лишь бы Сарк раньше времени не вернулся!

И вот маленькая пятнадцатилетняя девочка в тонкой белой блузочке, насквозь пробиваемой холодным ночным дождём, начала свой героический спуск в чёрную бездну городского двора! О, если бы тут хотя бы были балконы! Она могла бы отдыхать. Увы! Ей предстояло 14 метров и практически без передышки!

Когда алкоголик Илья Мастихинов, живущий на четвёртом этаже поселкового дома, увидел промелькнувшее за окном девичье лицо, то понял, что водки на сегодня, должно быть, уже достаточно, и умиротворённо отключился.

Спаниель Гаврик с третьего этажа, отчаянно тявкнул и, храбро рыча, попятился под спасительную тумбочку.

А трёхгодовалая девочка Алёна Шоколадкина радостно улыбнулась спускавшейся мимо её окна Мишель.

И вот, наконец-то, Земля! Несколько ссадин на локтях и коленках, да нервная дрожь во всём теле. Зато! Зато как она бежала от ненавистного дома! Это был не бег — был настоящий полёт! Она неслась сквозь струи дождя и ветра! Куда? Какая разница?! Куда-нибудь, только бы подальше от Сарка! Луг, мокрая трава, берёзовая роща. Ну, всё-всё, здесь уже не найдёт. Здесь можно успокоиться. Можно успокоиться и подумать. Подумать, куда же ей в самом деле идти?

Миф говорил, что все дороги ведут туда, куда нужно, разница только в том, что одна из них короче, а другая длиннее. Если важна цель, то нужно идти напрямик, пробивая лбом плоскость листа Мёбиуса, а если важна сама дорога, если важен путь...

И тут Мишель поняла, что она находится одна в ночном лесу, что идёт дождь, что ей холодно и что она заблудилась...

11.4 ТОЧКА ЛИБРАЦИИ ДУШИ

- Ты один? — хрипло спросил озирающийся по сторонам Сарк.
- Один, один. Успокойся. Где Мишель?
- Да всё в порядке с твоей Мишель, не волнуйся. Иди за мной.

Мы шли сквозь потоки уходящего лета. Пахло сеном, навозом, сырой землёй и уходящей юностью. Я всегда любил дождь. Дождь и ветер!

Кто-то из героев Коупленда в «Поколении ИКС» спрашивает: вот если бы при ускользании в другой мир тебе бы разрешили взять всего одно воспоминание, то что бы ты взял? Я бы, наверное, взял с собой бескрайние окские луга: как мы бредём с отцом сквозь мелкий осенний дождик, вечереет, в просветах облаков мелькает бледное сияние луны, насколько хватает глаз, громоздятся стога грязно-песочного цвета, и этот запах мокрого сена!!! Казалось, что уж тут такого особенного? Но вот поди ж ты! Вот и здесь, у чёрта на куличках, звучит в унисон с моими воспоминаниями тот же самый запах... Вот так бы вот идти и идти, зная, что впереди тебя ждёт встреча с Мишель. Маленьким весёлым лягушонком — его девушкой! Похоже на то, что он её первый парень, и похоже на то, что она его последняя девушка. Лишь бы выбраться им из этой катавасии! Купить, на фиг, домик в какой-нибудь глухомани, копать огороды, писать стихи... К чёрту все эти проблемы! К чёрту Сашку с его мироустройством! Со своей бы душой, дай-то бы бог, разобраться...

Сарк вошёл в небольшой уютный домик, в котором пахло берёзовыми вениками и баней. Похоже, это и в самом деле была баня. Вот придурок! Нашёл где устроить логово!

- Раздевайся, Миф, сейчас пойдём париться.
- Что-что? Ты чо, Сарк, охренел, что ли, вообще?
- Париться, говорю, пойдём, там всё и расскажешь.
- Да не хочу я париться! Нашёл время, блин.
- Так надо, Миф. Мы ненадолго. Как расскажешь всё, так и выйдем.

И вот ведь, глупость какая! Казалось бы, до бани ли ему сейчас? Но за рассказом про эту Х-тварь мабуйю, тело вошло в какой-то одному ему известный ритм, который потянул за собой и душу. И приятные волны тепла утаскивали меня из мира проблем в пространство покоя и отдохновения. Как будто бы с паром и потом таяла зима той самой тревоги, которую уже кто-то когда-то давным-давно описал...

- Ну ладно, Миф, ты тут попарься ещё, а мне пора.
- погоди, Сарк, мы так не логоваривались! Я тебе информацию, ты мне Мишель.
- Но, пойми, Миф, я должен проверить!
- Хорошо, а где гарантия, что после проверки ты мне вернёшь,

Мишель?

- Ну, подумай, Миф, на хрена мне твоя Мишель?
- Не знаю?! Она свидетель. И она тебе, Сарк, и в самом деле не нужна.

Я с тобой играю в открытую, Сарк! И вот что я тебе скажу! Ты никуда отсюда без меня не пойдёшь! — с этими словами как будто некая скрытая пружина выбросила меня из банной расслабленности! Я без особого труда вывернул руку у довольно хлипкого Сарка и, прижав его носом к стенке, сказал: мы сейчас же идём к Мишель, я забираю её, и мы после этого едем домой, а ты со своей икстрёбанной информацией катись, бля, ко всем чертям!

Сарк начал о чём-то скулить, но я даже не давал себе труда прислушаться к его неразборчивому бормотанию.

Душа качалась, как огромный космический маятник, иногда замирая в некоей точке либрации. И этой точкой была мысль о встрече с Мишель.

11.5 СКАЗКА ЗАБРОШЕННОЙ ХИЖИНЫ

И вдруг посреди леса мелькнул какой-то огонёк. Почему-то тут же вспомнилась сказка про мальчика с пальчика — как они вот так же в лесу пошли на огонёк, а там оказался людоед!

Огонёк был слабый, как будто от свечи или от керосиновой лампы. Выбивался он из небольшого оконца, проделанного в дупле гигантского дуба. Из второго, дупла, примыкающего к земле, была сделана аккуратная дверка. Это уже, конечно, был не дом людоеда, а скорее хижина гнома или нора хоббита. С замирающим сердцем Мишель постучала.

— Входи, добрый человек. — послышался хрипловатый старческий голос.

В дупле огромного дерева стоял небольшой стол и продолговатая скамейка, на которой, видимо, можно было и спать. На столе стояла свечечка и лежала какая-то потрёпанная книга на незнакомом Мишель языке. На скамеечке сидел небольшой старичок в круглых очочках и внимательно смотрел на дрожащую от страха и холода Мишель.

— Не дрожи. Дрожать должна душа, а не тело, причём не дрожью страха, а дрожью восторга. Неужели ты не видишь, как прекрасен наш мир! — мягко проговорил старичок.

— Кто Вы? И почему, если мир так прекрасен, Вы сидите, закрывшись от него в дупле?

— Меня зовут Иван Навинович, а в дупле я прячусь от дождя, а не от мира, — засмеялся старичок, — а вот кто ты, прекрасная нимфа дождя или сказочная фея кучевых облаков?

— Я Мишель, — сказала Мишель, — я заблудилась.

— Что же, — сказал старичок, — мой дом — твой дом, мой чай — твой чай, мой хлеб — твой хлеб, — с этими словами он налил ей кружку горячего чая из термоса и протянул кусок чёрного хлеба.

О боже, что это был за чай! Казалось, ароматы всех трав всего мира собрались в маленькой кружке, которую держала Мишель. А хлеб! Никогда она ещё не ела такого вкусного хлеба!!!

Старичок уложил Мишель на свою скамеечку, которая показалась ей очень удобной, укрыл своим, пахнущим чем-то невообразимо приятным, пальто и стал рассказывать сказку:

Жила-была одна маленькая девочка. Жила она вместе с отцом, а матери рядом с ней не было. Мать ещё давным-давно унёс злой дух по имени «Соблазн». Отец очень горевал по этому поводу и был так слаб и безутешен, что вскоре попал в сети к другому злому духу по имени Ал-Коголь.

Он продолжал жить вместе с девочкой, но в то же время был рабом злого духа, и поэтому девочка чувствовала себя очень одинокой. Её спасали лишь старые добрые друзья по имени Книги. Они уводили девочку в чудесные страны, дарили ей неведомые миры, рассказывали чудесные стихи и сказки. Некоторые сказки, которые дарили ей книги, она особенно любила, и ещё она любила сказочника, который их сочинял.

И вот однажды она встретила этого сказочника на улице.

Он поскользнулся, упал и случайно уронил злую колдунью, проходившую мимо. Девочка, не помня себя, бросилась на помощь своему давнему, но ещё незнакомому другу.

Сказочник и девочка полюбили друг друга. Он гулял с ней по улицам, знакомил со своими не менее удивительными друзьями, угощал её мороженым и кофе и, конечно же, рассказывал ей новые удивительные сказки.

Но то ли злая колдунья решила им отомстить, то ли ещё по каким-то никому не ведомым причинам, только силы тьмы решили разрушить их счастье. И когда девочка пошла навестить своего отца, злой разбойник украл её и стал требовать от сказочника выкуп. Конечно же, сказочник тут же бросился на выручку, только вот ведь незадача, и девочке удалось ускользнуть от рук злодея! И она тоже бросилась навстречу своему рыцарю...

На этих словах Мишель крепко и сладко уснула.

11.6 ДАО ПОИСКА

Мы с Сарком тупо смотрели на свисающие из окна простыни и пытались переварить увиденное.

— Если это разыгранный тобой спектакль, то берегись, Сарк! Кто бы ни были твои наниматели, поверь, им не удастся защитить тебя!

— Миф, это не я! Честное слово! Она была здесь. Я запер её! Видимо, она просто сбежала! Ну, и хорошо. Она не маленькая. Как-нибудь доберётся до дома.

— Доберётся?! Чёрта с два с этих куличек доберёшься! Может, тут по ночам автобусы ходят? Или добрые дяденьки её на машине подвезут? Ты посмотри, что на улице делается! Сидит бедный лягушонок в какой-нибудь подворотне и дрожит от страха!

— Ну, почему в подворотне? В подъезде каком-нибудь стоит, там сейчас нормально, вполне даже тепло.

— Вполне! Впрочем, вероятнее всего, ты прав. Скорее всего — в подъезде. Много домов в этих чёртовых куличках?

— Да не-е. Домов пятнадцать, да ещё изб десятка два, может быть, там, в сарае в каком-нибудь, спряталась.

И мы пошли обходить все окрестные сараи и подъезды. По дороге я расспросил Сарка о его загадочных работодателях. Похоже — не врал, по крайней мере, со сведениями, которые раскопал Сашка, это совпадало. Похоже, Сарка действительно использовали втёмную. Вот только кто? Неужели всё-таки Сашка?

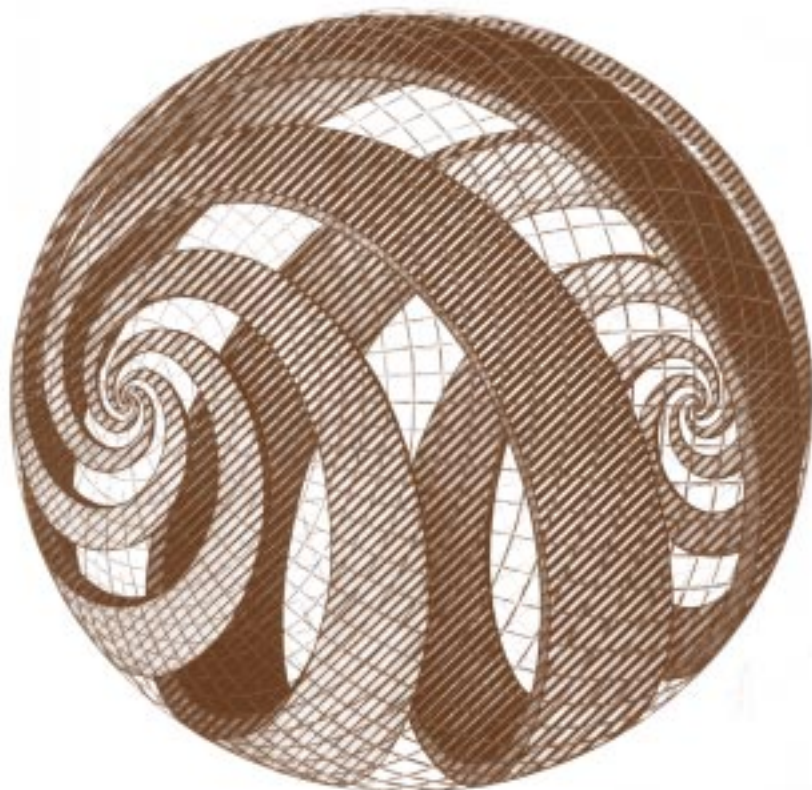

Исходя из того, что Сарку больше не звонят и не спрашивают, информация их больше не интересует, то есть они о ней знают! Значит, это или Сашка, или кто-то из его ближайшего окружения.

Однако Мишель нигде не было. Рассветало. Дождь как-то сразу и вдруг перестал, и на востоке занималась нежная, как клюквенный кисель, заря. Я отправил Сарку спать. Прокру от него больше не было никакого. Встал около того места, где всё ещё свешивалась самодельная верёвка из простыней и попробовал выключить рациональное мышление. Лишь отказавшись от поисков, можно найти то, что ты ищешь, уверяет учение Дао. Я попробовал, превратиться в маленькую, очень смелую, но и очень испуганную девочку. Вот она вырвалась из душной клетки, вот бросилась бежать как угорелая! Куда? Да куда глаза глядят. Через луг, к лесу, в спасительную тень деревьев!

Я нашёл её в дупле старого огромного дуба. Она мирно спала на земле, свернувшись калачиком, укрывшись чьим-то выброшенным пальто. Когда я взял её на руки, то она даже не проснулась. Я нёс её через лес, как всё самое драгоценное, что только есть на Земле. Я шагал в лучах восходящего солнца и был счастлив!

Тьма отступила. Начиналась другая жизнь. Начиналась эра Мабуи Золотистой.

Глава двенадцатая. ОКО-Н-ЧА-НИ

*Всё оказалось не так, как казалось...
В сердце остались печаль и усталость.
(Ван Дер Вайн)*

12.1 НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА

Я отвёз Мишель к Сашке. Тому было две причины. Во-первых, это был изначальный порыв, а раз уж встал на путь Дао, раз уж убедился, что он не подводит, так и иди по нему, доверяясь древнему чутью, а не разуму. А во-вторых, как ещё неоперившийся даосист, я убедил себя и с рациональной точки зрения: если Сашка не враг, то, пожалуй, его дом — самое надёжное место, если это были его интриги, то он уже получил, что хотел, и вреда от него также не должно было быть. А в-третьих, его врачи и психологи обеспечат девочке самый лучший уход, который только возможен.

Мы сидели с Сашкой в оливковой зале, пили сухое вино, разумеется, с оливками, и блаженно курили кальяны, заправленные всё тем же белым вином.

От этого сибаритского занятия нас оторвал уже знакомый мне референт, одетый в этот раз в костюм оливкового цвета. (Сашкина однотонность и, я бы даже сказал, моветонность скучна.... увы...)

— Разрешите, Александр Евгеньевич?

— Надеюсь, сведения заслуживают того, Серж? — вопросом на вопрос ответил Сашка.

— Думаю, да.

— Ну что же, мы с Мишелем внимательно слушаем.

— Итак, вот что нам удалось выяснить: Кроликова Семёна Аркадьевича, наняли два актёра из Московского Художественного театра имени Чехова, которые, в свою очередь, были наняты небезызвестным нам Бекасовым Андреем Григорьевичем, арендовавшим у нас два месяца назад склады, предназначенные, как мы теперь понимаем, для товара X, — с этими словами референт протянул нам фотографии, господина Бекасова, с которых смотрел на меня своими чистыми и невинными глазами, не кто иной, как Бек!

12.2 И ПОРАЖЕНЬЕ ОТ ПОБЕДЫ УЖЕ НЕ МОЖЕШЬ ОТЛИЧИТЬ

— Да никакого Вонга и не было, Миф! всю эту гениальную операцию я придумал от начала и до конца. Ну что ты злишься? Ведь всё же замечательно получилось! Мы провели блестящую кампанию. Мы придумали изумительный товар. Мы будем первыми, кто сорвёт на нём гипер-прибыль. Я заказал в Турции ещё пятьсот мабуй. Да ты посмотри, вложений-то сейчас максимум на пять тысяч, а получим мы ну никак не меньше полумиллиона.

— Вложений? А души человеческие? Во что, интересно мне знать, ты оцениваешь души?

— Да брось, Миф, у меня же всё под контролем было. Никто бы не пострадал. Это был единственный способ сделать гипер-раскачку и без того-то гениального мозга.

Во мне уже как-то перегорело всё... В первый момент я готов был растерзать Бека, но к его приезду полностью успокоился. Жизнь преподнесла мне очередной урок. Хотелось лишь расставить трема над некоторыми «ё».

— Хорошо, Бек, как ты меня втравил в это дело, мне понятно. Пусть это останется на твоей никчемной совести. Но откуда у тебя взялись средства на рекламу, если никакого Вонга, как ты утверждаешь, не было?

— О, это была гениальная комбинация. Я в своё время работал в мастерской по изготовлению печатей. Место было бойкое, и у нас их заказывало огромное количество компаний, так или иначе причастных к СМИ. Я делал себе дубликаты, сначала просто так, потехи ради, а потом, когда созрел этот план, уже целенаправленно. Дальше дело техники: составляешь двухсторонние договоры и вперёд... почти во всех СМИ царит текучка и неразбериха, так что о каких-то там бартерных обменах никто ни черта и не помнит.

— Знаешь, Бек, ты действительно провернул Блестящую операцию. Но вот счастья тебе эти деньги не принесут, уж ты поверь мне.

— Ты что, Миф, ты что, выходишь из игры? Теперь, когда всё только начинается? Ты хочешь выйти из игры?

— А я не играл, Бек. Сначала, может быть, да. Но потом я лишь спасал маленькую доверчивую девушку. Я уже не злюсь на тебя, Бек, — перегорел. И даже по-своему благодарен тебе, поскольку из-за твоей подлой интриги у меня на многое открылись глаза, да и душа, кажется, снова проснулась. И вот в благодарность я дам тебе один совет. Не лезь ты в это дело. Растопчут. Из-за твоих интриг в игру втянулись очень влиятельные люди. И вложили они в это дело, в отличие от тебя, гораздо и гораздо больше. Я советую продать тебе это дело со всеми потрохами тысяч за тридцать, максимум пятьдесят. Это очень и даже очень хорошая прибыль, Бек.

— Уж не тебе ли?

— Нет, Бек, я как нанятый работник получил свои 500 долларов, от пяти процентов обещанных мне, я по причинам, которые ты, наверное, никогда не поймёшь, отказываюсь.

— Какие пять? Миф, теперь, когда всё выяснилось, мы полноправные совладельцы компании!

— Нет, Бек.

12.3 МАЛЕНЬКИЙ ДОМИК У МОРЯ

На полученные у Сашки деньги мы с Мишель купили небольшой, но очень уютный домик на Чёрном море. Отец её после продолжительного лечения в клинике Чуковского, кажется, выбрался из рабства злого духа Ал-Коголя.

Сегодня прошло почти полгода после этих злополучных событий. Беку, как я и предсказывал, развернуться не дали. Сашка скупил у него всё дело, насколько мне известно, тысяч за десять. И то сделал это по моей настоятельной просьбе. Он тогда очень был зол на Бека, и дай ему волю, заставил бы бедного комбинатора ещё и отрабатывать в счёт причинённого морального ущерба его ближайшему родственнику, то есть мне.

Хром и Лика поженились.

Хром не так давно стал чемпионом России по бильярду и готовится выступать на чемпионате мира. Шарик после работы с Сашкиными психиатрами перестал заикаться и продолжает писать свои нетленные творения под псевдонимом Ван Дер Вайн. Семён Аркадьевич Кроликов вернулся к написанию книги об острове Борнео и вспоминает произошедшие с ним события как страшный сон. Множество людей, благодаря целительному воздействию настойки на хвостах Мабуьи Золотистой, поправили своё здоровье, и у многих из них наконец-то родились долгожданные наследники.

А я сегодня, дописывая эту странную историю, вынул из почтового ящика необычную открытку со стихами от неизвестного адресанта:

*Жёсткое дыханье ста тысяч сознаний,
Колючий ветер тревожных мыслей
Разбиваются о грудку воробья,
Клюющего хлеб на асфальте...*

10 января 2005 г.

Приложение 1

Четыре стихотворения из сгоревшей тетради Остров-Кольского

*Словно вышел из берегов день.
Словно вышла из берегов мысль.
Словно плоть обрела тень...
Словно счастье залило жизнь.*

*Короткое таинство ветра.
И лёгких стихов водопад,
Как рифма печали и света,
Пришедшая вдруг... невпопад...*

*Мелодия скрытой тревоги...
Рассеянность сумрачных дней...
И тайна последней дороги
Уводит в пространство теней.*

*Когда начинаешь путаться среди дней и ветров...
Когда возраст скорее пространства, чем времени
Раздвигает муар облаков
Твоей памяти...*

*Ты вспоминаешь, как на речной отмели
Когда-то строил домики из песка...
Домики, которые, в отличие от культурных зданий,
Переживут века...*

*И там, тогда
Речная волна лизнула твою ладошку,
Оставив на ней разноцветный след,
Запятую воды... Двоеточие солнца...
Шелест утреннего дождя...*

И, видимо, где-то там...

*Я размашистым почерком
Начертал тебе строчку стиха
Я вложил в эту строчку
всю свою беззаботную душу
так зачем же, скажи, в этом мире любви и греха
каждый вечер дрожу и пред серою вечностью трушу?*

Приложение 2

Лист единения

Мы живём в едином пространстве.

Все мы очень разные: мужчины, женщины, музыканты, художники, слесари, коллекционеры монет, садоводы, любители кошек и красного вина, путешественники, водолазы, космонавты, эпикурейцы, аскеты, бегуны на длинные дистанции и парализованные старцы...

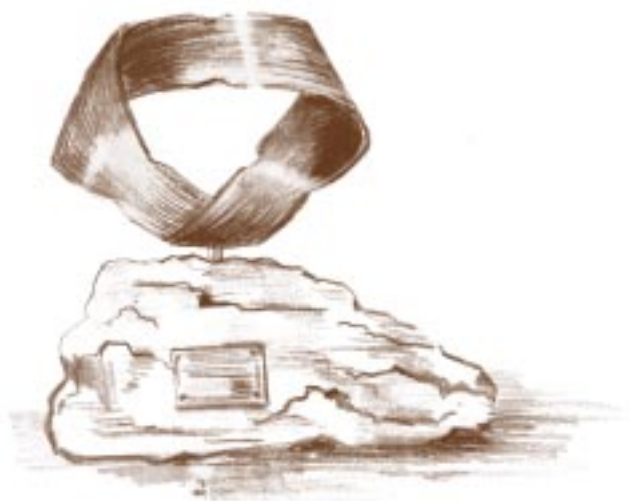
На одном из китайских храмов было изображено более 4000 профессий, у французского писателя Оноре де Бальзака в человеческой комедии было выведено 5000 персонажей... в реальной жизни их, разумеется, гораздо больше...

Однажды математик Лейбниц предложил светской публике найти в осеннем саду два одинаковых листа — таковых, разумеется, не нашлось...

И всё-таки... И всё-таки такой лист существует! Несмотря на великое разнообразие, мир един! Чёрное перетекает в белое, зло растворяется в добре, ненависть тонет в любви, сквозь любое безобразие прорывается скрытая красота...

Лист Мёбиуса не имеет второй стороны — это единственная односторонняя поверхность, которую можно увидеть в нашей перепутанной и многообразной вселенной — это символ объединения самых разных начал, знак бесконечности, триединства, неординарности и обыденности.

Очень хочется установить эти знаки по всей Земле, чтобы люди — очаги возмущения пространства и частички великого хаоса — всегда помнили о своей единой природе...

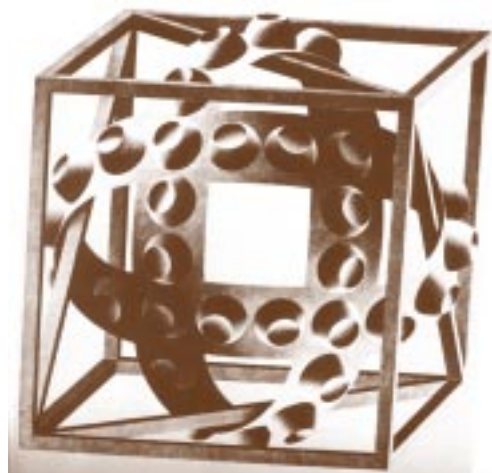

**ОГЛАВЛЕНИЕ
СОДЕРЖАНИЕ
СПИСОК ГЛАВ И ПОДГЛАВОК**

Три пред-и-словия	2
Корпус эпитафий	5
<i>Глава первая. Кролик выходит на тропу воина.....</i>	7
1.1 Пробуждение.....	7
1.2 Аб ово.....	10
1.3 Адрес закованного дома.....	13
<i>Глава вторая. Кот в мешке.....</i>	15
2.1 Петля Мёбиуса.....	15
2.2 Предложение.....	16
2.3 Люди-человеки.....	17
2.4 Реклама кота в мешке.....	18
2.5 В компании с Ван-дер-Вайном.....	19
2.6 Потери и утраты.....	20
2.7 Улица, ужин, фонарь.....	28
<i>Глава третья. Заяц в петле.....</i>	35
3.1 Знак-омство.....	35
3.2 Продолжение банкета	36
3.3 Ночная прогулка	38
3.4 Новости ночи	40
3.5 Предзакатный чай	42
<i>Глава четвёртая. Дво-юродный брат</i>	44
4.1 Знаки	44
4.2 Смысл поэзии и смысл жизни	48
4.3 Бизнес-мэн	49
4.4 Утро	51
<i>Глава пятая. Секретное задание</i>	52
5.1 Утро	52
5.2 Задание	53
<i>Глава шестая. Про-рочества</i>	55
6.1 Приобретения и находки	55
6.2 Цыганка	58
6.3 Сектанты	59
6.4 Речная прогулка	60
6.5 Бакены судьбы	61
6.6 Сон	63
<i>Глава седьмая. Нео-французский поцелуй</i>	66
7.1 Улицы у лица	66
7.2 Мишель	67
7.3 Вино познания	69
7.4 Воспитание чувств	72
<i>Глава восьмая. Исследования</i>	74

8.1 Человек у зеркала	74
8.2 Гадание на кофейной гуще	77
8.3 Утренние газеты	80
8.4 Создание образа	83
8.5 Визит к леопарду	85
8.6 Козья морда от кузена	87
<i>Глава девятая. Тотемизация мабуйи</i>	90
9.1 Тринадцать приёмов глажения рубашки	90
9.2 Облика марали	91
9.3 Ловушки	95
9.4 Военный совет.....	96
9.5 Подноготная мифа	100
<i>Глава десятая. Каждый человек в ответе за всю вселенную</i>	108
10.1 Прояснение отношений	108
10.2 Выяснение отношений	112
10.3 Пешт-даш	114
10.4 Краткий доклад по двум пунктам	121
<i>Глава одиннадцатая. Ремонт кармы</i>	123
11.1 Заблудившийся автобус	123
11.2 Кроликобродство	125
11.3 Шерше ля фам	125
11.4 Точка либрации души	126
11.5 Сказка заброшенной хижины	128
11.6 Дао поиска	129
<i>Глава двенадцатая. ОКО-Н-ЧА-НИ</i>	131
12.1 Неожиданная развязка	131
12.2 И поражение от победы уже не сможешь отличить	131
12.3 Маленький домик у моря	132
Приложение 1 <i>Четыре стихотворения из сгоревшей тетради</i>	
<i>Остров-Кольского.....</i>	134
Приложение 2 <i>Лист Единения</i>	135
Список глав и подглавок	136

*Возможно, Путь — всего лишь возвращенье
К утраченно смыслу, и ещё...
Осенних листьев золотые вальсы
Под арфу серебристого дождя
Зовут.*

Погарский Михаил Валентинович

неполное собрание сочинений

Том 8

существует на правах полной автономии

ПЕТЛЯ МЁБИУСА

Приложение к альманаху «Треугольное колесо»

В оформлении использованы рисунки Мориса Эшера

В оформлении обложки и стр. 135 использованы рисунки Гонель Юран

Готовятся к изданию:

Том 5. Пятая стихия (книга-трактат)

Том 7. Кунсткамера хранения (том-музей)

Художественный редактор — Гонель Юран

Дизайн и вёрстка — Михаил Погарский

Корректор — Игорь Василенко

Альманах «Треугольное колесо», 143403 Красногорск-3, а/я 8

www.trinwheel.com

www.pogarsky.ru